
ОНИ С ПЕРЕДНЕГО КРАЯ
А. Старков. Сильные души
Рассказ Норы Адамян
ПОЕЗД ПРИХОДИТ НОЧЬЮ
Игорь Ильинский. О сыне и его сверстниках
РЕПОРТАЖ:
НАШИ РАКЕТЧИКИ
ОГОНЁК
№ 30
ИЮЛЬ
1961
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 30 (1779)

23 ИЮЛЯ 1961

39-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

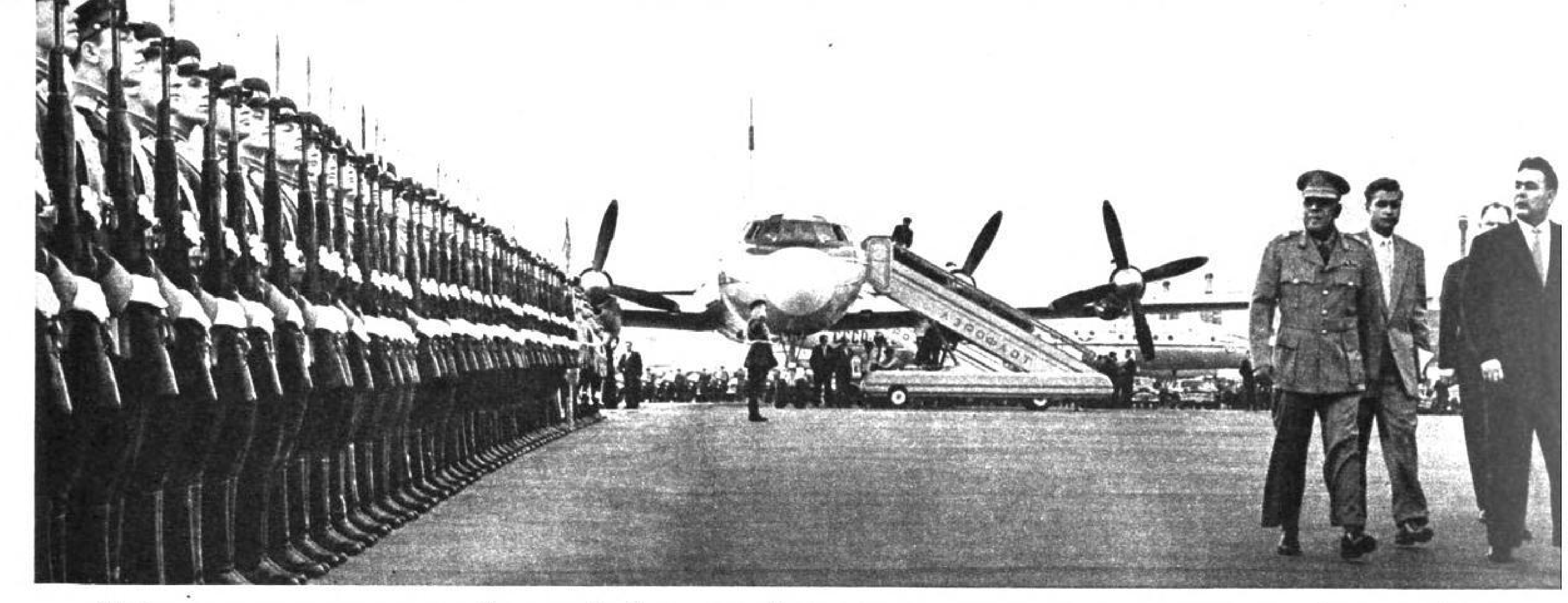
Здесь, в новом кинотеатре «Россия», построенном на площади Пушкина к открытию Второго Московского международного кинофестиваля, проходили просмотры фильмов для членов жюри и многочисленных гостей.

Главный зал вмещает 2 550 человек. В двух других залах, предназначенных для показа документальных, научно-популярных и мультипликационных фильмов, 225 и 200 мест. В одном из малых залов — широкий экран.

Кинотеатр построен по проекту архитекторов Ю. Шевердяева, Д. Солопова и Э. Гаджинской.

На фестиваль.

Фото Е. Умнова.

17 июля с государственным визитом в Москву прибыл Председатель Верховного совета вооруженных сил и премьер-министр Республики Судан генерал-лейтенант Ибрагим Аббуд. Трудящиеся столицы тепло приветствовали высокого гостя из дружественной африканской страны. На Внуковском аэродроме Ибрагима Аббуда встречал Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев.

Фото А. Гостева.

В ТРУДЕ И В БОЮ

От боя к труду —
от труда до атак,—
в голоде, в холоде и наготе
держали взятое,
да так,
что кровь выступала
из-под ногтей.

Эти слова Владимира Маяковского, написанные о Советской России, можно вполне отнести к героической Кубе, которая в эти дни празднует 8-ю годовщину начала своей народной революции.

Громя интервентов, вооруженных американскими монополиями, срывая заговоры и диверсии реакции, свободолюбивый народ Кубы строит свое новое государство. В 1962 году начнет осуществляться четырехлетний план индустриализации страны. У Кубы будут свои машины, тракторы, телевизоры, холодильники, возникнет целый ряд отраслей тяжелой и легкой промышленности, которых никогда не было на острове. Кубинцы радуются первым успехам в производстве промышленных и продовольственных товаров.

Освобожденный народ поставил целью: в короткий срок покончить с тяжелым наследием прошлого — неграмотностью. Вместе с детьми за парту садятся пожилые рабочие и крестьяне с натруженными, мозолистыми руками. Молодежь овладевает наукой, техникой, новыми профессиями. Расцветает темпераментное и ярко-красочное искусство Кубы.

Героический кубинский народ пользуется симпатией и поддержкой всех честных людей земли в борьбе за правое дело.

Тебе, Куба!

Николай ДОРИЗО

Все мои думы о Кубе.
Как ей спалось,
дышалось?
Будто бы там,
в Гаване,
Мать у меня осталась.
Братья мои, кубинцы,
Бородачи молодые,
С вами мы
свято,
надежно
В трудные дни боевые!
Ваш удивительный остров
Не океан омывает —
Это
любовь
всех народов
Волны свои поднимает.
Братья мои, кубинцы,
Куба моя дорогая,
Музыка вашей победы
В сердце поет, не смолкая!

То, что дала нам революция...

Не отдадим!

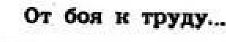

Фото В. Володкина и Н. Кармен.

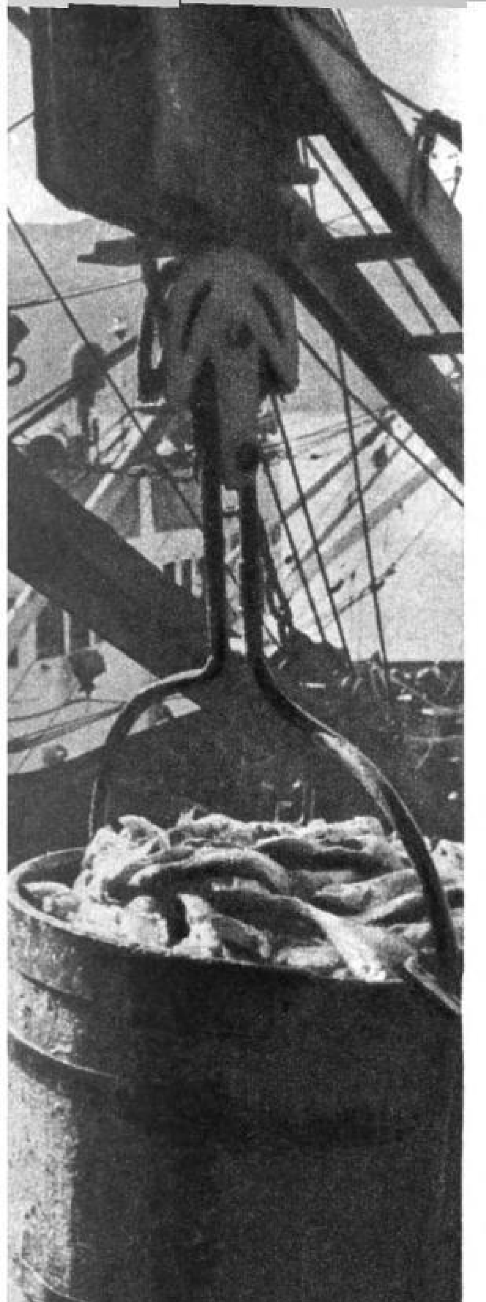
От боя к труду...

Покончить с неграмотностью...

ДЕНЬ ЗА ДНЕМ

ТРУДОВЫЕ УСПЕХИ

Горький

Фото Н. Капелюша.

Есть у волжских капитанов книжечка, которую они знают чуть не наизусть. Это — правила плавания. Да и не мудрено было выучить их: многие годы правила почти не менялись. Но совсем недавно появились в них новые параграфы.

За сухими строчками скрываются большие перемены на водном транспорте, а говоря смелее,— целая революция на флоте. Речь идет о кораблях на подводных крыльях, родившихся на старейшем судостроительном заводе России — «Красном Сормове».

Первой была «Ракета», которая в 1957 году совершила беспримерный скоростной переход от Горького до Москвы: 900 километров за 14 часов.

Осенью 1959 года на Волгу вышел «Метеор», а уже следующей весной он промчался от берегов Черного моря до гавани родного завода всего лишь за 50 с небольшим ходовых часов. В июле 1961 года на воду спущен «Спутник».

И год от года коллектив конструкторов по судам на подводных крыльях, которым руководит инженер Ростислав Алексеев, дает флоту все более мощные суда.

«Ракета» рассчитана на 66 мест, «Метеор» перевозит до 150 пассажиров, а «Спутник» возьмет на борт сразу 300 человек. Длина нового судна — 48 метров, водоизмещение — 104 тонны, скорость — 80 километров в час.

«Спутник» будет сдан речникам к XXII съезду нашей партии — трудовой подарок сормовичей.

М. УРЕС

Мурманск

У мурманских рыбаков сейчас горячая пора. Впрочем, у них она всегда горячая: круглый год идет лов рыбы, сотни судов бороздят морские просторы. По пятнадцать — двадцать кораблей приходят ежедневно с лова и становятся под разгрузку, и столько же выходят в дальние многодневные походы.

Стране нужно много рыбы, и коллектив тралового флота решил дать к XXII съезду сверх плана сто тысяч центнеров. А когда это обязательство выполнили, то удвоили его. К середине июля на счету рыбаков было уже без малого двести тысяч центнеров.

— Что ж, придется опять брать повышенные обязательства,— говорят рыбаки. Ловись, рыбка, всякая, чем больше, тем лучше!

Фото Ю. Кривоносова

Астрахань

На весь мир знаменита русская черная икра. А знаете, кто ее основной поставщик? Икорно-балыковый цех Астраханского рыбоконсервного комбината.

К XXII съезду КПСС комбинат обязался дать сверх плана 200 центнеров черной икры.

На снимке: передовая работница цеха комсомолка Антонина Евстигнеева.

Фото Л. Бородулина.

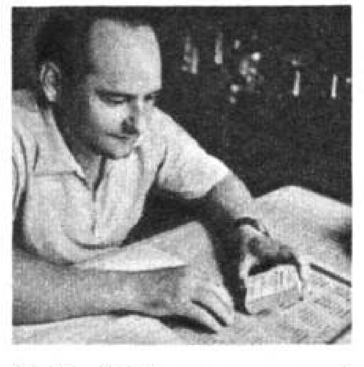
Ташкент

Небольшая коробочка, которую держит Наиль Кадырович Абубакиров,— подарок узбекского ученого XXII съезду партии. Здесь в маленьких ампулах хранится строфантин-К. Несколько капель этого чудодейственного средства возвращают к жизни людей, страдающих острыми приступами сердечной недостаточности.

В ампулах воплотились пять лет работы, тысячи опытов и только что защищенная докторская диссертация. Лекарство уже помогло спасти десятки жизней. А государство наше благодаря работе Наиля Кадыровича сэкономит сотни тысяч рублей, отказавшись от дорогого импортного сырья. Ведь строфантин-К Н. К. Абубакиров и группа сотрудников Института химии растительных веществ Академии наук УзССР выделили из широко распространенного отечественного сырья.

В лаборатории химии глюкозидов института получен и другой ценный препарат — олиторизид. Оба лекарства прошли клинические испытания. Решением Фармакологического комитета АМН СССР они рекомендованы к применению в широкой медицинской практике.

В. КРУПИН

Н. К. Абубакиров в своей лаборатории.
Фото автора.

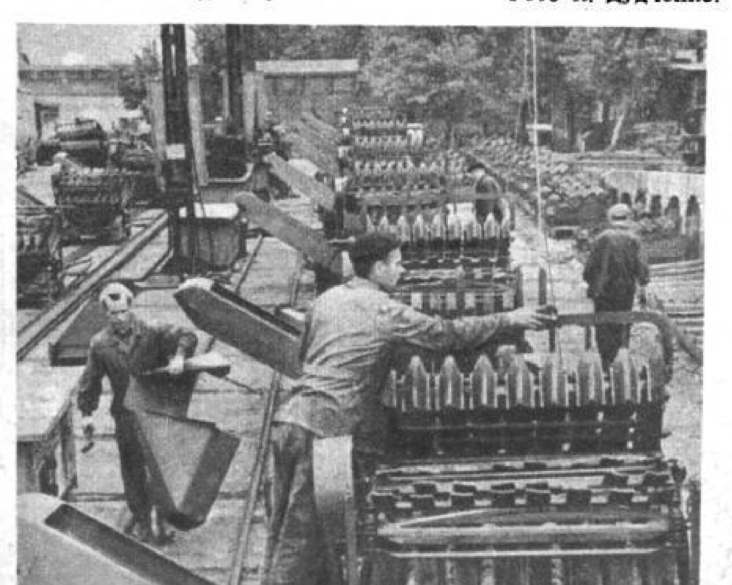
Николаев

Танкеры, сухогрузные дизель-электроходы, рыболовные траулеры — разные суда сходят со стапелей судостроительного завода имени И. И. Носенко. Казалось бы, своих хлопот у работников завода так много, что только успевай справляться с ними. Но николаевские судостроители находят время и для того, чтобы помочь труженикам сельского хозяйства. Готовясь к XXII съезду КПСС и XXII съезду Компартии Украины, завод обязался изготовить в этом году 4 150 очистителей кукурузных початков.

Первые сотни таких машин уже отправлены колхозам и совхозам.

Монтаж очистителей.

Фото К. Дудченко.

Орск

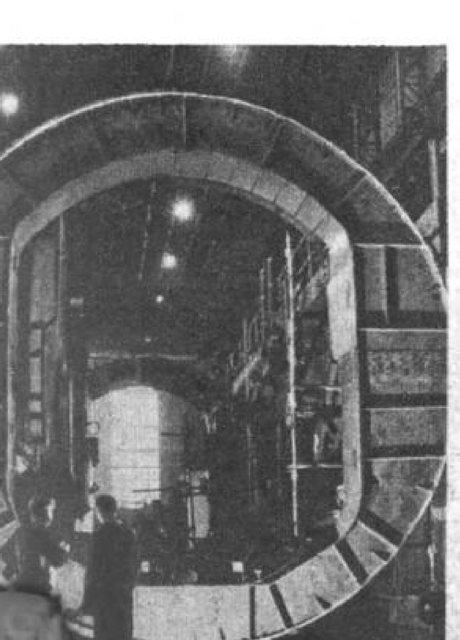
На Южуралмашзаводе в Орске монтируется вагоноопрокидыватель новой конструкции — роторный. Он предназначен для завода «Криворожсталь».

По сравнению с подобными агрегатами старой конструкции новый весит меньше и имеет бо́льшую производительность.

Трудовые победы машиностроители посвящают XXII съезду партии.

На снимке: главная часть вагоноопрокидывателя — ротор — на сборочном стенде.

Фото В. Клипиницера.

Интервью п

Восемьдесят пять дней отделяют нас от торжественного и радостного события — открытия XXII съезда КПСС. Нет сейчас в стране такого города и села, нет предприятия и коллектива, где не готовились бы достойно встретить очередной съезд партии. Редакция «Огонька» связалась по телефону со строителями БРАТСКОЙ ГЭС, с редакциями областных газет РОСТОВА-НА-ДОНУ, АРХАНГЕЛЬСКА и ОМСКА и попросила рассказать, что нового произошло здесь в последние дни, что создают, как трудятся рабочие и колхозники перед съездом.

Братск

К телефону подошел главный инженер строительства ГЭС А. М. Гиндин.

— Забот у нас сейчас много. Ведь к XXII съезду партии мы обязались смонтировать два первых агрегата нашей гидростанции и один из них поставить на обороты. Рабочее колесо первого агрегата уже смонтировано. Надо сказать, это было непростое дело. Монтаж необычный: приходится собирать все прямо на строительной площадке. Габариты рабочего колеса таковы, что перевозить его в собранном виде по железной дороге было невозможно. Рабочие Ленинградского металлического завода отлили его, а затем разрезали пополам и переслали нам. Здесь две части сварили. Но, к сожалению, при сварке получается неправильная форма — не круг, а эллипс. Поэтому приходится растапливать его и доводить на месте до кондиции. Видите, сколько хлопот с одним только колесом! А ведь и ротор и статор тоже надо собирать здесь же. Сейчас статор предварительно уже собран. Немало трудностей и с его обмоткой. Представляете, как сложно зачищать концы обмотки, если толщиной она с руку человека? Когда статор будет собран, его перенесут два крана

…ТЕБЕ, ПАРТИЯ!

ТЕАТРЫ—СЪЕЗДУ

Героев выдвигает время. Меняется эпоха — меняются герои; из жизни они идут в песни, книги и на подмостки театров.

Постановка пьесы А. Корниенко и К. Житника «Шумели вербы над Днестром» в Тернопольском музыкально-драматическом театре имени Тараса Григорьевича Шевченко посвящена XXII съезду КПСС. Героиня пьесы Ярослава Доля — это живой наш современник Евгения Долинюк.

Театр готовит еще два спектакля о современности: «Левониха на орбите» А. Макаенка и «Соловьи поют весной» А. Корниенко. Их герои — люди советской деревни, маяки сельского хозяйства.

* * *

В предсъездовские дни во многих театрах Украины будут идти пьесы А. Корнейчука «Над Днепром» и А. Левады «Фауст и смерть», Н. Зарудного «Антей», А. Коломийца «Фараоны» и М. Бирюкова «Солдат вернулся домой».

К постановке этих спектаклей артисты и режиссеры относятся с большим волнением: это их подарок съезду.

* * *

— Чем мы порадуем зрителей накануне съезда? Наш Литературный театр выехал на целину,— рассказывают в ВТО.

Ансамбль советской оперы ВТО встретит открытие XXII съезда партии постановкой оперы Мурадели «Октябрь». Кроме того, в предсъездовские дни ансамбль выпустит оперы «Семен Котко» С. Прокофьева, «Любовь Яровая» В. Энке, «Сорок первый» Г. Брука.

— В честь открытия съезда мы совместно с Министерством культуры и Союзом писателей проводим смотр спектаклей в театрах Российской Федерации на современные темы,— сказал корреспонденту «Огонька» заместитель председателя ВТО Н. К. Сапетов.

Рыбаки Мурманска повышают обязательства

Корабли обгоняют ветер

…ед XXII съездом КПСС

грузоподъемностью в 350 тонн каждый и установят на место.

Очень хорошо трудится бригада монтажников, которую возглавляет Герой Социалистического Труда В. А. Витальев, да и другие рабочие стараются не уступать этой бригаде.

плана. Сейчас уже выдано около 500 тонн продукции сверх задания. Недавно большая группа передовиков предприятия была награждена орденами и медалями.

Каргопольский леспромхоз в первой декаде июля выполнил почти половину месячного плана заготовки леса. Одна только бригада П. И. Галибина вместо 58 кубометров леса заготавливает за смену до 90 кубометров.

На Онежском гидролизно-деревообрабатывающем комбинате поток, которым руководит рамщик П. Н. Хребтов, до конца года решил дать дополнительно не менее 1 000 кубометров пиломатериалов. Сейчас выработано сверх полугодового задания 847 кубометров продукции.

Близится к концу сооружение Котласского целлюлозно-бумажного комбината. Началась подготовка к первой варке целлюлозы: она произойдет в августе.

Ростов-на-Дону

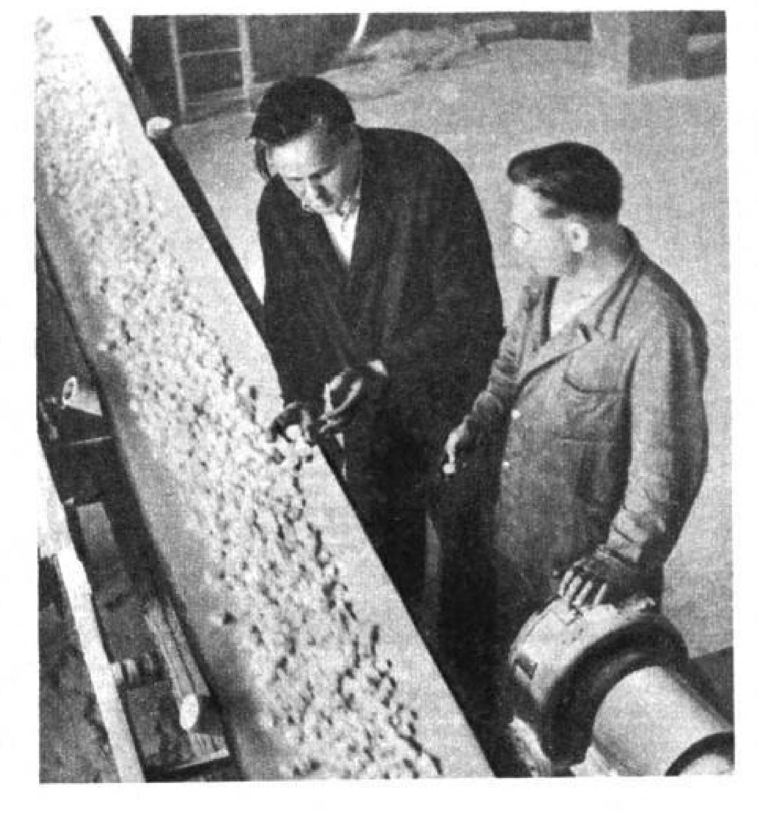
С главного конвейера завода «Ростсельмаш» сошел новый комбайн «СК-4». Эта машина — подарок ростсельмашевцев XXII съезду КПСС. Производительность нового комбайна на 25% выше, чем у его предшественника «СК-3». Пропускная способность — 4 килограмма зерна в секунду. Сейчас на «Ростсельмаше» и таганрогском комбайновом заводе заканчивается подготовка к массовому выпуску зерноуборочного комбайна «СК-4».

18 июля газеты Дона сообщили, что Дубовский район первым в области выполнил годовой план продажи хлеба государству. Около двух миллионов пудов зерна продали колхозники. А всего по области на приемные пункты поступило уже более 50 миллионов пудов хлеба.

На доску почета Ростовского обкома КПСС и облисполкома занесен 81 коллектив, отличившийся в предсъездовском соревновании. Самого большого успеха в последние дни добились механизаторы колхоза «Советская Россия», Константиновского района. Тракторист В. В. Донецков и машинист В. М. Петров скосили за один только день 110 гектаров хлебов!

Архангельск

Коллектив волошского целлюлозного завода дал слово к 17 октября сварить 600 тонн целлюлозы сверх

Одесса

На Одесском механическом заводе освоено изготовление автоматических линий для сахарорафинадных предприятий. Первые пять линий, установленных на Одесском сахарорафинадном заводе, полностью механизировали тяжелый ручной труд на прессовании и сушке сахара. Освободилось больше сорока рабочих. Изобретатели завода — инженер Б. Г. Нерубальщик и слесарь Г. Ф. Зелинский — задались целью продлить механизированные линии на весь технологический процесс, включая и разделку брусков. И вот к одной из линий уже подключен оригинальный колочный станок, созданный изобретателями.

К открытию XXII съезда КПСС решено изготовить еще пять таких станков.

К. ЧЕРЕВКОВ

Фото Г. Копосова.

Омск

На строительстве Транссибирской магистрали сооружают вторые пути участка Омск — Вагай. Готовясь к встрече XXII съезда КПСС, строители сдают один перегон за другим. Все работы здесь выполнены молодыми строителями, которые прибыли из Белоруссии по комсомольским путевкам.

На Омском шинном заводе первыми приняли индивидуальные обязательства в честь XXII съезда КПСС рабочие цеха велосипедных шин. На днях здесь, в цехе, подвели полугодовые итоги соревнования: сверхплановой продукции на четверть миллиона рублей!

Смена Н. Горелкина два дня работала в фонд съезда. За это время с конвейера сошло больше пяти тысяч покрышек. К 17 октября коллектив цеха решил сдать на склад готовой продукции помимо плана 80 тысяч шин.

И на всем пути музыка...

Собравшиеся здесь люди — музыканты. «Стартуют» они от Дома композиторов в Москве на 3-й Миусской улице.

Свою поездку московские композиторы посвящают XXII съезду партии. Поэтому она продлится не всего лишь несколько часов, как любая обычная поездка до Ленинграда, а десять дней. По пути предполагается множество интересных встреч, заезды в колхозы и на предприятия.

В Калинине композиторов и музыкантов Москвы с нетерпением ждут текстильщицы «Пролетарки»; в Вышнем Волочке специальный концерт будет дан для знаменитой бригады Валентины Гагановой; в Бологом советскую музыку хотят послушать железнодорожники.

Впрочем, мы, наверное, еще расскажем дополнительно в «Огоньке» об этой поездке и об этих встречах, когда композиторы во главе с Т. Н. Хренниковым вернутся в Москву. 27 июля в Ленинграде они «финишируют». Здесь, на Кировском заводе, состоится большой концерт. В концерте примет участие Д. Д. Шостакович.

Потом — несколько иным маршрутом — в Москву поедут ленинградские композиторы. Эта творческая поездка также организуется в честь XXII съезда. Она будет возглавлена В. П. Соловьевым-Седым.

Н. ПАВЛОВА

Слушатели их ждут!

Фото Г. Санько.

Метеорологи и спортивные обозреватели — непременные участники каждого крупного состязания. Как те, так и другие выдают свои прогнозы еще за несколько дней до начала борьбы и ошибаются не так уж часто. Но перед легкоатлетическим матчем СССР—США метеорологические барометры показывали «ясно», спортивные — «бурю». Кто же ошибался? И те и другие!

Да, погода была отличной, солнечной, безветренной, но под занавес хлынул дождь, да еще в какой момент! Когда планка была поднята на высоту нового мирового рекорда — 2 метра 24 сантиметра.

Да, все два дня на беговых дорожках и в секторах для прыжков и метаний бушевала спортивная буря, но кто мог предвидеть, какой град рекордов просыпется на трибуны стадиона имени В. И. Ленина. Шесть мировых рекордов в одном состязании! Такой «бури» еще не знала история легкой атлетики! Результаты встречи двух сильнейших команд мира превзошли самые оптимистические прогнозы, самые смелые ожидания.

В эти дни был ниспровергнут еще один прогноз, сделанный администрацией стадиона. По самым оптимистическим подсчетам предполагалось, что зрители займут лишь половину стадиона, и в соответствии с этим работала половина касс. Но в воскресенье чуть ли не вся Москва хлынула в Лужники, и у касс образовались колоссальные очереди. Так оправдались надежды американского спортсмена Ральфа Бостона. Выступая перед микрофоном стадиона накануне матча, олимпийский чемпион и мировой рекордсмен по прыжкам в длину заявил, что он хотел бы видеть на трибунах такое же количество зрителей, как и сейчас, в день футбольного матча. Так это и случилось. Легкоатлеты США были покорены добродушием и беспристрастностью московских зрителей, ну, а сами зрители, в свою очередь, еще ни разу не видели такой захватывающей борьбы на беговых дорожках и в секторах для прыжков и метаний.

Нет возможности рассказать на этих страницах обо всем размахе спортивной борьбы матча гигантов. Мы показываем лишь отдельные узловые моменты этого выдающегося состязания. Итог его известен. Состязания мужских команд выиграли американцы (124 : 111), женских команд — советские спортсменки (68 : 39). Три мировых рекорда установили наши гости, три мировых рекорда — хозяева стадиона. А главный итог еще более радостен: окрепшая дружба легкоатлетов двух стран — СССР и США.

Валерий Брумель после рекордного прыжка.

СОЛНЦЕ, ДО

Фото А. Бочинина, Л. Бородулина, М. Боташева, Б. Светланова.

6 МЕТРОВ 48 САНТИМЕТРОВ

— Кто эта девушка? — спросила рекордсменка мира Вильма Рудольф, показывая на свою соперницу.— Татьяна Щелканова? Скажу по секрету, что борьба с ней на последнем этапе эстафеты была одним из самых трудных испытаний, выпавших мне за последние годы. Щелканова обладает удивительной быстротой, и ее бег очень техничен. Я надеюсь снова встретиться с ней на дорожке. Даже не верится, что моя соперница не «чистый спринтер», а одна из сильнейших прыгуний в длину.

...В том, что это так, олимпийская чемпионка Вильма Рудольф могла убедиться на следующий день. Вот Татьяна Щелканова приготовилась к прыжку. Голова ее опущена, а тело все устремлено вперед. И вот разбег, словно бурный финиш стометровки, точный взрывчатый толчок — и спортсменка, оторвавшись от земли, пролетела 6 метров 48 сантиметров. Есть мировой рекорд!..

— Я была готова к рекордному прыжку,— сказала нам Татьяна Щелканова.— И решила не откладывать дела в долгий ящик. Что мне помогло установить мировой рекорд? Упорные тренировки, и в частности то, что я неплохо бегаю 80 метров с барьерами. Этот вид легкой атлетики вырабатывает в спортсмене ритм и взлет. Думаю, что 6 метров 48 сантиметров — это не предел. У меня пока еще низкий взлет при прыжке. Если удастся его «приподнять», то приподнимутся и рекорды.

Зимой буду защищать диплом. Заканчиваю Ленинградский электротехнический институт. Легкой атлетикой занимаюсь шесть лет.

8 МЕТРОВ 28 САНТИМЕТРОВ

Его рост 1 метр 87 сантиметров. И притом он худощав, но этого спортсмена в Америке называют «резиновым мячиком» за поразительную прыгучесть. Это Ральф Бостон. В прошлом году Бостон перечеркнул 25-летний рекорд прыжка в длину, принадлежавший другому американскому легкоатлету, Джесси Оуэнсу. А 16 июля на московском стадионе Бостон снова улучшил свой результат.

— В Москве я выступил хорошо,— сказал нам Ральф Бостон.— Но думаю, что и мне и Игорю Тер-Ованесяну можно было показать еще более высокие результаты. Ведь на московском стадионе совершенно изумительный сектор для прыжков. Как бы вам объяснить... он очень «быстрый». Да, да! Разбегаться на этом секторе — одно удовольствие. Мне кажется, что Игорь не учел этого обстоятельства и включил слишком большую скорость. А прыжок иногда не любит этого...

Я учусь на четвертом курсе университета штата Теннесси. Буду врачом фармацевтом. В Москву приехал впервые. И меня совершенно покорила московская публика. Она очень дружески настроена. И как хорошо разбирается в легкой атлетике! Ваши зрители совершенно непостижимы по своей внимательности и доброте. Мне показалось, что ни один человек не поднялся с места во все часы соревнований.

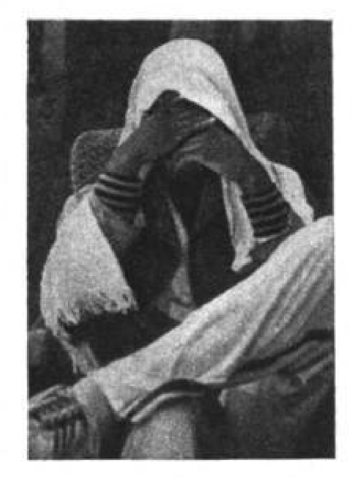
Хочу поздравить Валерия Брумеля с потрясающим прыжком. Прыжки в высоту — это труднейший вид легкой атлетики. Перед нами, прыгунами в длину, нет планки, а наши ближайшие «родственники», прыгуны в высоту, точно знают, какой перед ними рубеж. Это ставит перед спортсменами очень труднопреодолимый психологический барьер. Больших успехов тебе, Валерий, в будущем!

2 МЕТРА 24 САНТИМЕТРА

— Спасибо всем москвичам, присутствовавшим в этот день на стадионе. Своим теплом и вниманием они удесятерили мои силы,— сказал нам Валерий Брумель после своей большой победы.— Спасибо моему тренеру Владимиру Дьячкову, спасибо моим родителям, приехавшим в Москву и следившим за моими прыжками. Спасибо родной партии, Советскому правительству, по-отечески заботящимся о физическом развитии молодежи.

Я хочу также поблагодарить моего заокеанского друга и главного соперника Джона Томаса, который помог мне установить новый мировой рекорд — 2 метра 24 сантиметра. Надо отметить, что почти все рекордные результаты последнего времени в легкой атлетике родились благодаря дружеским спортивным поединкам американских и советских легкоатлетов. Так это было и в Москве 15 и 16 июля. Мне кажется, что эти два дня никогда не померкнут в истории спорта.

Мои планы на будущее? В первую очередь, занятия в институте. Ну и, конечно, буду пытаться осуществить свою новую мечту — взять 2 метра 26 сантиметров. Откровенно говоря, я еще не был готов к штурму этого рубежа 16 июля, но попытка, как говорится, не пытка. Конечно, помешали и дождь и та расслабленность, которая появилась после удавшегося мне рекордного прыжка. Но ничего, скоро я снова выйду на старт. Я приглашен на соревнования в мой родной город Луганск и там попытаюсь взять высоту 2 метра 26 сантиметров.

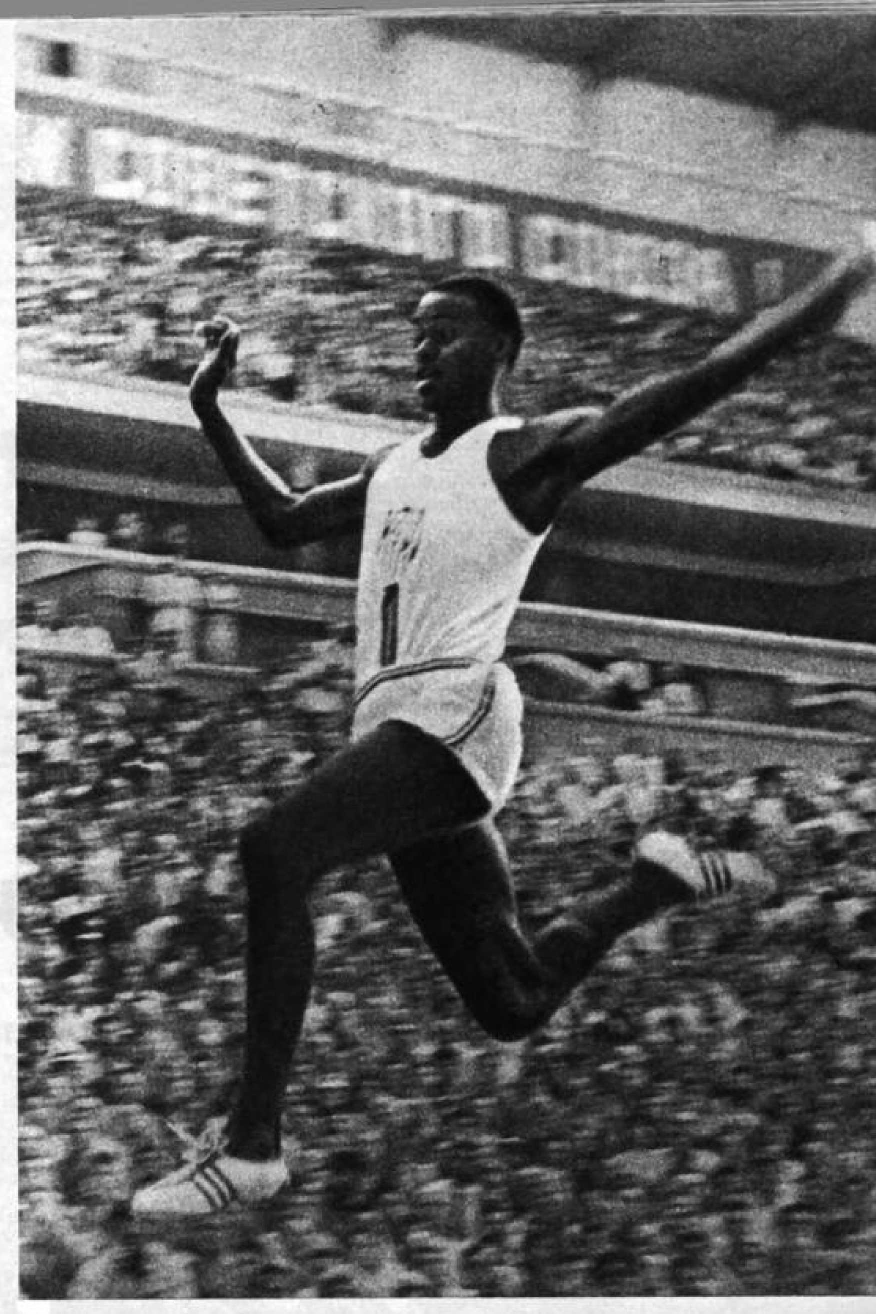
Джон Томас после рекордного прыжка Валерия Брумеля.

Посмотрите на этих двух пригнувшихся бегунов. С волнением следят они за приближающейся к ним эстафетой. Еще мгновение, и, получив эстафетные палочки, они устремятся вперед.

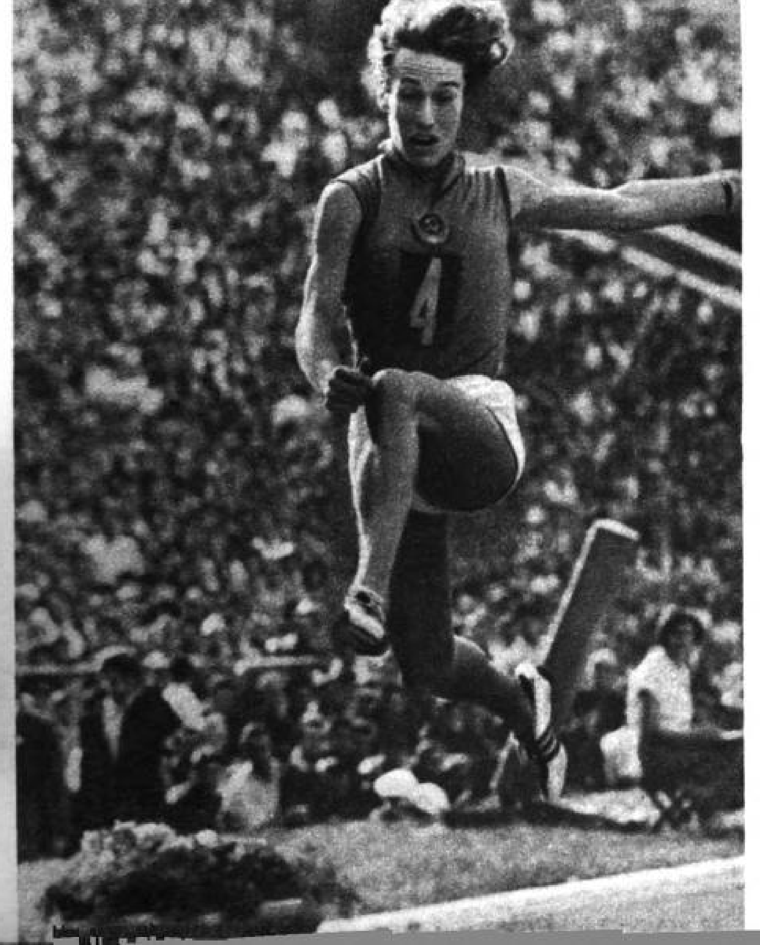
Первой, как всегда, поздравила Тамару Пресс с новым мировым рекордом в метании диска (57 метров 43 сантиметра) олимпийская чемпионка в барьерном беге и победительница матча гигантов Ирина Пресс.

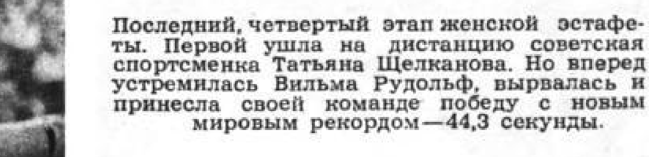

Так родился новый мировой рекорд по прыжкам в длину. Его автор — Ральф Бостон.

ЖДЬ И ГРАД РЕКОРДОВ

Татьяна Щелканова в рекордном прыжке.

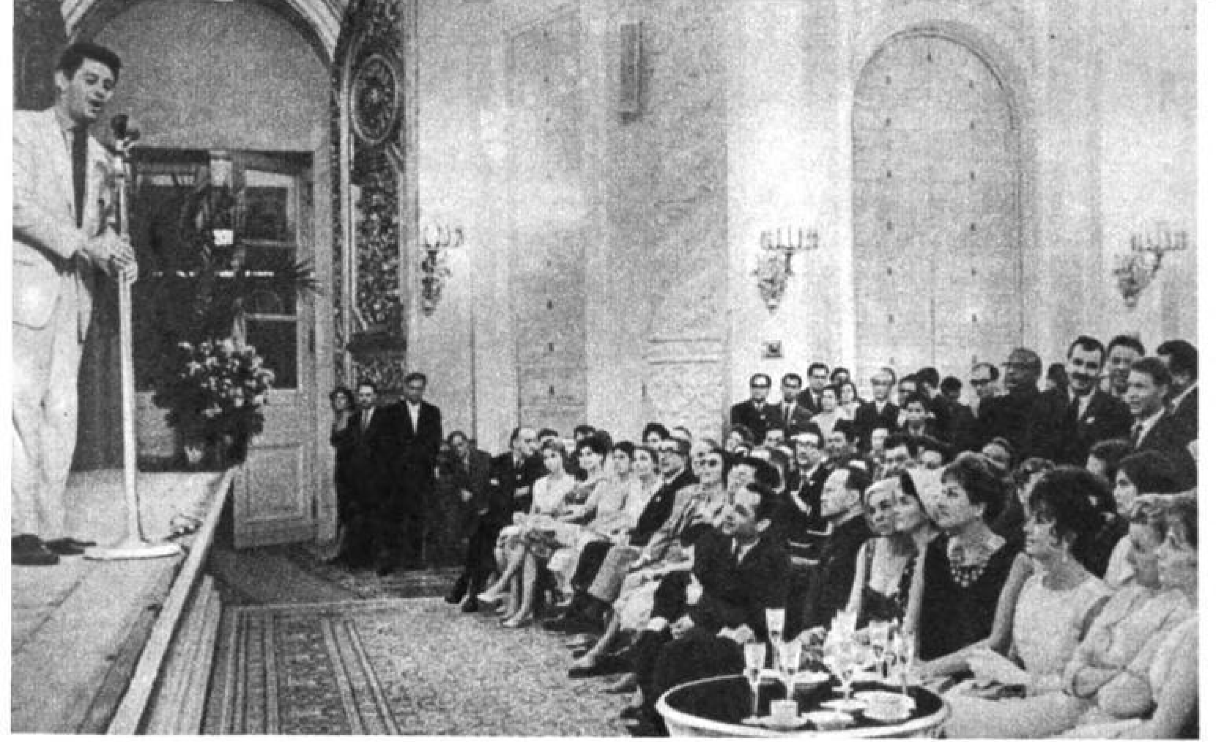

Последний, четвертый этап женской эстафеты. Первой ушла на дистанцию советская спортсменка Татьяна Щелканова. Но вперед устремилась Вильма Рудольф, вырвалась и принесла своей команде победу с новым мировым рекордом—44,3 секунды.

Вот главный итог матча гигантов — дружба. Только что эти спортсменки, не жалея сил, вели борьбу на беговой дорожке. В результате этой борьбы родились сразу два рекорда в эстафетном беге: мировой и европейский. А теперь они все вместе рады сняться с рекордсменом космических полетов Юрием Гагариным.

На приеме в Кремле. После концерта советских артистов выступил американский актер певец Эдди Фишер.

Профессиональный разговор

Н. СВЕТЛОВА, Е. УМНОВ

Людям одной профессии всегда интересно поговорить о своем деле. Когда же это дело — киноискусство, то их профессиональный разговор занимает очень многих.

— Я помню время, когда не было кинофестивалей,— вспоминает известный во всем мире голландский режиссер Йорис Ивенс,— и все-таки кинематографисты разных стран встречались — хотелось поговорить, поспорить, посоветоваться. В последние годы международные фестивали устраиваются постоянно, и каждый из них нашел свое лицо. Московский фестиваль самый молодой и для нас, кинработников, пожалуй, самый интересный, потому что не только дискуссии, но и вся атмосфера фестиваля носит деятельный, творческий характер. Здесь конкурсные кинокартины смотрят очень многие. И то, как жюри и все зрители оценивают фильмы на Московском фестивале, имеет свою особенность. Нет узкоэстетического подхода: во внимание принимаются и содержание и цельность идей, которым служат фильмы.

Есть и свои трудности на фестивале, — продолжает Йорис Ивенс.— Мне кажется, главная из них — что далеко не всегда показывают фильмы, которые отражают основное направление кинематографистов страны, характерные черты жизни народов.

Создавать фильмы, повествующие о жизни своего народа,— эта мысль беспокоит многих деятелей кино.

Начальник кабинета государственного секретаря Республики Мали по вопросам информации и туризма Бубакар Батили (практически круг его занятий — это обязанности министра культуры) придает большое значение развитию национального кино. В Мали, рассказывает он, 95% неграмотных. Книги пишутся только на французском языке: родной письменности пока еще нет. Радиофицировать всю страну сразу не просто. Кино — вот что будет нести культуру в народ! Смотреть и слушать умеет каждый. Озвученные кадры национальных фильмов расскажут о завоеваниях молодой республики, будут просвещать, сообщать сведения и приносить знания народу.

Национальная кинематография тревожит и канадского критика Джеральда Прэтли. Близость Канады к Соединенным Штатам приводит к тому, что картины Голливуда — на всех канадских экранах. Поэтому в стране существуют только документальные картины.

А ведь человеку, посвятившему себя киноискусству, так бы хотелось видеть настоящие художественные фильмы про то, что происходит в жизни его, его друзей, его народа! И Джеральд Прэтли искренне удивлен и обрадован тем, что правительство нашей страны проявляет такой настоящий творческий интерес к искусству кино.

— А прием в Кремле делегатов фестиваля — это изумительно. It's wonderful! — восклицал Прэтли.— В вашей стране отлично понимают, что кино — это не только развлечение. И, наверное, поэтому в ваших фильмах бывает такое гармоничное сочетание игры актеров, использования звука, цвета, всех технических приемов. Я не видел еще «Чистое небо», но я видел «Летят журавли», «Балладу о солдате», «Даму с собачкой», и это превосходные фильмы.

Даже в день, так сказать, официально определенный в программе кинофестиваля как день отдыха делегаты нарушали программу: они опять вели профессиональные, деловые разговоры. Да и как их можно не вести, если профессия — это их жизнь!

— Как вам удалось найти столь выразительную композицию в этих сильных, символических кадрах в больнице, перед операцией, обличающих наци? — спрашивают Конрада Вольфа, режиссера фильма ГДР «Профессор Мамлок».

И он рассказывает, как бывал на операциях, как всматривался во все движения врачей, сестер, чтоб, идя от жизни, от реальных действий и поступков, найти изобразительное решение в кино.

— Нет, я не против символики. Но, точнее, не столько за символы, сколько за обобщенные образы, которые в малом помогают видеть большое. В этом смысле мне представляется очень интересным японский фильм «Голый остров», где конкретный реальный груз — ведра с водой, которые в бесконечном количестве таскает семья японского крестьянина на свой клочок земли — становится как бы символом тяжелой доли, за конкретным действием видишь большее. В фильме есть и другие подобные приемы: когда на иссушенную землю льется вода, когда двигается вереница школьников на похоронах своего товарища. Реальные образы режиссер, оператор умеют обобщить, опоэтизировать, и поэтому фильм становится могущественным, врезается в память. Настоящее искусство не может обойтись без обобщений. И для меня фильм «Голый остров», несмотря на изображение страшно тяжелой, изнуряющей жизни,— это подтверждение горьковских слов. Человек — это звучит гордо! Человек в труде — это всегда прекрасно.

...Заканчиваются последние просмотры, последние пресс-конференции, приемы. И первыми торопятся домой женщины. Ведь, конечно, кроме того, что они кинозвезды, они еще и просто хозяйки и матери.

И английская актриса Вирджиния Мак-Кена, которая приехала в Москву с мужем, известным актером Биллом Трэверсом, говорит что фестиваль проходит очень интересно, но пора домой: ведь там ее ждут трехлетний Вильям и годовалая Луиза.

До следующей встречи!

Одно из самых радостных событий кинофестиваля — встреча Ю. А. Гагарина с делегатами.

Фото С. Смирнова.

На кинофестиваль приехала семья — Элизабет Тейлор и Эдди Фишер.

Здесь можно найти друзей с разных континентов. Английский актер Питер Финч, сыгравший Оскара Уайльда, и делегат из Нигерии Мбазулике Амечи.

На воскресной прогулке киноактриса из Мексики Сусанна Александер, вьетнамская актриса Нгок Лан и Нонна Мордюкова.

СЛУШАЙТЕ, КОНТИНЕНТЫ!

Пресс-конференция. Член Постоянного секретариата Форума священник из Ганы Джекоб Стивенс отвечает на вопросы журналистов.

Г. ГУРКОВ

Какое оно, молодое поколение шестидесятых годов? На Западе его любят называть «потерянным», «сердитым», «никчемным». Нанизывают один на другой эпитеты оскорбительные и глубоко неверные.

Да разве это молодежь — изнывающие от безделья юнцы и их нечесаные подруги, вколачивающие свое время в пол ночных кабаков под гнусавые вопли рок-н-ролла?

Помню, в Мюнхене возле ратуши я несколько дней подряд встречал двух парней. Они медленно прохаживались по тротуару с прикрепленными за спиной щитами: «Нет атомной бомбе!» В руках у ребят были учебники: в университете началась сессия, и каждый час на счету. Но на следующее утро они снова выходили на улицу: ведь если победит бомба, к чему тогда учебники?

Потерянное поколение? Ну, нет!

На Нефтяных Камнях, в этом сказочном городе нефтяников, выросшем посреди грозного Каспия, трудятся сотни молодых. Побывайте у них в часы штормовой вахты, когда взбесившаяся стихия швыряет на металлические острова тысячетонные громады волн, загляните в тихий вечер в библиотеку, поговорите по душам — и вы узнаете, какие настоящие, цельные, смелые и интересные это люди — поколение шестидесятых годов двадцатого века!

Молодость земли на переднем фронте борьбы за мир, за социальный прогресс, против позора нашего времени — колониализма, против ядерного безумия.

25 июля Москва станет столицей молодежи мира. На Всемирный молодежный форум приедут 700 юношей и девушек из 91 страны земного шара. Они пересекут океаны и континенты, они привезут с собой радости, заботы и надежды своих народов.

Форум — это дискуссия. Он призван не к тому, чтобы принимать общеобязательные для всех директивы, а к тому, чтобы лучше узнать друг друга, познакомиться, подружиться.

В пресс-центре Форума непрерывно трезвонят телефоны. Интерес к всемирной встрече молодежи необычайно велик. Газеты, журналы, телеграфные агентства требуют новой и новой информации.

Доклады, сообщения, споры... Каждый имеет право слова. К сожалению, этого права лишили себя такие молодежные организации Америки, как Национальная студенческая ассоциация США, Совет взрослой молодежи, Ассоциация молодых христиан и некоторые другие. «Пожалуйста, высказывайте вашу точку зрения — полностью и свободно, как все остальные, готовьте самые важные доклады», — предложил им Постоянный секретариат Форума. Вначале из-за океана поступали целые своды «условий», порой просто вздорных. А затем пришел отказ. Не от легкой жизни боссы американских молодежных организаций боятся идти на открытую дискуссию с участием молодежи большинства стран земли.

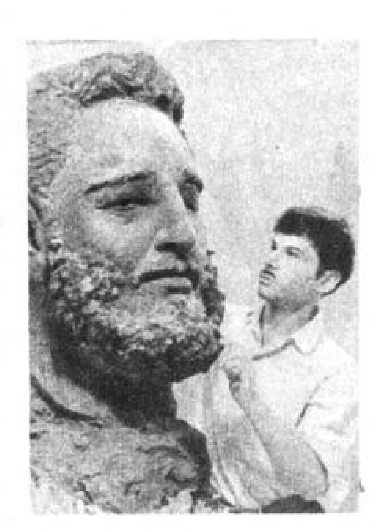
...Пройдет несколько дней, и по всему миру разнесется голос Московского форума. Слушайте, континенты! Говорит поколение шестидесятых годов, поколение, которое объединяет сегодня свои мысли и силы, чтобы остановить войну, чтобы сделать жизнь на земле прекраснее, чтобы осуществить самые невероятные дерзания Человека!

Слушайте, континенты!

Президент и глава правительства Республики Гана доктор Кваме Нкрума, прибывший к нам с дружеским визитом, совершает поездку по республикам Советского Союза.

В школе-интернате колхоза «Кзыл-Узбекистан» пионеры после торжественного приветствия повязали гостю красный галстук.

Фото В. Савостьянова. ТАСС.

Скульптурный портрет любимого героя

Вождь кубинского народа Фидель Кастро. О нем пишут стихи и поют песни на многих языках мира.

Московский скульптор Петр Шапиро сделал портрет Фиделя Кастро и подарил его кубинскому посольству в Москве. На Кубу была доставлена модель скульптуры.

Мы любим тебя, Куба!

Я люблю Кубу. Куба для меня все равно что вторая родина. Я полюбила Кубу с того дня, когда узнала про нее. Мне очень нравится испанский язык. Я знаю немного слов и выражений на этом языке. Теперь у меня самая заветная мечта — увидеть Кубу, быть в этой прекрасной стране.

Я хочу быть переводчицей. Я выучу испанский язык, потому что на нем говорит революционная Куба.

Галя АМАНОВА

Советский народ любит народ революционной Кубы, считает кубинцев братьями. Советский народ и народ революционной Кубы — хозяева своих стран, и дружба между нами нерушима.

Я фотолюбитель. В День праздника советской молодежи я сделал снимок, который высылаю вам.

Наш город молод, не на всех картах его найдешь. А по всему Советскому Союзу сколько городов и сел! И сколько имеют кубинцы друзей!

Если Куба до революции для меня самого оставалась географическим понятием, то теперь моя трехлетняя дочь Люда уже знает Фиделя Кастро, знает Кубу.

Я прошу передать от меня лично, от нашей семьи и от всего советского народа горячий привет и наилучшие пожелания Фиделю Кастро и всему кубинскому народу.

Иван ГАВРИЛОВ
город Салават.

НЕОБОСНОВАННОЕ ОБВИНЕНИЕ

В № 10 «Огонька» за этот год был опубликован очерк писательницы Л. Лесной «Сквозь смерть, сквозь время», рассказавший читателям о подвиге Ольги Калвиш.

«Литературная газета» 11 мая 1961 года напечатала письмо группы калининградских писателей и работников областного книжного издательства, которые обвинили Л. Лесную в прямых литературных заимствованиях у Я. Зараховича, имея в виду его повесть «Орленок», изданную в Риге в 1954 году и посвященную также Ольге Калвиш.

Обвинение в плагиате — тяжелое обвинение. Правление московского отделения Союза писателей РСФСР поручило специально созданной комиссии разобраться в этом деле.

Комиссия нашла совершенно необоснованными все утверждения авторов коллективного письма. Больше того, в выводах комиссии сказано: «Было бы очень хорошо, если бы опубликование очерка Л. Лесной в таком массовом журнале, как «Огонек», послужило не материалом для спора, а поводом для привлечения внимания писателей к подлинной героине латышского народа — Ольге Калвиш и созданию большого, полноценного литературного произведения о ее подвиге».

К этому можно добавить, что никакого «спора» не было бы, если бы «Литературная газета» сочла необходимым, прежде чем публиковать письмо, проверить истинность обвинений, содержащихся в нем.

А если уж ошибка совершена, ее следует исправить. И будем надеяться, что «Литературная газета» это сделает.

ОЛЬГА ФОРШ

Скончалась Ольга Форш — прекрасная писательница, чьи книги волновали не одно поколение. Горький называл Ольгу Форш «человеком умного сердца, талантливой русской умницей».

Ее исторический роман «Одеты камнем» стал известен миллионам читателей. Старшее поколение советских людей с волнением смотрело кинокартину «Дворец и крепость», сделанную по ее сценарию. «Михайловский замок», «Первенцы свободы», «Современники» поставили Ольгу Форш в ряды лучших художников слова русской земли.

Николай Тихонов в своем предисловии к собранию сочинений Форш тепло и задушевно сказал: «Ольга Форш — выдающийся русский советский писатель, человек неистощимой творческой энергии, сказавший свое большое слово, которое останется навсегда в истории нашей литературы».

Горестно сознавать, что горячее сердце Ольги Форш перестало биться.

18 июля в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького в Москве состоялась встреча работников журнала «Огонек» с читателями. Вечер открыл заместитель главного редактора М. Н. Алексеев. С рассказом о работе журнала, о планах на будущее выступил главный редактор «Огонька» А. В. Софронов. Впечатлениями о поездках по Советскому Союзу и зарубежным странам поделились работники «Огонька» Г. Боровик, А. Сербин, Е. Коршунов. Тепло встретили читатели выступления поэтов К. Ваншенкина и С. Смирнова. В конце вечера главный редактор «Огонька» ответил на вопросы читателей.

Фото Р. Лихач.

А. СТАРКОВ

СИЛЬНЫЕ ДУШИ

Александр Нунгессер.

Гульнара Ахметова.

Виктор Ворожейкин переслал мне письма, которые он получил после того, как о нем было рассказано в журнале[1]. О нем и о его подвиге. Он водолаз, и, спасая товарища на дне моря, сам попал в беду: у него парализованы ноги.

В большом, толстом пакете 474 письма. Это только часть почты, полученной Виктором. Та, на которую он уже успел ответить.

Читая письмо за письмом, как бы прикасаешься к мыслям, к чувствам незнакомых тебе людей, к их биографиям, судьбам. И кажется, уже слышишь их голоса. И хочется увидеть этих людей. Увидеть? А почему бы и в самом деле не увидеть? Вот возьму несколько писем и поеду по этим адресам. По каким? Ну хотя бы по такому: Киргизская ССР, Ошская область, Новостройка, автотранспортная контора «Киргизнефти». Это адрес Ахметовой Гульнары, которую «в гараже зовут просто Галкой». Письмо — приглашение. Приглашение Виктору — приехать, как найдет время, к ним на Новостройку, чтобы полечить ноги. У них там отличная водолечебница... И пусть он, Виктор, не огорчается. У нее, у Гульнары, тоже отнимались ноги, а теперь...

Ни в железнодорожных, ни в почтово-телеграфных справочниках нет этой Новостройки. Штемпель на конверте неясный. Что-то вроде «Кочкар»... Снова гляжу в справочник. Ага, есть Кочкор-Ата. Это, наверно, то, что мне нужно.

I

Звоню в Кочкор-Ата.

Это и очень далеко от Москвы и очень близко: слышно, будто с Арбатом говорю. Отвечает почта. Ахметова? Гульнара? Есть такая, механиком в гараже работает. И сразу треск, разрывы. Успеваю только понять, что ехать мне надо в Ош, в областной центр, где Гульнара сейчас на каких-то курсах. На каких, не понял.

Лечу. И снова дальнее становится близким. Через четыре часа — в Ташкенте, а еще через два — в Оше, близ памирских отрогов. Малость ошарашенный всеми этими скоростями, разницей во времени, здешней жарой, названиваю из гостиницы во все концы в поисках нужных мне курсов. А их тут всяких хватает: учатся, повышают квалификацию колхозные счетоводы, дошкольные работники, деятели сельской кооперации, страховые агенты, медицинские сестры, руководители кружков художественной самодеятельности. Вот на этих, на художественных, и нахожу Гульнару.

...Такой я ее себе и представлял: маленькой, худенькой, быстрой в движениях. Но в одном ошибся: волосы стриженые, а я думал, у нее толстая черная коса. Гульнара только что с репетиции — разучивали киргизский танец,— и каждая жилочка еще танцует в ней.

— А Виктор,— спрашивает,— в гостинице?

— Какой Виктор?

— Ворожейкин. Вы разве один приехали?

— Один.

— Ой, значит, мама моя напутала. Звонит позавчера из дому. Едут, говорит, корреспондент с Ворожейкиным, которому ты писала... Я еще немножко удивилась. А потом подумала: парень он решительный, хочет сразу испытать нашу воду. Слышали про нее? Ну да, вы же читали мое письмо Виктору... Искали нефть, а брызнула из скважины вода... Лечебная. Не хуже мацестинской. Даже горячей. Там ее подогревают, а наша чуть не кипяток, охлаждать требуется. К нам сейчас отовсюду едут у кого ноги больные, позвоночник больной. Я с Рытиковым советовалась, главным врачом нашим, с Николаем Григорьевичем. Надо, говорит, посмотреть вашего водолаза. Или пусть, говорит, хотя бы пришлет медицинское заключение... А тут мама звонит: Ворожейкин едет. Вот я обрадовалась. Мы с мамой так решили: жить будет у нас, с Фекретом в комнате. Это старший брат мой, буровой мастер. А младший в армии, кровать свободна... Пусть, думали, поживет у нас Виктор сколько надо, лишь бы вода помогла. Тут многие уже ноги свои вылечили...

— А ваши как? — спрашиваю.

— Мои?

Мы шли по улице, и прохожие немало, наверно, были удивлены, увидев, как шедшая им навстречу девушка внезапно высоко подпрыгнула, побежала, снова подпрыгнула и пустилась в пляс, лихо выделывая коленца.

— Вот как мои ноги!

А когда-то они были недвижны, совсем недвижны... Это случилось вдруг. В канун беды они даже не болели, вечером только тянуло как-то в пальцах, посасывало. Но так уже бывало у нее и почти сразу проходило. Утром она хотела было соскочить с кровати, чтобы начать, как обычно, зарядку, и упала: ноги не держали ее: Их нельзя было и согнуть, чтобы встать хотя бы на колени. Мама на работе, Фекрет тоже, маленький братишка спит, будить его не хотелось. Да и чем он мог помочь? Вскарабкалась кое-как на постель, легла плашмя. Долго лежала так, прислушиваясь к ногам, которыми не могла уже повелевать. Временами казалось, они отходят, что-то там глухо-глухо пульсирует, вот-вот оживут ноги. Но они были мертвы, они ей не принадлежали.

Страшное это состояние длилось три месяца. Потом было еще хуже. Ноги начали двигаться, но каждое движение было болью. Боль была разная: тупая, режущая, ломающая, простреливающая все тело, но всегда невыносимая. Лежишь неподвижно — утихает, пошевелишь пальцами — боль! Врачи говорили: лежать. И она лежала, если кто был дома. Оставаясь же одна, ходила, ходила по комнате, плакала от боли, но ходила; ходила и плакала. Никто не

[1] «Огонек» № 51 за 1960 год. Очерк «Двое на дне моря».

ЛЮДИ КОЛХОЗНОЙ ЗЕМЛИ

В большинстве произведений, представленных на выставке «Люди колхозной земли», человек и его труд — основная тема.

«Бригада работает» А. Прокопенко — картина пейзажная. Но пейзаж здесь тесно сомкнулся с жанром, и художник сумел немало поведать о быте тружеников земли. Понимаешь, что вот сейчас наступит в работе перерыв и сюда весело, шумно соберутся на отдых сильные, молодые люди.

Ленинградский художник М. Труфанов познакомился со своей героиней Олей на Севере. Портретист не может быть равнодушным к героям своей картины. Он должен быть активным, или отрицать суть изображаемого (так, например, отнесся Репин к своим сановным героям в «Государственном Совете»), или утверждать, показывать самое ценное, самое прекрасное. Труфанов в портрете утверждает не человека вообще, а именно эту славную женщину со всеми особенностями черт умного лица, с неповторимостью характера. Но живописец к тому же развивает перед зрителем и социальную характеристику. И вот за документальным художественным портретом возникает большое обобщение: выросла в далеких северных краях своя колхозная интеллигенция!

Иногда портреты — если художник вводит в них действие, сюжет — перерастают в жанровые картины. И пусть портреты написаны с абсолютным сходством, — уже не имеет значения, как именно зовут героя. Под картиной не нужно подписывать имя или фамилию... Часто бывает, что такие произведения приобретают обобщенное название. «Весна идет» Г. Песиса как раз такая картина. Существует совхоз, и существуют люди: директор совхоза и секретарь парторганизации. Художник писал их портреты. Но главное в картине то, что композиция передает настроение: увлеченность работой, целеустремленность людей. Тема картины шире, чем портретное решение.

...На выставке «Люди колхозной земли» в Москве были собраны работы художников из многих республик и городов. Теперь экспозиция передана в Бюро выставок и панорам и поедет по стране, чтобы посмотрели ее в городах и селах нашей страны.

Н. АНДРОНОВА

М. Труфанов (Ленинград). ОЛЯ — ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОЛХОЗА ПО КУЛЬТУРЕ

Т. Тагиев (Баку). ПОРТРЕТ ЧАБАНА.

Д. Черкес (Москва). ПРИЧАЛ РЫБОЛОВЕЦКОГО КОЛХОЗА.
Выставка «Люди колхозной земли».

видел этого — ни домашние, ни подруги, ни врачи. Все думали, она лежит. А она ходила. Страдая, плача, только что не крича.

Так прошло еще полгода. Боль медленно, нехотя, но все же отступала перед ее терпением, перед ее упорством, утихала. Разрешили выходить на улицу. Выйти, но не ходить. Дойти до скамеечки во дворе, сесть. Как же, усидит такая! Прошлась по двору, вышла на улицу. Ой, улица! Как она соскучилась по ее шуму, по снующим туда-сюда прохожим...

Какой-то злой мальчишка крикнул: «Эй, хромоножка, попляши немножко»... Другой, постарше, поумней, отвесил первому подзатыльника. Так что зло было наказано. Но внутри у нее все будто оборвалось. Хромоножка? Я тебе сейчас покажу, какая я хромоножка! И она побежала. Мальчишка подумал, что она хочет его поймать, дать тумака. А она не хотела этого. Она хотела, чтобы мальчишка видел, как она бежит. Бегу и не хромаю, бегу и не хромаю. Видишь? Но он улепетывал, не оглядываясь. Он не видел, как она по-прежнему хромает...

И она еще долго хромала. С год, наверно. Выражение «встать крепче на ноги» имело для нее не переносный, а прямой смысл. Ноги то и дело подводили, подкашивались вдруг, немели. Ей бы выбрать работу полегче, во всяком случае, сидячую. А она — к прядильным машинам, да еще в планочницы. А кто же больше планочниц бегает в прядилке? Так и снуешь, так и снуешь вдоль машин. К середине дня легонькие тапочки булыгами на ногах. Сбросишь их, пока мастер не видит, и босиком по влажному полу. В прядильном пол постоянно мокроватый, его все время обрызгивают. И вообще следят, чтобы воздух был чуть влажный. Чтобы нити не ссыхались. Сухие, они рвутся, образуя завалы, брак... А ногам каково? Здоровым это не во вред — влаги самая малость. Больным — хуже. Но кто сказал, что у нее больные ноги? Спуску она им не дает. Бастуют! На стадион. Стометровку бегать, через планку прыгать, копье метать. Копье — для рук? Ничего, это и для ног неплохая нагрузка.

А им еще и в горы, ее ногам! Альпинистский лагерь — у слияния двух горных рек, Дугобы и Акташа. Гора тоже Дугоба, у второй реки нет тезки... Их девять, собирающихся взойти на Дугобу: восемь юношей и Гульнара, студентка механического техникума. Что за народ? Разный. Гена Овчаров — самый юный, самый не спортивный по виду и самый опытный из них, альпинист-перворазрядник, инструктор, вожак. Вожаком бы быть Арсению, здоровенному парню с лицом боксера, со значком штангиста на груди. Но поднимать штангу, видно, проще, чем в горы подыматься: он сдал на первом же переходе, на втором свалился в речушку, вымок, закашлял и был отправлен Овчаровым вниз. Два студента из Ташкентского университета: большой, громкий Юра и маленький, тихий Илюша. И опять же литературный штамп: маленький, тихий оказался в горах сильней, выносливей. Но что я могу поделать, если так было в жизни? Рослый, здоровый, шумный Юра скис, правда, на самом трудном этапе, когда они шли по ледяному гребню. Он угодил в узенькую расщелину.

Юру долго вытаскивали всей семеркой, и он, побывав в западне, сразу как-то потерял всю свою громогласность, сник, сгорбился, словно за спиной у него не рюкзак был, а вся тяжесть земная. Рюкзак ему разгрузили, рассовав содержимое по своим заплечным мешкам. Но все равно он чуть плелся, сдерживая продвижение остальных. Надо было бы его, как и штангиста, отправить вниз, да забрались уже высоко, к тому же стемнело, и отсылать человека одного рискованно: спуск в горах бывает порой сложней подъема. «Крепись! — сказал Илюша.— Вот переночуем, выспишься, станет легче». Юра молчал, только постанывал. Так дошли до широкого каменного карниза, где можно было разбить бивак. Все устали, все хотели спать и, наскоро похлебав вермишелевого супа, нырнули в спальные мешки.

В палатке-гималайке умещаются трое. Соседями Гульнары были Юра и Илюша. Она сразу заснула, но в середине ночи проснулась от лютой боли в ногах. По брезенту хлестал дождь; Гульнара спала у края палатки, мешок был, видно, дырявый, натекло воды, и ноги пронизывало острой, режущей болью. Вот так они болели у нее когда-то. Принялась растирать, но делать это в мешке неудобно, боль все усиливалась, и она лежала, прикусив губы, чтобы не крикнуть, не застонать. А вдруг она утром не сможет подняться? Что сказать тогда товарищам, как объяснить? Никто не знает, что у нее больные ноги. И не узнают. Встанешь, пойдешь... Вдруг она услышала шепот. Юра говорил Илье: «Утром я вниз, больше не могу...» «Что с тобой? Что у тебя болит?» «Все болит... Грудь, плечи, ноги...» И тут у Гульнары вырвалось: «Ноги, ноги! Разве ты знаешь, как по-настоящему болят ноги?.. А я знаю, что это такое. У меня... у меня они вовсе не ходили...» И осеклась. Больше ничего не сказала. Не сказала, что и сейчас вот, в эту самую минуту, ей нестерпимо жжет ступни. Она вылезла из мешка, сменила промокшие носки на две пары сухих и снова легла. Засыпая, она слышала, как чьи-то руки укрывают ее меховой курткой, но не было уже сил разобрать, чьи это руки. Кажется, Юрины.

Утром они штурмовали вершину Дугобы. Шли тремя связками. В первой, ведя всю группу, шел с напарником Овчаров. За ними, в связке, Илюша, Гульнара, Юра. Я называю их в том порядке, в каком они двигались, соединенные между собой веревкой. Когда трое вот так вместе — это все равно, что один человек. Это составные единого организма, в котором все пригнано и взаимозависимо. И механизм соединения должен быть тут очень тонкий, очень отработанный... Я никогда не был в горах и не смогу описать восхождение на вершину так, как оно этого достойно, хотя старательно выспрашивал у Гульнары подробности. Она отвечала: «Все было нормально. Шли. Страховали друг друга. Илья молодец, а знаете, как трудно идущему первым. И Юра молодец, а как трудно замыкающему». Я догадываюсь, что и Гульнаре было трудно... В общем, поднялись. Сложили из камней тур, оставили записку на правах первовосходителей. Собрались вниз. И тут Илья всех удивил. Распахнул свой рюкзак и вытащил со дна его — ну что бы вы думали? — огромный арбузище. Это было чудо на уровне Дика Читашвили. Пронести незаметно для всех эдакого кругляша! Илюша разделил арбуз на восемь кусков и самый большой преподнес торжественно Гульнаре.

...Мы встретились с Гульнарой в субботу. Выходной она собралась провести дома, и я навязался ей в попутчики: хотелось побывать в Кочкор-Ата. Выехали рано утром, совсем рано. Это все-таки порядочно от Оша, дорога через Андижан, там пересадка на другой автобус, путь все в гору, хорошо, если к полудню доберемся.

— Кочкор — это баран, — просвещала меня в автобусе Гульнара.— Ата значит отец. «Отец баранов» — вот так называется наш поселок. Мы-то между собой Новостройкой его зовем. Но пора бы и официально как-то переименовать. У себя на сессии поселкового Совета мы уже приняли решение ходатайствовать о переименовании. Ну, какой он теперь отец баранов, поселок наш? Отец нефти, Нефть-Ата! Так бы и назвать. У нас там нефть за облаками добывают. У моего братишки буровая на высоте 2 500 метров...

В Андижане на автобусной остановке кто-то весело прокричал нам в спину:

Сидела на палке
Черная галка...

И сразу в два голоса:

— Здравствуй, Галочка!

Лихо откозырнув, вытянулись по стойке «смирно» два юнца в немыслимо цветастых рубахах, блондин и брюнет.

— Здравствуйте, ребята! Вы чего тут?

— Прибыли в ваше распоряжение, товарищ Ахметова...— начал чеканить блондин.

— ...для почетного эскорта на дальнейшем пути вашего следования,— дочеканил брюнет.

— Трепушки вы, — сказала Гульнара и добавила, обернувшись ко мне: — Знакомьтесь. Саша Лихачев. Кызыр Садуев. Они хорошие. Они лучшие слесари в нашем гараже... Как у нас там, ребята? Две недели не была я дома...

Гульнара не видела, как дружки переглянулись, а я видел.

— Стенгазета не выходит...— начал блондин.

— Товарищеский суд не заседает...— подхватил брюнет.

— Культкомиссия развалилась...

— Народная дружина рассыпалась...

— Клуб закрылся...

— Водолечебница не работает...

— Сад при гараже не цветет...

— Резины для машин нет...

— Нефти нет...

— Газа нет...

— Жизни нет...

И в два голоса разом:

— Потому как нету Гульнары!

— Озорники, — сказала она.— Глумитесь?

— Что ты, Галочка. Мы тебя любим. Все по тебе соскучились. И нас выслали встречать тебя.

— Ой ли! Знаю я, зачем вы приехали. За ботинками с острыми носочками. Угадала?

— Угадала.

— Ну, так спешите, мальчики, в универмаг, а то опоздаете к открытию. Уплывут ваши ботиночки. Вечером быть на месте. В клубе. На танцах. Ясно?

— Первый танец со мной,— сказал блондин.

— А второй со мной,— сказал брюнет.

И мигом испарились.

В Кочкор-Ата от автобусной остановки до дома Гульнары метров четыреста, не больше. Но не так-то просто преодолеть это расстояние, если ты целую вечность — полмесяца — не виделась с людьми и каждому хочется поговорить с тобой. К тому же столько перемен, столько нового в твоем маленьком городке! Смотри, школа-интернат уже под крышей. На улице Ленина высадили тополи. Возле открытого плавательного бассейна раздевалку начали строить, давно пора. Ого, спортзал уже работает, вот это здорово, постарались строители... Тут около спортзала из-за угла вылетела вдруг на нас ватажка школьниц. Они перебрасывались мячом, словно были уже там, в зале, у волейбольной сетки. Увидели Гульнару, остановились, притихли, самая высокая из них, очень худенькая, прижала мяч к груди.

— Галя-хон, здравствуйте!

— Здравствуйте, девочки. На тренировку?

— Ага! Хотите с нами, Галя-хон?

— С удовольствием. Но сейчас не могу... А почему у тебя, Оленька, глаза заплаканные? — Это относилось к девочке с мячом.

— Они не заплаканные...

— Очень даже заплаканные. Опять что-нибудь дома? Братишка пишет?

— Он приехал сегодня утром. И сразу с мамой поссорился. Что нам с ней делать, Галя-хон?

— Оленька, я зайду к вам вечерком, часов в семь. Скажи Косте, чтобы был дома.

Снова взлетел мяч, и девочки понеслись в спортзал.

— Пионерки мои, — сказала Гульнара.— Прошлый год я вожатой была в школе. Вот эта, Оленька — чудесная девочка. А жизнь у нее трудная. Отец бросил семью. Да и матери не до детей, пьет ужасно. Олю колотит, из дому выгоняет. Был у девочки единственный заступник в доме, старший братишка, Костя, слесарь наш. А сейчас он на курсах шоферов в Джалалабаде. Вот приехал, заступился, видно, за сестренку, и сразу ссора. Нет, ее нужно забрать из дому, нужно ее с осени в интернат.

Задумалась Гульнара, погрустнела, тревожит ее судьба девочки. А с другой стороны улицы уже кричат:

— Резиновой королеве салют!

Это кто-то из шоферов.

— Веду учет, выдаю резину шоферам. Бывает, цапаемся. А этот вот, что поздоровался, врагом мне просто был. «У тебя, говорит, любимчики имеются, кому новую выдаешь, а я на залатанной езжу...» «Правильно, говорю, есть у меня любимчики. Гатуф, говорю, Хафизов, мой возлюбленный, 50 тысяч километров в горах наездил, ни одного еще баллона не сменил. Полторак, говорю, Вася — тоже мой любимчик, 60 тысяч у него без единой царапины на протекторе. Между прочим, по одним с тобой дорогам ездят, по тем же камням. А сколько у тебя? И десяти тысяч нет, а все четыре покрышки в латках. Не будет тебе новой резины, адью!» Неделю простоял в гараже, другой раз еще неделю. Выучился! Бережет шины... Вон как нежно раскланялся!

Увидела женщину с ребенком на руках, окликнула:

— А ну-ка покажи, Машенька, своего наследного принца. Или у тебя принцесса? Ого, по басу видать, что принц. Хорош голосок. У нас в хоре как раз басов-то и маловато. Мама изменила вокалу, может, сын восполнит нам эту потерю. Ты не сердись, Машенька, за намек. Ждем тебя на спевки.

Вдруг побежала через дорогу к водопроводной колонке. Кран не закрыт, вода набегает. Закрыла, вернулась сердитая.

— Разве можно так? С водой в поселке плохо. Подземной не хватает. Сейчас трубы ведем с гор, будет родниковая. Вот тогда зальемся водой.

Так шли мы эти четыреста метров от автобусной остановки до дома Гульнары.

...В понедельник уезжали из Кочкор-Ата совсем рано, еще раньше, чем из Оша. Гульнара спешила к началу занятий на курсах. А я боялся опоздать на самолет, уходящий в Ташкент. Из Ташкента мне предстояло лететь в Новосибирск, чтобы перебраться оттуда в район Кемерова. В кармане у меня лежало еще одно письмо...

II

Это письмо я хочу привести целиком:

«Здравствуйте, дорогой Виктор!

Прочитав о Вашем подвиге, я много и о многом думал. И вот решил наконец написать Вам не без надежды, конечно, что, быть может, удастся вступить с Вами в дружескую переписку. Но если даже это желание не исполнится, я не буду в обиде.

Немного о моей жизни. Мне 22 года, из них больше четырех лет тоже не в состоянии передвигаться: парализованы ноги в результате поражения позвоночника. Четыре года лежал в санатории, куда попал, учась в 9-м классе. Рассказывать о том, что я передумал тогда, неожиданно заболев, не стану. Вам это понятно. Меня лечили, лечили упорно, но, к сожалению, почти тщетно. Четыре года я лежал в гипсовой кроватке. И когда в прошлом году врачи разрешили мне сидеть, у меня это не получалось. Пришлось долго тренироваться, прежде чем я смог сесть.

Но я не сказал о главном. А главным, что меня подбадривало, поддерживало желание жить, была учеба. В санатории я поступил в 10-й класс, который хорошо окончил, и сразу же подал заявление на Центральные курсы иностранных языков в Москве. В прошлом году я окончил их заочно по ускоренной программе.

Моя мечта — переводческая работа. И вообще посвятить себя всецело литературе, которую очень люблю. Особенно поэзию. Пишу немножко стихи. Какие они — судить не могу... Так много интересного в жизни, столько желаний в голове, что некогда теперь унывать. Одно только огорчает: нет средств передвижения. А мне так хочется побывать в знакомых с детства местах, быть с людьми.

Врачи в санатории, выписав меня, снабдили справкой, что я нуждаюсь в мотоколяске. Но получить ее пока не удается. Облсобес ответил, что на мотоколяску большая очередь инвалидов войны. Предлагают ручную коляску. Я согласился, хотя врачи считают, что она мне противопоказана, ведь у меня высокое поражение позвоночника, и нежелательно большое напряжение рук, может возобновиться процесс.

Но что делать, Виктор? Ведь так хочется передвигаться! Ручную я еще тоже не получил, жду. Я так мечтал о мотоколяске... Хочу понастоящему увидеть жизнь, а значит, работать, писать об этой жизни, о людях вокруг. Неужели это никогда не сбудется? Хочу работать, без этого не стоит жить, без работы — жизнь пустая созерцательность. С деньгами у меня туговато, пенсию я не получаю, но не в пенсии дело, к черту ее. Работа, вот что мне нужно!

Извините меня, Виктор, что все пишу о себе. Хотелось поделиться мыслями, мечтами. А Вы, Виктор, молодчина! Это от души я Вам говорю, можете верить человеку, который пережил нечто похожее. Заканчиваю. Очень хочется получить от Вас письмо.

С приветом Александр Нунгессер. Кемеровская область, Топкинский район, Зарубинский сельсовет, деревня Сосновка».

...Чтобы увидеть этого юношу, лечу на самолете, еду в поезде, пробираюсь сибирской глубинкой по размытой ливнями дороге на бессмертном «газике», которого то и дело вытаскивает идущий сбоку трактор. У меня спутники: председатель колхоза «Советская Россия» Бояринов и секретарь партийной организации Соловьев, возвращающиеся с бюро райкома. Они отчитывались там и настроены мрачновато: видно, досталось. Читаю им письмо.

— Петровича, сторожа нашего, сынишка,— говорит Бояринов.— Хорошая семья у старика! Шесть дочерей, два сына, четырнадцать внуков... Ангелина, дочка, лучшая у нас доярка. А вон глядите...— Он показал вперед на дорогу, где из-за поворота появилась телега с бидонами и лошадь погонял мальчишечка в шапке-ушанке.— Тоже сынишка Петровича, Клим. Молоко везет на маслозавод. Сестра надоила, он отвозит. Не смотрите, что неказистый, маленький. Первый наш конюх!

Соловьев, парторг, взял у меня письмо, перечитал, задумался.

— Слыхал я, что к Петровичу больной сын приехал, слыхал... Все собирался зайти навестить. Недосуг. Дальняя это наша бригада. Заберешься в Сосновку, сто дел к бригадиру. Петровича увидишь, спросишь: «Как твой сынок-то?» «Спасибо,— скажет,— ничего». Жену его встретишь, огородницу, тоже не жалуется. Ну и бежишь дальше...

Вижу, что досадует на себя бывший учитель, фронтовой политрук: человека не приметил.

— Вовка,—спрашивает он нашего шофера.— Ты его знаешь?

— Сашу-то? А как же, Андрей Егорыч. Мы с ним в школу вместе на лыжах бегали. Из Сосновки в Завьяловку. Потом он в Канск уехал, к сестре, что ли, там и заболел... Ох, и парень же он, дядя Андрей. Сто сот стоит... Грамотный. Он нынче Сережку Муравьева в техникум готовил. Всю зиму занимались. И мне обещал...

Уже в темноте стучимся в дом на краю деревни.

Вот он, Саша. Лежит. Ноги накрыты одеялом, и не видно, какого он роста. Если в отца — небольшой, если в мать — рослый. Уперся ладонями в диван, оттолкнулся локтями, сел. Кажется, в мать... Гостям он и рад и удивлен. Корреспондент? Из Москвы? Он не писал в Москву, не обращался в редакции. Письмо Ворожейкину? О, Виктору он писал. И Виктор ответил, вот его письмо. Какой он все-таки удивительный человек, этот водолаз! Сколько силы в нем, воли! Думаешь о нем, и еще больше хочется жить... Пенсия? С пенсией все устроилось, высылают. Мотоколяска? Он и ее дождется.

Уже и работа есть, большая, настоящая работа. О нем узнали в Кемеровском совнархозе. И товарищ Людмила Михайловна Шикшина, переводчица из научно-технической библиотеки совнархоза, прислала ему письмо. Они получают много иностранных журналов, в том числе и на немецком языке. Есть журналы по горному делу, электротехнике, химическому производству, металлургии. Нужны переводы. Какая отрасль интересует его больше? Сейчас у нее под рукой только что пришедший из ГДР журнал «Электричество». Она шлет его. Требуется перевести для пробы несколько статей, которые отчеркнуты... И он перевел, перевел быстро, легко, только некоторые очень уж специальные термины были ему не совсем понятны. Зять, экспедитор, часто бывающий в Кемерове, отвез его работу в совнархоз, виделся с Шикшиной, и она послала с ним толстую пачку журналов, немецко-русские словари: электротехнический, химический, металлургический — и письмо, которое заканчивалось: «Весь наш коллектив желает Вам здоровья и бодрости». Подписалась: «С дру-

ВОКРУГ НАС

Дым из окна

Недавно в Кунцеве произошел случай, который мог бы окончиться трагически, если бы не вмешались хорошие люди.

Пятилетний Саша Мишин не пошел в детский сад: заболел гриппом. Мать ушла на работу, оставив сына одного в запертой квартире. Сначала Саша рисовал, но это занятие быстро надоело ему, и он решил заняться более интересным делом.

Мальчик достал из кухонного шкафа коробки со спичками, сложил из них «печку» на тахте, разжег в ней огонь. И вдруг «печка» вспыхнула. Языки пламени стали лизать ковер на стене, поползли по тахте. Вся комната заполнилась едким дымом. Саша стал тушить пожар: вооружившись стаканом, он таскал воду и заливал огонь. Но несколько стаканов воды, конечно, не помогли. Тогда растерявшийся мальчик решил проветрить комнату: кое-как забравшись на подоконник, он поставил туда стул, открыл форточку.

Это его и спасло. Прохожие на улице заметили, что из окна на третьем этаже валом валит дым. Подняли тревогу. Уборщица Наталья Михайловна Крайнова, подметавшая в это время лестницу, не теряя ни минуты, велела одному из жильцов позвонить в пожарную охрану. Она быстро поняла, что пожар в квартире Мишиных. Услышав детский плач, Наталья Михайловна вместе с жильцами дома топором вскрыла дверь и вытащила задыхающегося ребенка. Затем Крайнова сама потушила пожар.

Наталья Михайловна — мать троих детей. Живет она по соседству с Мишиными, и Саша — частый гость у своей сверстницы Тани, младшей Крайновой.

Управление пожарной охраны Москвы наградило Наталью Михайловну именными часами. На часах выгравировано: «За спасение ребенка на пожаре».

М. ПОНОМАРЕВ

НЕРПА—СТОРОЖ

Юрий Пашков — гидролог. Человек он молодой, но уже хорошо знает Арктику. Работа на Шпицбергене, затем на небольшом островке и вот, наконец, уже два года на мысе Челюскин — в самом центре Арктики. Труд гидролога увлекателен, интересен, но и опасен.

В любую погоду ведет Юрий наблюдения за морем на своем футштоке, который находится недалеко от берега. Когда же поднимается солнце и освещает льды, гидрологи отправляются сооружать рейдовую станцию.

Едут на собаках. Ловко пробираются они меж торосов, населенных лишь белыми медведями, песцами да нерпами.

За несколько рейсов полярники доставляют на ледяную поляну, облюбованную километрах в пятнадцати от станции, палатку, газовые баллоны, приборы. Устанавливают палатку над лункой — ее заранее прорубают в полутораметровом льду. Затем каждый месяц начиная с февраля приезжают сюда и трое суток подряд, удобно расположившись над стометровой толщей воды, ведут наблюдения, берут с разных горизонтов пробы, измеряют температуру, скорость и направление течений.

В палатке полумрак: свет проникает через маленькое замерзшее окошко.

А когда глаз привыкает к темноте, то замечаешь, что свет идет еще и снизу: лучи солнца, проходя через лед, заставляют его светиться. Горит газовая плита, согревая в палатке воздух. Работают посменно: двое трудятся, третий отдыхает, чтобы через несколько часов сменить товарища у лебедки. Бодрствующие не перестают наблюдать за лункой. Занятие это утомительное, но гидрологов развлекает нерпа. Время от времени она появляется в лунке, вылезает подышать свежим воздухом. На черном фоне глубины нерпа вся серебрится в лучах солнца, проникших в воду сквозь лед. Она грациозно, едва пошевеливая ластами, приближается к отверстию во льду и долго смотрит на людей своими внимательными черными глазами. Кажется, ей что-то не понравилось, она уходит, но затем возвращается, высовывает из воды ноздри и начинает жадно дышать. Расстояние до людей не больше метра, но нерпа совершенно спокойна: она не боится гидрологов.

К концу третьих суток за ними приезжает на собаках каюр. Подняв около тринадцати километров троса с приборами, Юрий Пашков увозит с собой ящик с пробами воды да пачку исписанных журналов. Работа выполнена.

Посреди белого поля одиноко чернеет палатка. Там осталась нерпа, которая не даст лунке замерзнуть: будет пробивать лед мордой. Через месяц люди снова сюда вернутся.

В. ОРЛОВ

Мыс Челюскин.

Палатка установлена.

Фото автора.

жеским комсомольским приветом». Хороший, чуткий человек эта товарищ Шикшина.

Диван, на котором он лежит,— посередине комнаты, заваленной книгами. Вместо настольной лампы — подвесная, на роликах: ею можно маневрировать, чтобы в любом положении удобно было читать.

Нет, шутит, худа без добра. Разве прочел бы он столько, если б не лежал? Прежде — рыбалки, охота. Теперь наверстано все, что было недочитано. Но сначала было совсем худо, и читать даже не мог. Грудь давило, чуть дышал, каждый вдох и выдох — с болью. Отлегло немного. Но ослабел так, что, взяв книгу, выронил ее из рук. Снова взял — уронил. Удержать, удержать книгу на груди. Десять, сто раз падала — удержал... Сейчас-то он кум королю — не только на спине, но и на животе может лежать, может на левый бок повернуться, на правый, сесть может, калачиком подобраться. Подождите, он еще и пойдет. Вырвется из комнаты. А то уж и забывать начал, как деревья шумят на ветру. А они по-разному: березка жалобно, она ластится к ветру, хочет его задобрить; осина, та хитрее, она и в тихую-то погоду шелестит, сплетничает, на других наговаривает; дуб сердито гудит. По-разному шумят деревья, и он еще услышит их голоса...

Есть сильные души. Когда он лежал в больнице, к ним в палату приходила женщина — лектор из райкома партии. Приходила... На недвижных, парализованных ногах. Они больны у нее восемнадцать лет, и все эти годы она лекции читает. А что такое лектор райкома, да еще сельского? Это постоянно в пути, в поездках по деревням, по полевым станам, по леспромхозам. Ей бы в учительницы, в библиотекарши. Чтобы не ездить столько, не застревать на осенних проселочных дорогах, не мокнуть под дождями, не перебираться на костылях по узеньким мосткам через речки. А она выбрала себе эту работу и верна ей... Есть сильные души. Вот Толя Зубарев, тракторист, с которым они лежали в санатории на соседних койках. Хоть бы разок крикнул, застонал. А какие у него были страшные боли! Вот фотография, на которой они сняты вдвоем с Толиком. Лежат в высокой, густой траве. Посмотрите, какие у Толи живые, веселые глаза. У соседа, говорите, такие же? Что ж, и сосед не собирается сдаваться.

Знаете, где это снято? В Шушенском. В том самом, где Ленин жил в ссылке и которое называл в письмах «Шу-шу-шу». Санаторий находился неподалеку от знаменитого села, на озере Тарабарском, близ тракта Кызыл-Абакан. «Ходячих» больных часто возили на экскурсии в Шушенское, в музей. Лежачим тоже хотелось там побывать. И вот однажды их повезли в специально оборудованном автобусе. Они лежали на носилках у окон и видели лес, песчаные холмы, голубеющие за ними вершины Саян, как видел их Ленин, ехавший этой же дорогой в ссылку. В Шушенском их провезли по селу, по местам, где охотился Ильич, автобус выехал на Журавлиную горку, на которую любили когда-то взбираться ссыльные, потому что видно отсюда далеко-далеко... Потом они с Толиком лежали на лужайке около музея, вот так, как на снимке. Тут, на фотографии, у них веселые глаза. А вообще-то было грустновато. Мимо шли люди, экскурсанты. Открывая калитку, они входили в музей, в дом Ильича, и хотелось подняться, тоже идти с ними... Вдруг рядышком остановились студенты из Красноярска, спросили, почему ребята печальные. Увидели скрытые травой носилки. Притихли, нагнулись, подняли их высоко и пошли с ними в музей. Комнатки там тесные, но все расступались, пропуская носилки, расступались, чтобы лежащие на них юноши увидели старенькую купеческую конторку, которая была Ильичу вместо письменного стола, его желтую камышовую ручку, его чернильницу. Студенты шли дальше, и снова люди расступались, давая дорогу носилкам...

Пока об этом — коротенькая запись в дневнике. Но ведь такое на всю жизнь. Когда-нибудь он найдет нужные слова и напишет о поездке в Шушенское, о встрече с Ильичем... Ему о многом надо написать! О людях, которые вошли в его жизнь: о лекторе из райкома, о Толе Зубареве, о санитарке Наденьке, летевшей с ним на самолете, когда он возвращался домой... О том, как шумят деревья в лесу. И как стучат колеса дальних поездов. О приволжской деревушке Березовке, в которой он родился. И об этой милой его сердцу Сосновке-сибирячке... Что-то уже начато. Вот тетрадка с набросками повести, вот другая — начало пьесы. Стихи. Правда, он дал себе зарок стихов больше не писать. Поэзия — волшебство. А какой же он волшебник? У волшебника должны быть необыкновенные слова. К тому же стихи настраивают всякий раз на печальный лад... Тут вот угодил в больницу. Врачи нашли у него сильное сердцебиение. Нельзя, говорят, волноваться. Чудаки. Значит, так и приказать сердцу: не бейся. Читаешь про Кубу — не бейся. Слышишь голос Глезоса — не бейся. Лежать, не рыпаясь, не волнуясь. Тут-то и придет конец... В больнице потянуло опять к стихам. Заплескались в голове какие-то строки — свои, чужие. Пошли всякие там «серые небеса», «каркающие вороны». Записал в тетрадку. А потом перечеркнул, вырвал, разорвал в клочки. Одно только оставил. Про дорогу. Хотите послушать?

Дорога круто падает,
Дорога вверх летит.
Меня кругом все радует,
Но иногда и злит.
Но вот дорога ровная,
Без рытвин, без скачков.
Мотора песня дробная,
Канючая, без слов.
Дорога ли наскучила?
Не знаю. Но по мне,
Уж лучше б тряской мучило,
Чем ехать в полусне!

Слушаю, смотрю на этого юношу с тонким матовым лицом, бледность которого еще сильнее оттеняют иссиня-черная шапка волос и такая же, чуть изломанная полоска усов. Смотрю и думаю о нем словами, которыми он говорил мне о других: есть сильные души!

III

И еще один адрес, еще одно письмо Ворожейкину. Он получил его из приволжского города. Пишет девушка, тоже перенесшая беду. Кончила медучилище, вручили ей диплом, была уже назначена на работу в больницу. И вот, возвращаясь с выпускного вечера, «попала под электрический ток». Думали, не выживет, спасла пересадка кожи. Поправилась, и теперь в той же больнице медсестрой. «Борюсь, — пишет, — за жизнь людей».

Я послал телеграмму и был встречен на вокзале. Рая спешит, поглядывает на часы. Ей сейчас на дежурство, но она попробует подмениться во второй половине дня. И тогда мы сможем встретиться где-нибудь в городе... Но я тоже тороплюсь: мне нужно сегодня же обратно в Москву. Нельзя ли прямо к ней в больницу? Не сможет ли она там между делом уделить мне немного времени? Не сразу, урывками. Разговор ведь недолгий, просто хочется, чтобы она рассказала все, как было. Рая вдруг сердито, исподлобья взглядывает на меня и говорит быстро, отрывисто:

— А я не в больнице работаю. Я в диспансере. И не по специальности. На кухне. Судомойка я.

— С дипломом? Чего же так?

— Я временно...

Диспансер на берегу Волги. Вход на кухню со двора. Рая пошла к шеф-повару отпроситься ненадолго. Я — к главному врачу, хотел спросить его про Раю.

— Прекрасная работница, — сказал главный врач.— Повар нахвалиться не может. Аккуратная, исполнительная. Медицинская сестра, говорите? Первый раз слышу. Я с вами согласен. Бессмысленно держать человека с дипломом в судомойках... А вот и она сама. Сейчас мы ее спросим. Ра-

СУДЬБА «БОЯ»

— Вы видели кинофильм о Миклухо-Маклае? — спрашивает мой собеседник. — Может быть, запомнили негритенка-слугу? Этим боем был я. Тогда мне было четырнадцать лет, я еще учился в школе. Мой дебют в кино...

Однако беседа шла вовсе не с киноартистом. Высокий смуглый человек с густой шапкой черных волос только что с увлечением демонстрировал нам новые образцы мебели: секционные шкафы, серванты, письменные столы...

С Джимом Комогоровым мы встретились на мебельной фабрике в конструкторско-технологическом бюро Челябинского совнархоза. Джим — старший конструктор.

...В начале тридцатых годов приехал в Москву и стал советским гражданином американский негр Роберт Вельс. Здесь он работал, учился, здесь женился на светловолосой москвичке. Джим — их сын. В годы войны мальчик осиротел, воспитывался в детском доме, там его записали по фамилии матери.

Однажды Джима пригласили сниматься в кино. Он участвовал в нескольких фильмах. В кинокартине «Серебристая пыль» сыграл роль молодого негра Бена. Тогда ему было уже двадцать лет. Джим мечтал стать музыкантом, поступил в Московское музыкальное училище имени Гнесиных. Учился отлично, но затем увлекся архитектурой и стал студентом строительного техникума.

— Искусство — мое второе призвание. А основная профессия вот эта...

И Джим Робертович кивнул в сторону серванта, своей последней работы, уже принятого на фабрике для массового производства.

Пятый год работает Джим Комогоров на Урале. Созданные по его эскизам образцы новой мебели заслужили высокую оценку на выставках.

А. ГРИГОРЬЕВ

Фото А. Ходова.

ДОХОДНО ЛИ ПТИЦЕВОДСТВО НА КАМЧАТКЕ?

Еще недавно специалисты отвечали на этот вопрос авторитетным коротким «нет». И все-таки нашлись энтузиасты птицеводческого дела. Недавно в области организовали Елизовский птицесовхоз и оборудовали его по последнему слову техники. Здесь разводят кур, уток, гусей. Уже в нынешнем году совхоз даст жителям области более трех миллионов яиц и сто тонн птичьего мяса, а кроме того, «выпустит в жизнь» 500 тысяч цыплят. Четыреста тысяч из них погрузят в самолеты и вертолеты и развезут по совхозам области.

На снимках:

Инкубаторная станция совхоза. Оператор Римма Ванникова строго следит за тепловым режимом для птенцов.

На 21-й день в инкубаторном шкафу.

Фото Г. Копосова.

ечка, почему же вы скрыли свое медицинское образование? Мы бы вас в сестры...

— Петр Ильич, когда я поступала, не было вакансии.

— Но уже давно есть. Вот, пожалуйста. Нужна патронажная сестра. Желаете?

— Желаю, Петр Ильич,— сказала она вяло.

— Вот и давайте в патронажные. Пишите заявление, к нему — диплом. Вы какое училище кончали?

— Я — не училище, я — курсы Красного Креста. У меня справка.

— Курсы годичные? Ну, они тоже дают вам право работать сестрой. Приложите, значит, справку, и завтра же будет приказ. Довольны?

— Довольна, Петр Ильич,— сказала она.— Спасибо вам...

Но в голосе ее не было большой радости.

Потом мы сидели с ней в скверике на набережной. И молчали. Я не знал, о чем ее спрашивать. Прежде заготовленные вопросы казались теперь ненужными. Разговора не получалось. И вдруг она резко повернулась ко мне и сказала быстро, отрывисто, точно так же, как там, на вокзале:

— Нет у меня никакой справки. Не училась я на медика. Наврала... Прочла про водолаза. Вот, подумала, настоящий герой, этот Ворожейкин! Села письмо писать. Пишу, что молодец, желаю ему быстрей поправиться. Надо же и про себя что-нибудь, где работаю, что делаю. Написать, что судомойка? Взяла и придумала про училище, про диплом, про выпускной вечер. Ну, дура, дура и есть! Что теперь Петру Ильичу скажу?.. А про операцию правда. Горела я...

Голос у нее смягчился, она стала говорить спокойней, медленней. И я, слушая, чувствовал, что ее нельзя перебивать.

— Это было четыре года назад в другом городе. Тоже на Волге. У меня вся жизнь в волжских городах. Родилась в Сталинграде. Нет у меня ни отца, ни матери, ни других родных. Воспитательница в детском доме говорила, что меня нашли на сталинградской пристани после бомбежки, когда жителей перевозили на левый берег. Мне шел шестой год. Отца помню хорошо. Помню, что работал он на Тракторном. Помню, как плакали мы, получив похоронную с фронта... А вот мамино лицо ушло из моей памяти. Даже странно. Все время была с мамой. Но силюсь представить ее себе и не вижу. Только голос слышится. Окликни она меня сейчас — сразу бы узнала ее по голосу...

В детдоме я прожила до четырнадцати лет. Семилетку окончила, дальше не захотела. Не шло у меня учение. Книжки любила читать, но только не учебники. Антон вечно корил меня этим... «Надоела,— говорит,— тебе школа, иди в техникум. Не хочешь? Поступай в ремесленное. Но надо же где-нибудь учиться?» Я понимала, что нужно, но не лежало у меня сердце ни к техникуму, ни к ремесленному, ни к курсам каким. Пошла просто на завод. На склад готовых изделий. Ученицей. Антон еще подшучивал: «Все равно ж ты в ученицы угодила...» Я вам не сказала, кто такой Антон. Мы дружили с ним в детском доме. Тоже сирота, но старше меня года на три. Я семилетку, он десятый класс заканчивал. Собирался в университет, в геологи, не прошел. Поработал с год на заводе, соседнем с нашим. А потом его во флот. Письма слал с Тихого океана. Сначала они мне интересные были, про природу тамошнюю, про море. И вдруг наскучили. Длинные какие-то стали, нравоучительные. И все одно: почему, мол, не учишься, не думаешь о своем будущем? Я сперва отвечала на каждое, потом через два на третье, а после и вовсе перестала писать. Он шлет, я молчу. Ну, и он умолк. Так оборвалась наша дружба.

Но снова повстречались. Иду как-то по улице, морячок, смотрю, бежит через дорогу, рукой мне машет. Антон. «Все! — говорит.— Отслужил срочную...» И тут же мне про свои планы. А они все те же: в университет, в геологи. Пока на завод, в прежний цех... Шли, разговаривали, незаметно до нашего общежития дошли. Посидел у нас в комнате. Девочки, мои соседки, знали его раньше, обрадовались Антону. Говорят мне, когда он ушел: «Не мучай, Райка, парня. От добра добра не ищут!»

Я и сама видела, что толковый он. Очень уж только самостоятельный, обо всем судит, как рубит. Вот про танцы. Танцы для него—чушь, зряшное времяпрепровождение. «Чего же ты тогда,— спрашиваю,— ходишь на танцы?» «Из-за тебя и хожу». «А я тебя не заставляю, можешь не ходить, партнера я всегда себе найду». Бывало, и посерьезней ссорились. И все по тому же поводу: почему не учусь? «На подножном,— говорит,— корму хочешь прожить...» «Не на твоем же, на подножном»,— отвечаю. «Ну и дуреха!» Слово за слово — ссора. Раз я ему обидное выпалила, очень обидное, не хочу сейчас повторять. Он вспылил и кулаком замахнулся. Не ударил, сдержал себя. Но на этом было все покончено. Больше мы не встречались. Он не идет, не идти же мне к нему.

Познакомилась я с одним пароходным механиком. Плавал по Волге на «Алеше Поповиче», пассажирском. И самого звали Алешей. Между прочим, внешне они были немного схожи с Антоном. Оба высокие, оба светлые. Надюшка, моя подруга, увидела нас с Алексеем издали и спрашивает потом: «Ты что, опять с Антоном гуляешь?» А характерами они были совсем несхожие. Леша — веселый, простой. На свидания с Антоном я шла всякий раз, как на экзамен. Не знала, какую отметку получу. Всегда ты в каком-то напряжении, в глухо застегнутом воротничке, а с Лешей мне было проще, легче. Расспросами не терзал, нравоучениями не мучил. И на танцы не только из-за меня, но и ради собственного удовольствия ходил. Я знала, что он хороший механик, о нем даже в газете писали. Но о своей работе рассказывал редко, а меня про мою и вовсе не спрашивал. Нравилась я ему такая, как есть, ни про какой подножный корм он мне не говорил... Все реже вспоминала я Антона. А если и вспоминала, то лишь для сравнения с Алешей. Сами понимаете, в чью пользу были эти сравнения...

Я работала все на том же складе готовых изделий, у конвейера. Ползут на ленте моторы, надо их обмыть, смазать вазелином, маслом, приготовить к консервации. Вот тут, у конвейера, и стряслась со мной беда. Подошла к щиту, чтоб включить рубильник. Сверкнула искра, халат мой вспыхнул, он ведь весь пробензиненный, промасленный — секундное дело! — горю... Хочу сбросить халат, запуталась в тесемках, и кофточку никак не расстегнуть, она тоже загорелась. Упала на пол, катаюсь, чтобы пламя сбить. Пока люди сбежались, пока гасили...

Страшно я обгорела: руки, голова, плечи. Ожоги глубокие, третьей степени. Много суток бились врачи, чтобы удержать во мне жизнь. Говорили: ожоговый шок, сгущение крови. Вливали мне сыворотку по три литра в день, человеческую плазму. Кровь переливали. Я лежала вся в мазевых повязках, запеленатая в бинты. Стоит ли говорить, какие муки испытывает обожженный человек! По-моему, не может быть боли ужасней... Вы знаете, у меня нет родных, но, кажется, ни к кому в палате не приходило столько народу, как ко мне. Заводские, подружки из общежития. Леша — каждый день, а то и утром и вечером забежит, добился, что его в любое время пускали. «Алеша Попович» его как раз стоял в ремонте... Из подружек чаще других навещала Надюшка. Раз приходит и говорит: «Знаешь, кого сейчас в вестибюле видела? Антона. Стоит у справочного окошка, здоровьем твоим интересуется. А идти к тебе не решается...» «И нечего ему тут делать!» — сказала я. От боли, от мучительных перевязок я как-то ожесточилась, малейшее меня раздражало. «Зря ты так,— сказала Надя.— Он к тебе с добром...»

Я уже лежала около месяца. Все это время меня лихорадило, была высокая температура. Врачи боялись, что наступит белковое истощение. У меня были очень глубокие ожоговые раны. А такие сами не заживают, кожа не восстанавливается. Нужны заплаты, нужна пересадка кожи. Я слышала, как профессор, приходивший ко мне, сказал: «Собственной, здоровой у нее не хватит. Консервированной сейчас нет. А ждать уже нельзя. Раны необходимо закрыть... Давайте добавим чужой. Добровольцев попросим...»

И добровольцы сразу нашлись: все мои подружки, а первая — Надя. Узнали на заводе, целый список составился. Пришел Леша, услыхал про пересадку, говорит: «Пусть не только кожу, пусть сердце у меня берут...» Такие слова произнес, я даже заплакала.

До операции оставалось три дня. Это время Леша не приходил что-то в больницу. Наверно, подумала я, ушел в рейс. Но говорил ведь, что «Алеше Поповичу» долго еще ремонтироваться. Может быть, ушел на другом пароходе? Бывают же срочные задания. Механик где заболел, заменить пришлось. Но мог, конечно, прислать записку. Знает же о предстоящей операции!.. Надюшка сказала: «Разведаю-ка я, что там стряслось с твоим Алексеем». Потом приходит невеселая: «Не видела Алешки. А приятели его говорят, здесь он, в порту...»

Вот и день операции наступил. Она должна была проходить так: сначала мне пересадят чужую, [illegible] потом собственную. Кожу для меня возьмут у кого-нибудь одного. У кого, я не знала. Не говорили об этом... Кладут на каталку, носилки такие с колесами, катят в операционную. Там уже два стола приготовлено, один — для меня, другой — для донора. Донорами называют не только тех, кто кровь дает, но и тех, кто кожу... Лежу, думаю об этом человеке. Кто? Надюшка моя? Или Катя, другая моя подруга? А вдруг Лешка?.. Рядом хлопочут сестры, вот уже положили дерматомы, маленькие ножички, которыми срезают кожу... За стеной, по коридору везут кого-то. Сейчас откроется дверь, вот открылась. Выехала каталка, на подушке чей-то стриженый затылок. Алеша! Носилки поворачиваются, и я вижу, что это не Алеша. Это Антон...

...Такова эта маленькая история, услышанная мной в приволжском городе. Я не сразу решился написать о ней. Мой рассказ ведь о сильных душах. А нашел ли я такую в Рае? Немножко выдумщица, немножко со взбалмошинкой. Чем-то она мне и нравится. Даже в ее крошечной наивной лжи перед Ворожейкиным есть что-то трогательное. Неровный, неустоявшийся характер... Но сильную душу я и на этот раз нашел. Отвергнутый, не связанный никакими обязательствами и все же идущий на жертву Антон. Если человек сам в беде, если ему самому плохо, сильной душе проще проявиться. Но сильный — всегда сильный. Во всех обстоятельствах.

...474 письма. За каждым — человек, его жизнь, судьба.

Всех бы объехать, всех бы повидать...

«Огонек» с № 31 начинает печатать повесть

«НЕПРИКАЯННЫЕ»

американского писателя АРТУРА МИЛЛЕРА, известного советскому читателю и зрителю своими пьесами «Все мои сыновья», «Смерть коммивояжера», «Салемские колдуньи».

Повесть иллюстрирована художником В. Н. ГОРЯЕВЫМ.

ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ

Александр СЕРБИН,
специальный корреспондент
«Огонька»

Фото автора.

III

Гвинейский залив.

Атлантика горбится волнами. Волны бегут к берегу. Чем ближе они, тем выше вырастают на их голубых макушках седые хохолки пены. Ударяясь о берег, водяные глыбы рассыпаются на тысячи брызг, и в них загораются тысячи маленьких золотых солнц.

Направо и налево по берегу вдаль уходит широкая полоса песка. Песок мягкий и пушистый, в нем бесчисленное множество обломков маленьких раковин, обтесанных океаном. Он золотого цвета.

Из песка растут кокосовые пальмы. Ветер, пробегая, на ходу ласково ерошит их косматые прически, и в благодарность за ласку пальмы кланяются ему вслед, обнажая под листьями круглые золотые плоды.

Гану еще недавно называли Золотым Берегом. Такое название дали этой земле не поэты. Его придумали люди с холодными сердцами и жадными, потными руками, которые приезжали сюда в далекие времена из Европы, чтобы скупать по дешевке золото, а потом — рабов, а потом — все, что можно было скупить по дешевке.

Но кажется, что лучше названия все-таки не придумать. Поэтам, захоти они передать всю красоту вокруг, надо найти самые звонкие слова, художникам — самые яркие краски, музыкантам — самые чистые звуки.

Однако искусство Африки воспевает не эту удивительную красоту земель и вод, а то, чем живет великий континент сегодня: борьбу его народов. Снова и снова звучит тема Конго. В Гане, в Кумаси, я слышал песню, которую поют на собраниях члены Народной партии конвента, стоящей во главе страны. В этой песне есть такие слова:

Никогда не забудет Африка
зверского убийства своего сына.
Лумумбы больше нет —
он пал от руки злобных
угнетателей.
Но твоя душа, Лумумба,
идет вперед по африканской
земле.

См. «Огонек» №№ 28 и 29.

Вся Африка всколыхнулась, когда пролилась кровь Лумумбы. Колонизаторам этого не забыли и не простили. В Гане я всюду встречался с памятью о нем — так же, как в Мали и в Гвинее. В Аккре я слышал, как африканский оркестр играл национальную мелодию «хайлайф», посвященную Лумумбе. В городе Виннеба на стене одного дома был нарисован большой портрет Лумумбы. Мальчишки, заметив, что я собираюсь его фотографировать, мигом привели откуда-то художника — автора портрета. Кваме Офори, так его звали, был, конечно, самоучкой. Но в работу свою он вложил все умение, на которое был способен, и всю любовь к человеку, которого рисовал. Потом ко мне подвели хозяйку дома, маленькую, толстенькую, уже немолодую женщину, которую оторвали от ее обычных домашних дел. Она сказала:

— Имя Лумумбы знает всякий. Но не все представляют себе, как он выглядел. Я попросила Кваме Офори нарисовать его портрет на стене моего дома, чтобы каждый прохожий запомнил лицо Лумумбы.

Африка не хочет забывать своих героев и своей истории. Вот почему, как красиво ни звучат слова «Золотой Берег», они, придуманные чужеземцами, которые были готовы украсть у народа и его богатства и его историю, не годятся для названия африканской страны. Взяв для своего молодого государства имя Гана, название древней африканской империи, народ говорит: «У нас есть история, мы помним ее». И разве история не помогает строить будущее?

...Дальше по побережью, в стороне от растущих из песка пальм, над морем взметнулись стальные конструкции подъемных кранов, в синюю воду от берега уходит серый прямоугольник причалов, а на берегу переплелись-перепутались асфальтовые дороги и железнодорожные пути. Это новый порт Ганы — Тема. Рядом с ним вырастает город.

Мы стоим на крыше здания управления портом, и помощник начальника порта рассказывает мне:

— Отсюда до Аккры всего семнадцать миль. Это значит, что теперь наша столица будет иметь свой порт. Здесь на его причалах одновременно смогут разгружаться и нагружаться восемь кораблей. Но уже существуют планы, чтобы Тема могла обслуживать сразу двадцать кораблей. Мы уверены, что наша внешняя торговля будет расти. Мы знаем, что через нашу Тему будут вести торговлю и другие страны Африки.

Строительство порта будет завершено к концу этого года. А начиналось оно еще тогда, когда Гана не завоевала свою независимость. Но Теме не было суждено стать портом для колониальной торговли. Через этот порт независимая Гана будет торговать со всем миром.

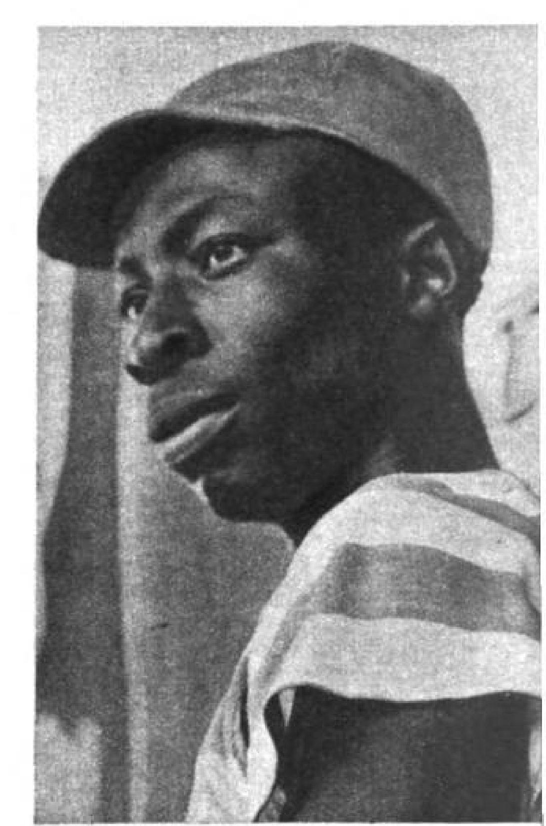
Тема — одна из строек первой пятилетки Ганы. Дальше, к востоку, на реке Вольте, намечено воздвигнуть крупнейшую в Гане гидроэлектростанцию. Она даст энергию и для алюминиевого комбината, который тоже собираются строить. Сырья для производства алюминия в недрах Ганы очень много.

Пока Гана еще не может похвастаться разнообразием промышленных товаров, производимых в стране. На рекламах в городах можно прочесть призывы попробовать ганский джин; с лотка можно купить пачку ганских сигарет или коробку ганских спичек. А в основном на всех товарах — иностранное клеймо. Но по пятилетнему плану намечено создать около 600 новых промышленных предприятий. Сложность в выполнении этого плана состоит в том, что у Ганы не хватает своих капиталов и своих квалифицированных специалистов. Приходится прибегать к заключению сделок с капиталистическими фирмами. Государство принимает меры, чтобы контролировать деятельность этого частного капитала.

Мне рассказали такую историю.

Не так давно в одной из деревень в центре Ганы объявился англичанин-охотник. Он действительно ходил с ружьем в джунгли, порой приносил добычу и продавал мясо местным жителям. К нему относились терпимо и не мешали охоте. Но однажды было обнаружено, что по ночам охотник исчезает из своего дома. Жители деревни стали следить за иностранцем. И вот...

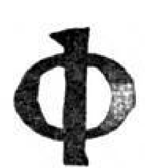
Возмущению не было предела. Народ, собравшийся вокруг дома охотника, угрожающе гудел. А за его стенами «охотник» спешно упаковывал свои вещи. На земле, которой владела деревня, были участки, где можно было добывать алмазы. Оказалось, что «охотник» занимался просто-напросто грабежом: на чужой земле он потихоньку намывал себе

Художник Кваме Офори.

Плоды какао вырастают на стволе дерева.

А Ф Р И К А

Мохаммед Сулемана.

На собрании «стади груп».

Ганский солдат у форта в Кумаси.

алмазы. Может быть, лет двадцать назад все кончилось бы по-другому. Но теперь «охотнику» пришлось моментально убраться из этих мест.

Так была одержана победа над авантюристом-одиночкой. В независимой Гане для колонизаторов нет прежнего рая. Но все же там остаются еще крупные иностранные компании, которые имеют доступ к национальным богатствам страны. В Обуаси, в районе Ашанти, действует крупная английская компания, которая ведет добычу золота. На рудниках работают, конечно, ганцы. А компания получает доходы, которые выражаются весьма круглыми цифрами: она вывозит золота на миллионы фунтов стерлингов.

Я приехал в Кумаси, центр района Ашанти, уже заранее зная, что этот район славится своими богатствами — и золотом, и алмазами, и какао. В Гане считают, что здесь лучшие в стране климатические условия для выращивания какао.

...В 1876 году африканец Тетте Куарши вернулся на родину с острова Фернандо По. Он привез с собой несколько бобов какао. В Мампонге, где он жил, к северу от Кумаси, выросли первые на африканской земле шоколадные деревья. И уже в 1891 году какао было впервые экспортировано из Ганы. Теперь Гана — самый крупный его производитель в мире. В свое время, когда она была еще колонией Англии, выращенные в районе Ашанти бобы какао помогали английскому министерству финансов зарабатывать доллары: какао продавалось в Соединенные Штаты. А в самой Гане не было произведено ни одной плитки шоколада, ни одной шоколадной конфеты. Колонизаторы считали невыгодным развивать здесь эту отрасль промышленности.

На окраине Кумаси на 183 акрах земли расположилась экспериментальная станция по разведению какао. Кристиан Аджей, старший научный помощник директора станции, водил меня по плантации, показывал похожие на дыньки плоды какао, растущие прямо на стволе дерева, и говорил:

— Наша станция была основана еще при англичанах. Сейчас она значительно расширена. Мы экспериментируем над различными сортами какао. Каждый фермер может получить здесь совет, может купить у нас бобы или черенки для своей плантации.

В Гане, как и в каждой молодой африканской стране, вставшей на самостоятельный путь развития, историю делят просто: «до независимости» и «после завоевания независимости». И это деление очень точно. Из маленькой экспериментальной станции государство образовало уже достаточно крупное научное учреждение для помощи производителям какао. Но фермеры нашли помощь у государства не только в этом. С завоеванием независимости они стали свободнее от грабительской практики иностранных скупщиков какао. Теперь их продукцию приобретает государственная организация по твердым ценам и сама ведет торговлю с иностранными компаниями.

В Кумаси я познакомился с секретарем организации Народной партии. Им был молодой, 32-летний, Мохаммед Бабали Сулемана, который, несмотря на свою молодость, с полным основанием считается ветераном партии.

Сулемана сидел в темноватом, узком помещении, отгороженном тонкой перегородкой от большой общей комнаты, в которой размещался партийный комитет района Ашанти, и в перерывах между телефонными звонками, разговорами с посетителями и отдачей распоряжений своему помощнику Айзеку рассказывал о себе. У каждого поколения бывает своя судьба, и в жизни тех, кто принадлежит к нему, всегда много общего. То, что рассказывал мне Сулемана, было похоже на то, что я слышал в разговорах с другими африканцами в других странах континента.

Отец Сулеманы, учитель арабского языка, умер рано. Сын только по рассказам других знал, что отец принимал участие в борьбе против чужеземцев, пришедших сюда с оружием в руках. Но эти рассказы уже в юности заставляли его задумываться над тем, по каким путям идти, чтобы освободить свою родину. Двадцатилетним он, мусульманин, стал вести среди других мусульман агитацию за то, чтобы они поддержали Кваме Нкруму и его сторонников. Когда в 1950 году колониальные власти арестовали руководителей Народной партии конвента, репрессии коснулись и Сулеманы: он тоже оказался в тюрьме.

Он очень хорошо помнит прошлое — и даты и события. Но когда я прошу его рассказать подробности ареста, он машет рукой:

— Не хочется вспоминать. Неинтересно.

Потом, помолчав, он показывает шрам на лбу, на руке. Вот почему ему не хочется вспоминать! Снова звонит телефон, снова заходит Айзек, и я снова слушаю короткие фразы Сулеманы, узнавая, что потом его арестовали еще раз, когда он написал письмо в Советский Союз, потом, в 1956 году, бросили в тюрьму опять, когда он вел пропаганду за Народную партию на рудниках в Обуаси. Работа была совсем нелегкая, потому что приходилось вести борьбу не только против самих колонизаторов, но и против их ставленников из местных.

— Империалисты хотели устроить здесь все так же, как в Конго,— расколоть нас, наши народы — ашанти, фанти, эве... Но это у них не вышло! Сейчас в Ашанти, я уверен, девяносто пять процентов поддерживают Народную партию.

Вечером Сулемана пригласил меня посетить «стади груп» — собрание членов Народной партии и беспартийных, где обсуждались последние политические события. Собрание происходило прямо под открытым небом во дворе большого дома. Толковали о том, что волновало в Гане всех,— о последних речах Кваме Нкрумы, в которых он говорил о дальнейших путях развития страны.

На собрании спорили, можно ли привлекать частные капиталовложения для создания социалистической экономики, цитировали Ленина, разбирали политику империалистических стран. Размышляли о том, как скорее ликвидировать неграмотность, и ссылались на пример Советского Союза. Резко осуждали французское правительство, которое провело испытания атомного оружия в Сахаре.

Сулемана сидел рядом со мной, не вмешиваясь в дискуссию, но внимательно слушая, что говорилось. Потом вдруг наклонился ко мне и сказал:

— Знаете, между прочим, что я писал в письме в Советский Союз, за которое меня арестовали? Я хотел получить книги...

В центре Кумаси стоит старый военный форт. Красные кирпичные стены, бойницы, около ворот — ганский солдат с винтовкой на плече, вдоль стен форта — газоны зеленой травы.

У форта длинная история.

Для Ашанти — государства, которое просуществовало здесь до начала XX века, прошлое столетие было временем борьбы против нашествий колонизаторов. Семь войн вели экспедиционные войска Англии с народом ашанти, сжигали Кумаси, но ашанти оставались непокорными.

Военный форт был основан в 1820 году одним из королей Ашанти. Позже его приспособили для себя англичане, и он получил название «Форт Джордж».

Сейчас это музей. В его экспозиции есть документ, который воскрешает героическую страницу борьбы ашанти за свою независимость. Это письмо губернатора Золотого Берега сэра Фридерика Ходжсона, направленное из форта, осажденного ашанти, своим соотечественникам. Оно датировано 17 июня 1900 года. В письме, похожем на крик отчаяния, говорится: «Поймите, пожалуйста, что мы делаем последние усилия, чтобы дождаться вашего прибытия сюда». Рядом с этим письмом — фото, где запечатлен усатый сэр Фридерик в кепи и несколько английских офицеров, которым пришлось отсиживаться за стенами форта, спасаясь от поднявшегося на борьбу народа. Искрой, зажегшей пламя этого восстания, было требование губернатора Ходжсона отдать ему национальную святыню народа ашанти — золотой трон. Сэр Фридерик так и не дождался помощи. Армия ашанти устроила засаду для английских войск, спешивших на помощь губернатору, и сыну Альбиона пришлось спасаться бегством.

Позже, когда Великобритания в конце концов укрепилась в районе Ашанти, в стену форта была вделана доска с именами англичан, которые отсиживались в форте.

...Из Кумаси в Аккру я возвращался вместе с Сулеманой, в его машине, на которой он и его товарищи обычно ездят в пропагандистские поездки по району. У машины было свое имя: «Осадиео». В переводе это значило примерно: «Тот, у кого слова не расходятся с делом».

Я сказал Сулемане:

— На форте в городе висит мемориальная доска с именами тех англичан, которые находились там во время последней войны Великобритании против ашанти. Есть ли в вашем городе памятник тем, кто сражался против захватчиков?

Сулемана улыбнулся и ответил:

— Еще некогда было поставить памятник: много других дел. Но он будет. И очень скоро. И мы напишем на нем: «Тем, кто боролся, чтобы сделать родину свободной».

ДЕРЕВО БЕРЕТ РЕВАНШ

Стальные и железобетонные строительные детали вытеснили в свое время перекрытия, балки, стропила из дерева.

Но сейчас дерево стало вновь обретать свое былое могущество. И помогла ему в этом химия.

Зайдите на кафедру конструкций из дерева и пластмасс Ленинградского инженерно-строительного института, руководимую заслуженным деятелем науки профессором В. Ф. Ивановым. Вы увидите самые «невероятные» вещи.

Огромное бревно легко поднимает один человек. Дело в том, что это бревно — своеобразная труба, свернутая из березового шпона, пропитанного полимерной смолой. Из таких элементов в институте сделали экспериментальную двенадцатиметровую ферму; по прочности она не уступает стальной, но почти в десять раз легче.

Химическая древесина не имеет сучков, косослоя и других пороков, она не подвержена гнили, не боится сырости и насекомых-точильщиков.

Металлические перекрытия в иных цехах быстро подвергаются коррозии. Химически облагороженное дерево не боится ее. К тому же оно хорошо противостоит резкой смене температуры.

Может быть, такой материал слишком дорог? Нет, оказывается, при массовом производстве он будет стоить не больше, если не меньше стальных и железобетонных конструкций. Полимерные смолы можно получать даже из отходов, образующихся при сжигании сланцев. Что же касается шпона, то он делается из березы, которая сейчас вообще не идет на строительство, хотя составляет одиннадцать процентов лесных богатств нашей страны.

О. КАРЫШЕВ

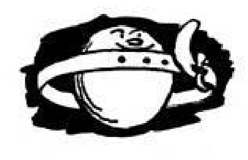
ПОЯС ЮПИТЕРА

Недавно ученые из Калифорнийского технологического института Соединенных Штатов Америки сделали интересное открытие. С помощью двух радиотелескопов они обнаружили, что вокруг Юпитера имеется мощный пояс радиации, подобный поясу радиации нашей Земли.

Предполагают, что пояс радиации Юпитера расположен на расстоянии примерно в 320 тысяч километров от планеты. Вероятно, он в миллион миллиардов раз интенсивнее, чем зона радиации Земли.

Радиоастрономы исследовали радиоизлучения Меркурия, Марса, Венеры и Сатурна и пришли к выводу, что ни у одной из этих планет не наблюдается такого мощного пояса радиации.

Л. ГИЛЬБЕРГ

Продукт один — предметов сотни

Полиэтилен, релон, терон, стереопласт... Это означает: элегантные шубки под цигейку и леопарда, непромокаемые плащи, изящные портфели и сумки, легкие, белые, как морская пена, дамские кофточки, посуда, мебель...

Из нефти, богатой ксиленолом, румынские химики изготовляют прекрасный заменитель шерсти — терон. Изделия из него дешевле и прочнее шерстяных. Брюки из терона выглядят ничуть не хуже шерстяных, но в отличие от них всегда сохраняют складку и не растягиваются на коленях.

В различных отраслях хозяйства Румынии применяется стереопласт.

Из него можно сделать прозрачные, как стекло, крыши и перекрытия на заводах и фабриках, в выставочных залах. Они много прочнее и даже прозрачнее стеклянных и не нуждаются в металлической основе с множеством подпорок. Применяется стереопласт и в машиностроении, и в мебельной промышленности, и в судостроении. Он прекрасно поддается шлифовке и сверлению. Лодку из стереопласта можно поднять одной рукой.

М. ПЕТРЕСКУ

Оцинкованные рельсы

Всем известно, какой огромный ущерб наносит хозяйству любой страны коррозия металла. Особенно она дает себя знать при подземных работах в шахтах и рудниках, где часто бывает сыро, а в воздухе много примесей различных газов.

Для того, чтобы предохранить от коррозии рельсовые пути шахт и рудников, в Голландии рельсы покрывают тонким слоем цинка. Дополнительные расходы вполне себя оправдывают, так как срок службы рельсов увеличивается втрое.

Т. ЛЬВОВ

Находка на улице Сан-Джованни

В Риме, недалеко от Колизея, на улице Сан-Джованни Латерано, строится здание канцелярий налогового управления.

Недавно здесь на глубине одного метра от поверхности земли обнаружено три больших фрагмента мозаичного пола, сделанного во II веке нашей эры. Это — археологическое открытие огромного документального и художественного значения.

На одном из фрагментов, самом крупном, два гладиатора сражаются со львом. Сбоку изображен леопард. На другом — скаковая лошадь. Третий фрагмент относится к более поздней эпохе, вероятно, к V веку нашей эры. На нем изображен леопард. Фигура зверя выполнена из кусочков порфира, малахита, драгоценных камней и золота.

Несомненно, что эти фрагменты — часть пола одного из служебных зданий Колизея. Здесь во время состязаний жили гладиаторы и атлеты, находились загоны для хищных зверей. При раскопках найдены также штриховки на мраморе, изображающие набедренники, шлемы, металлические сети, щиты, трезубцы и другое боевое снаряжение гладиаторов.

И. РОБИН

Необычный автомобиль

В Италии испытывается автомобиль «ФИАТ-1100». От своих собратьев он отличается необычным расположением колес. Одно колесо у него впереди, одно сзади, а два на одной оси посередине. Двигатель мощностью в 43 лошадиных силы расположен в задней части автомобиля и связан лишь с одним задним колесом, а рулевое управление действует на одно переднее колесо.

Что дает такая необычная конструкция?

У автомобиля «ФИАТ-1100» упрощена коробка передач, у него гораздо меньше вес и коэффициент лобового сопротивления по сравнению с аналогичными по размерам автомашинами.

Л. АБРАМОВ

К 35-летию со дня смерти Ф. Э. Дзержинского

ЕГО ДЕЛО БЫЛО ПРЕКРАСНО

Ф. Э. Дзержинский и В. И. Межлаук во дворе Кремля. 1923 год. Публикуется впервые.

Не знаю, как именуется эта автобусная остановка в Ленинградском управлении пассажирского автотранспорта, но жители Петроградской стороны называют ее просто «Садик Дзержинского». Рядом с остановкой небольшой сквер, посредине которого возвышается памятник Ф. Э. Дзержинскому, выполненный по модели скульптора А. В. Крыжановской. Дзержинский изображен немного усталым и очень человечным. Кирка и молот, железнодорожный рельс и стрелка, высеченные на постаменте памятника, напоминают о той огромной работе, которую вел Феликс Эдмундович, будучи Председателем ВСНХ СССР и Наркомом путей сообщения.

Многим Дзержинский запомнился только как меч революции, основатель ВЧК, гроза буржуазии. Работа Дзержинского в ВЧК имела великое значение для дела революции. Но нельзя забывать и о той ответственнейшей работе по восстановлению и развитию хозяйства страны, которую вел Феликс Эдмундович.

В ударном порядке нужно было вывести из неслыханной разрухи транспорт — и ЦК поручает Феликсу Дзержинскому возглавить Наркомат путей сообщения. О результатах его работы можно судить по решению XIII конференции РКП(б), состоявшейся в январе 1924 года. В решении говорится: «Транспорт находится в таком состоянии, когда он без особых затруднений способен удовлетворять все предъявляемые к нему народным хозяйством требования».

В начале 1924 года Дзержинского назначают Председателем Высшего совета народного хозяйства СССР. Его задача — руководить восстановлением промышленности. К тому времени промышленное производство составляло менее 50% довоенного, в стране было около миллиона безработных. Деятельность Феликса Эдмундовича на этом посту помогла довести промышленность страны до такого уровня, который позволил приступить к составлению наметок первого пятилетнего плана. Методы и стиль работы Дзержинского — замечательный пример для наших инженеров — командиров производства.

О работе Дзержинского в ВСНХ ярко свидетельствует одно из последних писем Феликса Эдмундовича, которое удалось разыскать совсем недавно.

В этом письме Дзержинский говорит о необходимости устранения основных недостатков, мешающих социалистическому строительству.

Феликс Эдмундович пишет: «Девять десятых сил и энергии уходит не на создание новых ценностей, не на само производство, не на изучение его, подбор работников и организацию дела — а на согласование отчетности, оправдывание, испрашивание». Дзержинский говорит о том, что «отчетность въелась так в систему у всех органов, что поголовно все органы живут тем, что требуют от других всякой отчетности, справок, сведений, докладов... Благодаря этой системе знание работника и руководителя заменилось «знанием» в портфеле...» В результате, пишет Феликс Эдмундович, хорошие работники у нас «занимаются «писаниями» — для творческой работы, создания ценностей нет у них времени. ...Только упрощение нашего аппарата может нам сейчас дать непосредственно дополнительные средства для индустриализации и для удовлетворения потребностей рабочих. Только при этом условии мы сможем реально провести режим экономии».

Феликс Эдмундович считает необходимым осуществить ряд мер, в том числе:

«— Решительное и бесповоротное сокращение отчетности в десятки и сотни раз. Запрещение требовать каких-либо сведений, отчетов и т. д. не по линии прямой подчиненности, иначе, чем путем специального мотивированного постановления о ревизии. Организация официальной информации за деньги.

— Замена системы бумажной переписки системой личного общения: приемы, выезды на места, клубы...

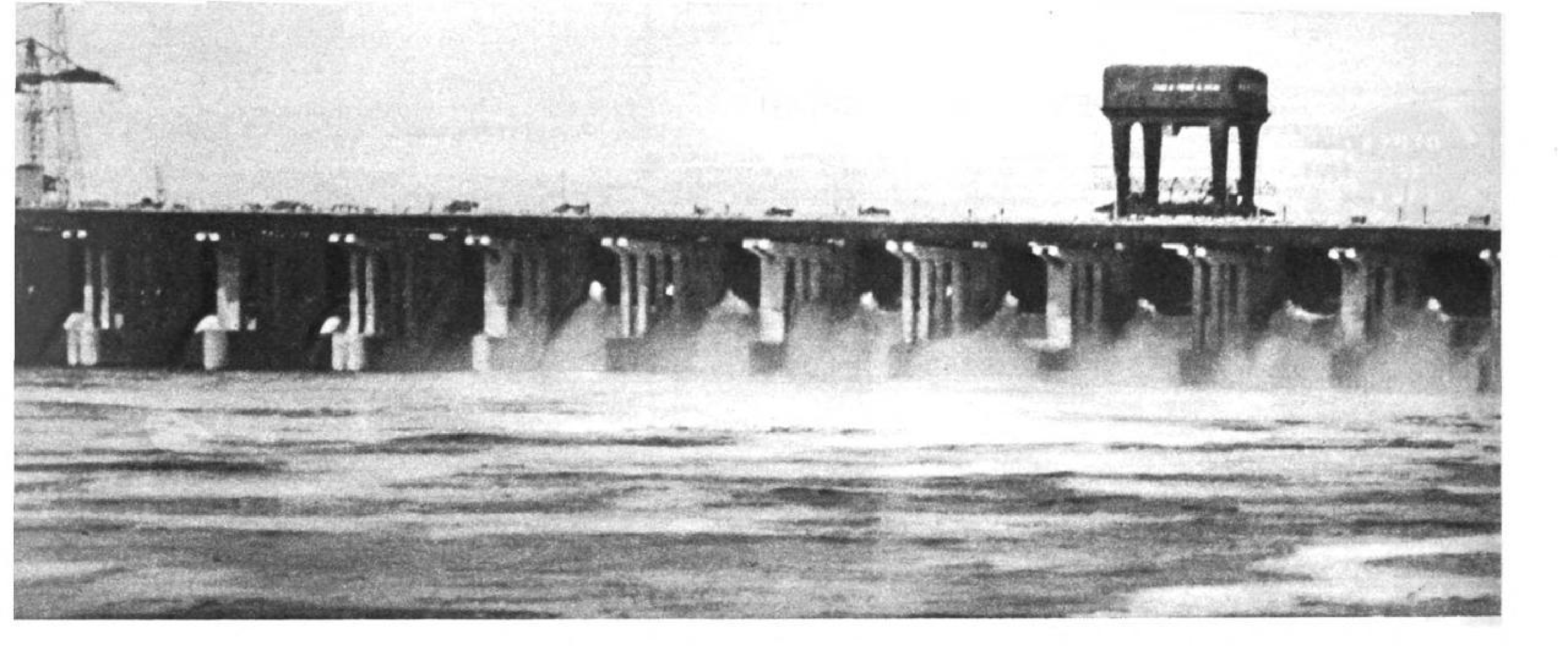
— Запрещение писать большие доклады в высшие государственные учреждения и внутри учреждений. Краткие мотивы и предложения, четко, коротко и исчерпывающе составленные, с личным докладом знающего дело, если это потребуется».

Письмо датировано 3 июля 1926 года. 20 июля этого года Феликса Эдмундовича не стало. В своем обращении «Ко всем членам партии, рабочим, трудящимся, к Красной Армии и Флоту» Центральный Комитет и Центральная Контрольная Комиссия ВКП(б) писали в этот день:

«...Герой Октябрьского восстания и один из его руководителей, Дзержинский вскоре стал на самый тяжелый и мучительно трудный пост. Под его руководством отражала Чека натиски врагов... Его заслуги громадны. Переоценить их нельзя.

Но вот кончилось время гражданских боев. И т. Дзержинский посылается на новую передовую позицию. Он собирается в поход против разрухи, с нечеловеческой энергией борется за наш транспорт, а потом за нашу промышленность. «Мирная полоса», которая для других стала временем отдыха, для Дзержинского этого отдыха не дала. И теперь он работал и днем и ночью. И теперь он не знал «праздников». И теперь он все силы своей личности, своего огромного темперамента, своего ума и своей воли отдавал делу, за которое сражался всю жизнь. Его дело было прекрасно. Прекрасной была его замечательная жизнь. Прекрасна его смерть на боевом посту...»

Ф. МЕЖЛАУК

И. ТУНКЕЛЬ, В. ПОЛЫНИН
Специальные корреспонденты «Огонька»

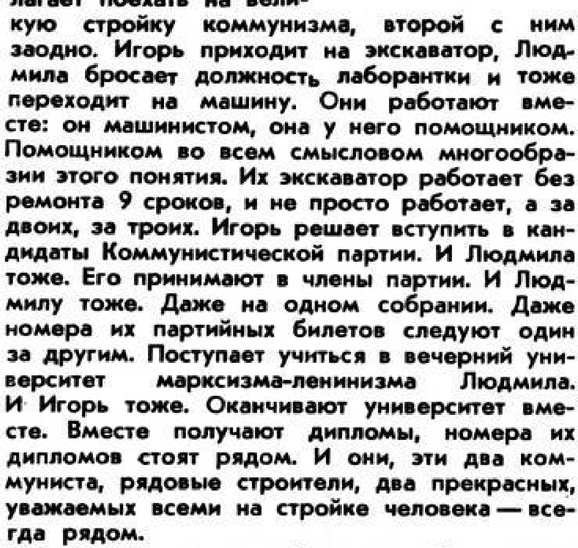
Они с переднего края

На плотине Сталинградского гидроузла хорошо заметна временная башня со смотрящими во все стороны, как у башенных курантов, календарными циферблатами. Цифры, сменяясь каждый день, показывают время — сколько осталось до сдачи Сталинградского гидроузла государственной комиссии. Фотографии, которые мы привезли со Сталинградской стройки и которые помещены на наших обложках и центральной вкладке, вы будете рассматривать в тот день, когда двузначная цифра на башне вот-вот сменится однозначной. Гидростроители, ломая планы, сдают крупнейшую в мире гидростанцию, весь гидроузел на год раньше срока в подарок XXII съезду КПСС. И, конечно, как и везде у нас, душа этого мирного сражения — коммунисты.

На мосту водослива мы познакомились — а вы видите их на первой обложке журнала — с коммунистами: монтажником Владимиром Куприяновым, плотником Иваном Лагорским, бетонщиком, который с перфоратором на плече, Владиславом Сновальниковым, Абламитом Жакуповым, что опоясан ремнем верхолаза, бетонщиком Алексеем Аджигитовым, начальником участка Юрием Любицыным... Несть конца этой шеренге: ведь на стройке коммунист — каждый десятый, а всего их тысячи. Вот некоторые.

Абламит Жакупов. Бригадир монтажников. Жакуповцы не просто работают — сражаются на стройке. Это не красное словцо. Разве это не сражение — по нескольку часов не отстегивать спасательных поясов от арматуры? А учение? Абламит — казах. Для него русский язык, как для русского — казахский. Много времени по вечерам посвящает Абламит русским учебникам. Если не будет совершенствоваться в знаниях сам бригадир, как же он станет прививать любовь к учению своим товарищам по бригаде? Таков взгляд на вещи. Вот так он работает, учится, живет. Так живет, работает, учится и вся его бригада, бригада коммунистического труда.

А вот другая бригада коммунистического труда. Пожалуй, самая малочисленная из всех существующих в нашей стране: членов бригады всего двое. Можно без кавычек называть эту бригаду и семьей. Ведь Людмила и Игорь Ступины—жена и муж. Удивительное у них совпадение взглядов, представлений, убеждений. Когда один из Ступиных предлагает поехать на великую стройку коммунизма, второй с ним заодно. Игорь приходит на экскаватор, Людмила бросает должность лаборантки и тоже переходит на машину. Они работают вместе: он машинистом, она у него помощником. Помощником во всем смысловом многообразии этого понятия. Их экскаватор работает без ремонта 9 сроков, и не просто работает, а за двоих, за троих. Игорь решает вступить в кандидаты Коммунистической партии. И Людмила тоже. Его принимают в члены партии. И Людмилу тоже. Даже на одном собрании. Даже номера их партийных билетов следуют один за другим. Поступает учиться в вечерний университет марксизма-ленинизма Людмила. И Игорь тоже. Оканчивают университет вместе. Вместе получают дипломы, номера их дипломов стоят рядом. И они, эти два коммуниста, рядовые строители, два прекрасных, уважаемых всеми на стройке человека — всегда рядом.

Снимок, напечатанный на первой странице вкладки, сделан в недрах плотины. Лицо и фигура коммуниста Юрия Любицына, начальника участка, вам, читатель, знакомы уже по обложке журнала. В дополнение к фотографии надо сказать о Любицыне несколько слов, потому что внешность его обманчива. Проще говоря, за внешней мягкостью этого очень скромного, даже застенчивого человека трудно с первого же взгляда разглядеть волю, способности, энергию умелого организатора. Инженер-коммунист, он все время поднимается с одной ступени на другую. Любицын прибыл на стройку 8 лет назад, сразу по окончании Горьковского инженерно-строительного института. Начал прорабом. Через два года уже стал старшим прорабом. Еще через два — главным инженером участка. Еще через два — начальником участка. Материал, с которым работает Любицын,— железобетон. А его участок в центре ударной стройки.

...На последней странице вкладки вы увидите фото, сделанное нами в летнем саду города Волжского, кстати, выстроенного одновременно с гидроузлом, на таком же диком месте.

В городе Волжском коммунисты — это, как правило, «молодежь»,— если иметь в виду партийный стаж. А вот Михаил Яковлевич Щербаков — старый коммунист, еще помнящий царский застенок.

Рассказывать биографию Михаила Яковлевича — это значит рассказывать историю нашей партии с дореволюционных времен. Она известна, поэтому скажем лишь, что, несмотря на свои 73 года, Михаил Яковлевич с жаром молодости до сих пор участвует в том деле, которому посвятил всю свою жизнь. Что он на пенсии — это чистая формальность. Обязанности члена Общества по распространению политических и научных знаний, депутата горсовета, члена комиссии по бытовым делам — работа для людей, не замечающих возраста...

Наши фотографии, разумеется, не вместили всех, о ком нам хотелось бы рассказать,— о коммунистах с переднего края семилетки, о коммунистах, строящих крупнейшую в мире гидростанцию. Но когда вы услышите по радио, прочтете в газетах, что Сталинградская ГЭС сдана Советскому государству, знайте: этот подвиг совершен десятками тысяч людей, среди которых вдохновителями, организаторами, исполнителями были тысячи коммунистов.

А турбины ГЭС уже работают на полную мощность. И их энергия, неиссякаемая, как волжский поток, будет работать на общество, которое мы называем коммунистическим, которое принадлежит будущим поколениям и этим юным ударникам коммунистического труда, фотография которых помещена на последней странице обложки, — комсомолкам Тамаре Сычук, Миле Щербининой и самому молодому коммунисту строителю ГЭС Игорю Минину, им и их сверстникам...

Владимир Коваленко — коммунист-агитатор. И слово коммуниста-агитатора звучит особенно убедительно и весомо потому, что везде и всегда за этим словом стоит величественная панорама дел, свершенных во имя коммунизма.

Поезд приходит ночью

Рассказ

Нора АДАМЯН

Рисунки Ю. РЕБРОВА.

Она появилась в вагоне на рассвете, но в купе не входила, а стояла у окна, провожая глазами возникающие в темноте желтые огни.

Утром втащила на верхнюю полку большой чемодан, растрепанную «авоську» и, улыбаясь, объяснила:

— Увидела, что пожилые люди едут, не хотелось беспокоить...

А нижние места занимали женщины. И эта неосторожная фраза определила их отношение к новой пассажирке. Каждая оглядела девушку критически. И каждой по разным причинам не понравился узкий зеленый костюмчик с разрезами на юбке, красные туфли с высокими тонкими каблуками и черная бархатная сумка, осыпанная сверкающими камешками.

Одна сказала:

— Вольному воля. Не для всех закон писан. Другой еще не исполнилось сорока лет. Это позволило ей отнестись к словам девушки не так серьезно.

— Спасибо, конечно, за заботу, но простоять ночь в коридоре...

— Не всю ночь. Посадка была в четыре двадцать. А потом, знаете, бывает полезно побыть одной и подумать.

— Полезно?

— Нет, я не так сказала. Ну, знаете, когда первый раз уезжаешь так далеко... Надо же все обдумать...

— Ну, в поезде — это уже вроде поздно. Думать приходится до того, как возьмешь билет.

Это вступил в беседу мужчина с верхней полки. Он собрался умываться, взмахнул полотенцем, спрыгнул вниз легко, как большой полосатый мяч. Деловито спросил:

— Чаю еще не предлагали? — И пошел, сверкая зелено-черной пижамой.

Девушка улыбнулась ему вслед.

Строгая пассажирка, перестилая постель, согнала ее с краешка полки, но девушка улыбнулась и ей.

— Давайте я помогу...— И ловко подвернула края шерстистого одеяла.

Потом она побежала узнать, скоро ли будет чай, и принесла на подносике четыре стакана.

Сердитая дама сказала:

— Лично я пить не собираюсь.

Девушка огорчилась.

— А я всем принесла...

Она часто заморгала очень густыми и очень черными ресницами.

— Чай! Вот это хорошо, — шумно обрадовался мужчина в пижаме. С его появлением в купе повеяло свежестью душистого мыла и мятной зубной пастой.— Чай пить — это великое дело. Это не дрова рубить. Пассажир обязан пить чай!

Провозглашая эти призывы, он извлекал из кульков полуободранный остов курицы, кусок копченой колбасы, мятый батон.

Женщина помоложе открыла чемоданчик и стала копаться в прозрачных полиэтиленовых мешочках и белых салфеточках.

— Клавдия Сергеевна, завтракать,— позвала она.

Строгая пассажирка зевнула.

— Да уж и не знаю, что-то не хочется...— И принялась вытаскивать хлеб и масло из вышитого парусинового мешочка.

Девушка захлопотала.

— Давайте поставим здесь мой чемодан, будет удобнее. Нет, он не тяжелый. Я сама.

— Самостоятельная девушка, — одобрил мужчина в пижаме.— Значит, села в поезд и стала обдумывать, куда бы поехать? Так, что ли?

Девушка засмеялась вместе со всеми.

— Почти что так.

— Родители-то есть у вас?

— Есть, конечно.

— Вот интересно, как они на это дело посмотрели. А?

Девушка пожала плечами.

— Ну, вы знаете, родители, как всегда...

— Что им родители!— шумно вздохнула Клавдия Сергеевна.— Родители отжили свое. У родителей можно и не спрашиваться.

— Очень уж мы на девушку обрушились,— примирительно сказала пассажирка помоложе,— дайте ей позавтракать спокойно. Вы подвиньтесь, товарищ майор.

Девушка подскочила и стащила с верхней полки объемистую сетку, из которой во все стороны клочьями торчала газетная бумага.

— Уж не знаю, что мне тут мама наготовила. Будто я на Северный полюс еду,— сказала она голосом избалованного ребенка.

— Это ничего, поможем,— пообещал майор,— у нас харч общий, мы коммуной живем.

— А как же,— щуря раскосые глаза, улыбалась девушка, — вот и я сейчас...

— Есть у вас в Татарии национальное блюдо — беляши. Великолепная вещь, — вспомнил майор.

И получилось, что все стали смотреть, как девушка разворачивает пакеты. В первом оказались сношенные тапочки.

— Ах, когда торопишься...— смущенно сказала она.

Потом извлекла пачку книг, развернула комочек измятого трикотажного белья. Майор отвернулся к окну, женщины заговорили между собой вполголоса, а девушка все копошилась, выбрасывая из сетки на пол резиновые боты с присохшими на них комьями глины, облезшую гипсовую кошку, вазочку с отбитым краем.

Разворошив всю сетку, она сидела, наклонив маленькую черную голову над разбросанными вещами.

В купе заглянул проводник.

— Кому еще чайку?

Девушка быстро затолкала обратно в сетку все вещи, всю мятую бумагу, взобралась на свою полку и улеглась лицом к стене.

Поезд бежал, откидывая назад клубящийся белый пар. Он торопился пересечь поскорей скучную рыжую степь. Где-то в вагоне плакал ребенок. В стакане с остывшим чаем дребезжала ложечка.

— Ничего она не ела. Странная девочка,— шепотом сказала пассажирка помоложе.

— Что же теперь, кланяться ей, что ли?

— Ну, предложить все-таки надо бы. Нехорошо получилось.

Хлопнула входная дверь. Раздался резкий, призывный голос:

— Булочки свежие, пирожки горячие, кому кефиру...

Девушка метнулась к двери.

— Дайте кефиру. Булочку тоже. И два пирожка.

Она поела наверху, прихлебывая кефир прямо из бутылки. Потом переоделась и спустилась вниз повеселевшая, в длинном красном халате и тапочках.

Ей надо было знать, кто из попутчиков едет в Тбилиси. Выяснив, что едет туда Клавдия Сергеевна, девушка стала спрашивать, далеко ли от города вокзал, где улица Режинашвили и как туда проехать.

— Родственники у вас в Тбилиси? — поинтересовался майор.

— Да, родственники. Всякие — и близкие и дальние.

— Что же они вас не встретят?

— А я не сообщила, что еду.

— Лучше бы сообщить. Поезд приходит ночью.

Девушка передернула худыми плечиками.

— Я же не маленькая. Адрес есть. Всегда можно у милиционера спросить, ведь правда?

— В гости едете или по делу?

— В Тбилиси просто так. Интересно город посмотреть. А потом поеду в Рустави. Там работать буду. Это недалеко от Тбилиси, да?

Поезд подъезжал к большой станции. По радио объявили: стоянка двадцать минут.

Девушка встала.

— Меня зовут Раечка. По-нашему, по-татарски,— Разият. А так — просто Раечка. Вам ничего не нужно на станции?

Она вышла в домашних тапочках, придерживая расходящиеся полы красного халата.

— Все вранье,— решительно заявила Клавдия Сергеевна,— поманил кто-нибудь или обманул, вот и помчалась.

— А может быть, и не так...

— Нет уж, Алла Ивановна. Поверьте моему опыту, не первый день живу на свете. Просто так девушка в незнакомый город не сорвется.

— Пожалуй,— согласилась Алла Ивановна.

А майор Петросян лежал на верхней полке и читал газету.

Тяжело отфыркиваясь, остановился поезд. Вокруг него тотчас возникла нервная суета. Вдоль вагонов взволнованные люди волочили чемоданы. Встречающие тревожно водили глазами по окнам, радостно кидались навстречу выходящим и создавали в тамбурах непроходимую толчею.

Но прошли первые минуты, и все успокоилось. Встречающие подхватили чемоданы, и прибывшие ушли с вокзала, разом отрешившись от вагонного быта и путевых впечатлений.

Разместились и начали обживать места новые пассажиры. Вокзал зажил обычной, деловой жизнью. Проехала тележка, нагруженная посылками, лоточницы в белых халатах, натянутых на пальто, скучающие стояли над бледными плоскими булочками.

Только какой-нибудь умудренный частыми деловыми поездками командированный неторопливо появлялся за несколько минут до отхода поезда и, закинув портфель с мыльницей и чистой рубашкой на свою верхнюю полку, тут же отправлялся в вагон-ресторан. Да еще несколько провожающих стоически томились у окон. Традиции не позволяли им уйти с вокзала до отхода поезда.

Осенний ветер, сперва притихший, возобновил свою игру. Трепал журналы в привокзальном киоске, пытался сорвать клеенки с продуктовых лотков. Он то и дело распахивал полы красного халата Раечки, но она не уходила с перрона, потому что там происходили интересные события. Первый раз она на минутку прибежала в вагон для сообщения:

— Сейчас со студентами познакомилась. Десять человек едут в город Зестафони на практику. Вы знаете такой город? Жаль. Такие славные ребята. Один чемпион по теннису, а у другого, представляете себе, перед самым отъездом близнецы родились. Он так волнуется, бедный!

Она опять умчалась.

— И к чему мне знать город, куда едут эти студенты? На что мне это? — возмущалась Клавдия Сергеевна.

— Она, верно, имела в виду, чтоб вы им рассказали, ориентировали, так сказать...— разъяснил майор.

— Что я, руководитель ихний, ориентировать?.. И знала бы, так не стала с десятью парнями объясняться. И еще близнецы откуда-то появились...

Рая снова заглянула в дверь:

— Мы сейчас невесту украли!

— Только этого не хватало! — сказала Клавдия Сергеевна.

— Правда, правда! Посмотрите в окно. Он такой красивый, высокий парень. Девушка пришла его провожать, а он сразу ее увозит. Вы посмотрите!

Клавдия Сергеевна и Алла не выдержали и подошли к окну. Перед вагоном мужчина лет тридцати с густо курчавой головой, обняв молоденькую девушку, что-то говорил низенькой, сухой, как спичечная коробка, старушке. Старушка плакала.

Клавдия Сергеевна опустила окно. Они услышали теплый, густой голос:

— Дорогая тетя Ашхен, убедительно прошу вас, за нашу Лилечку не беспокойтесь. Дорогая тетя, все будет очень хорошо. Прошу вас, вытрите свои слезы.

Позади Клавдии Сергеевны кто-то старательно проталкивался к окну. Клавдия Сергеевна приготовилась дать отпор, но небольшая полная женщина доброжелательно заулыбалась.

— Мой сын,— пояснила она, указывая на мужчину,— а эта, что плачет,— подруга моя. У них гостили, теперь внучку ее увозим. Полюбил — что делать? На вокзал пришли, говорит: «Полюбил, мама, как ты скажешь?» А что я могу сказать? Для матери лишь бы дети счастливы были. Товарищ его, вон сбоку стоит, шустрый такой, побежал — достал еще один билет...

Женщина поднялась на цыпочки и крикнула в окно:

— Не плачь, Ашхен, стыдно плакать, радоваться надо...

И снова доверительно обратилась к попутчицам:

— Девушка — сирота. Без матери выросла. Не зажиточно живут. Но мы на это не посмотрели.

— Хорошенькая девочка,— одобрила Клавдия Сергеевна,— глазки красивые. Молодая только.

— Это ничего. Это хорошо, что молодая.

Женщина снова закричала в окно:

— Христик, идите в вагон, сейчас поезд тронется, идите в вагон.

Спичечная старушка обняла девочку. Ее темные руки гладили серенький жакет внучки, пышные каштановые волосы.

Христик осторожно разорвал это объятие и отвел девушку к вагону. Здесь ее переняла Раечка. Точно старая, закадычная подруга, она взяла Лилю под руку и заговорила с ней, часто моргая пушистыми ресницами.

Христик вернулся к старушке, поцеловал ее и сказал стоящему рядом парню:

— Могу надеяться, что доставишь тетю домой?

Парень молча приложил руку к сердцу.

— Денег на такси? — Христик приложил руку к карману.

Парень гневно замотал головой.

— Ну, будь здоров! — Они потрясли друг другу руки.— Спасибо за все, дорогой, желаю успеха в твоей молодой жизни.

По вагонному коридору Раечка бережно, как больную, вела невесту. За ними торопился Христик, вежливо расталкивая всех на пути.

— Извиняюсь... Простите за беспокойство...

В свое купе Раечка вернулась не скоро. Она сидела в соседнем вагоне у студентов, обедала с ними в ресторане, потом надолго задержалась в крайнем купе, где устроились жених с невестой. Ее попутчики успели еще раз перекусить и подремать. Они ехали вместе уже второй день и знали друг о друге все, что принято знать спутникам, заключенным в одно купе на трое суток.

Клавдия Сергеевна возвращалась с курорта. Алла Ивановна — из командировки. А майор Петросян торопился в маленький пограничный город, куда его призывала служба.

Курорт не принес Клавдии Сергеевне той пользы, на которую она рассчитывала. Частично, конечно, принес, но не полностью. Врач ей попался нечуткий. Мог, например, сказать: «Уж очень вы к себе прислушиваетесь». А она для того и приехала на курорт, чтоб хоть немного к себе прислушаться. Дома не очень-то прислушаешься: муж, хозяйство, да еще дочка каждый день звонит: «Мама, можно тебе Ирочку подкинуть? У нас билеты в кино». Ну, внучка — это не в тягость, а в радость. Ребенок совершенно исключительный. Не потому, что свой, а строго объективно. В два года и два месяца у нее развитие пятилетней.

Эта тема была неисчерпаема. Алла Ивановна, вытащив из чемодана клубок голубого гаруса и длинные пластмассовые спицы, ловко, точно играя, вязала кофточку. Майор шуршал газетами.

Когда в дверях появилась Рая, все посмотрели на нее с ожиданием. Глаза у Раи блестели. Ей не терпелось все рассказать.

— Это прямо как в кино! Целый месяц были знакомы — и ничего. А пришло время уезжать, почувствовал, что не может с ней расстаться. Удивительно, правда? Он ей объявил: «Или ты сейчас же едешь со мной, или я брошусь под поезд».

— Вот даже как? — отозвался с верхней полки майор.

— А вы думаете, нет? — Раечка подняла вверх свое скуластое лицо.— Вы считаете, так не бывает?

— Нет, я ничего не имею,— отступил майор,— в литературе встречаются примеры.

— И в жизни они встречаются,— твердо заявила Клавдия Сергеевна.— В бытность мою девушкой я не поверила в чувство, и пришлось горько покаяться.

— Случилось что-нибудь? — Раечка с живым интересом устремила на Клавдию Сергеевну свои отчетливо черные глаза.

— Мало ли что бывает у женщины в прошлом,— загадочно ответила Клавдия Сергеевна.

— И у вас случалось? — обратилась Рая к Алле Ивановне.

— Как-то, знаете, нет. Вероятно, я не роковая женщина.

— Я тоже не роковая. А Лиля, наверное, роковая. Она говорит: «Ну как же я поеду, у меня с собой даже смены белья нет!» И бабушка ее просила у Христика, чтоб Лиля хоть через неделю приехала. А он никак не согласился. «Я,— говорит,— не то, что неделю, одного часа без нее прожить не могу!»

— А сама Лиля как же? Ведь, наверное, где-нибудь училась, работала?

— Она только школу окончила. Училась на машинке печатать. А теперь Христ ее на зубоврачебный устроит. Он сам зубной техник, у него знакомства.

Раечка выглянула в приоткрытую дверь.

— Иди сюда, мы о тебе говорим,— позвала она.

Медленно, неуверенно в купе вошла девушка с ярким молодым лицом. Рядом с ней даже Рая казалась поблекшей, такие розовые щеки, желто-карие глаза и крупные красные

губы были у невесты. И то, что она поплакала, поволновалась, делало ее еще ярче.

— Ты почему одна? — строго спросила Раечка.

— Тетя лежит, а Христик пить захотел. Тетя сказала, чтоб я пошла за ним в ресторан, а я не знаю...

— Нечего тебе туда ходить! Я сама пойду.

Рая накинула поверх халата зеленый жакет и пообещала:

— Я его сейчас приведу. Ты посиди здесь.

Лиля сложила руки на коленях и сдвинула широкие брови.

Алла Ивановна улыбнулась ей.

— Неожиданно все?

Девушка смущенно потупилась.

— Очень неожиданно. Я даже ничего с собой не взяла. Не знаю теперь, как будет.

— Ну, это как раз не главное...

Услышав в словах что-то недоговоренное, Лиля заторопилась:

— Мы хорошо узнали друг друга. Мы целый месяц знакомы были, в кино ходили. Моя бабушка хорошо знает его маму.

Алла Ивановна молчала. Тогда Лиля добавила:

— Он меня очень любит. Он сказал, что пронесет меня по жизни на руках, как звезду.

Она прошептала эти слова еле слышно и наклонила голову так, что волосы упали ей на лицо.

Майор, свесившийся с верхней полки, не расслышал этих пронзительных слов, но понял, что Лиля сильно взволнована.

— Ну так о чем разговор? Полный порядок. Значит, голову выше. Вы берите пример с нашей Раечки. Вот веселая девушка!

Лиля удивилась:

— Рая веселая? Что вы! Она только представляется. Она как раз несчастная.

— Чем же она такая несчастная? — спросил майор.

Клавдия Сергеевна махнула рукой.

— Ну, конечно! Я как в воду глядела. Только теперь уже поздно. Не догонишь.

Лиля хотела что-то ответить, но запнулась и приподнялась с места. В дверях, держась руками за косяки и прогнувшись грудью вперед, покачивался Христик.

— Беседуйте, прошу, — разрешил он, — я не хотел помешать.

— Чем же вы помешали? Присоединяйтесь! — пригласил майор.

— Соскучилась? — спросил Христик.

Улыбка не сходила с его лица. Он присел рядом с Лилей и обнял ее.

Эта близость казалась совершенно невозможной еще вчера, еще утром, несколько часов назад. Сейчас она была узаконена. С Лилей и Христиком случилось что-то необычное, что выделило их из числа других людей и привлекло к ним всеобщее внимание. Теперь им следовало вести себя так, чтоб не обмануть ожиданий окружающих.

На каждой станции Христик, обняв Лилю, водил ее по перрону, тщеславно ловя любопытно-сочувственные взгляды посвященных в дело пассажиров.

И разговаривая с майором, Христик то поправлял Лиле волосы, то перебирал ее пальцы.

Голос жениха заполнял купе, как папиросный дым.

— Бывает человек — мастер, хороший мастер, вы понимаете? А бывает — художник. Представляете себе? Некоторые считают, что специальность зубного техника — дело второстепенное. Над этим заблуждением я смеюсь. Работа зубного врача скрыта в темноте. А работа техника на витрине. Вот у вас, извиняюсь, коронка на правом верхнем резце неправильно посажена. Мне сразу видно. Вы меня извините, конечно.

Майор потер рукой щеку.

— Ничего, не беспокоит, — смущенно сказал он.

— Разве только в этом дело? Красоты, души в работе нет! Я испытываю художественное чувство, когда выпускаю из своего кабинета человека с красивой челюстью, чтоб он мог свободно смеяться в обществе, с широко открытым ртом.

— Да, а вот знаете, мне сделали мост... — начала было Клавдия Сергеевна, но поезд замедлил ход, и Христик поднялся.

— Простите. Пройдемся, дорогая?

Рая, стоявшая в дверях, села на его место. Когда она не улыбалась, у нее делалось усталое лицо с морщинками у глаз и у губ.

Клавдия Сергеевна искоса поглядывала на нее. Девушка сбросила тапочки, поджала под себя ноги, натянула на них полы халатика и сидела худенькая, поникшая.

— Что, — не удержалась Клавдия Сергеевна, — небось, родители виноваты?

Рая слабо улыбнулась.

— Нет, не виноваты.

Этого Клавдия Сергеевна не ожидала.

— Кто же тогда виноват?

В самом деле, кто?

Почему, когда Разият уходила из дома, ей не сказали: «Оставайся!» — не спросили ее: «Куда ты едешь, как думаешь жить?»

Отец молча пил чай. Мать подавала ему на блюдечке мелко наколотый сахар. Она смотрела вниз, на блюдце, на свою руку, на стол.

Очень много лет смутные видения детства помогали Разият поддерживать чувство к отцу. Маленькая девочка в длинном сборчатом платье и зеленых сапожках подпрыгивает и кружится на щербатом полу, а отец, высокий, сильный, подымает ее к потолку и смеется.

И еще — красный леденцовый петушок на обструганной палочке. Разият так ясно помнила желтоватые мелкие зубы, широкие складки на щеках отца и его руку, протягивающую ей петушка.

Но столько раз она вызывала в памяти эти воспоминания, столько раз пыталась выставить их против несправедливости, гнева, отчаяния, что они потускнели и потеряли силу.

Потом она не раз видела те же мелкие, желтые, но уже выщербленные временем зубы, обнаженные в гневном оскале.

Впервые это было, когда Разият пришла домой в новом сарафане. Такие сарафаны с открытой шеей и голыми руками были у всех девочек в классе. Летом в них ходили загорать на Волгу. Разият знала, что дома ей сарафана не сошьют. Мать и старшая сестра портняжили сами: раскидывали на столе плотный, приятно пахнущий сатин, кроили широкие, в оборках платья с длинным рукавом и пуговками до самого подбородка.

Разият потихоньку вытащила из сундука кусок материи. Шить сарафаны оказалось очень просто. Они с подругой управились за два часа. Странно было идти по улице с голыми руками и чувствовать на теле тепло солнечных лучей.

Девочка открыла дверь дома, трепеща от радости и волнения. Мать мешала в кастрюле кашу и не подняла глаз. Сестра, взрослая девушка, закатилась смехом и зажала себе рот рукой, чтоб не услышал отец. А он выглянул из соседней комнаты, недоуменно рассматривая и не узнавая дочь.

Отец уже не был таким высоким. У своих глаз Разият увидела стиснутые гневом зубы. Жилистыми, крепкими руками он разодрал на ней сарафан от груди до подола.

Разият кинулась к матери. Она искала защиты и утешения. Но мать дала ей пощечину и назвала воровкой и бесстыжей.

Ах, сколько в детстве было отчаяния от невозможности объяснить и от невозможности понять! Сколько слез, когда даже во сне нет успокоения и просыпаешься от судорожного всхлипа!

— В кино не пойдешь.

— Почему? Почему?

— Так. Нельзя.

— Купаться в Волге не будешь.

— Но все, все девочки купаются...

— Тебе нельзя. Это позор. Бог накажет...

— Какая еще экскурсия? Отец не позволит.

— Весь класс идет. Денег платить не надо...

— Все равно, не пойдешь.

Когда именем бога Разият не отпустили в пионерский лагерь, она попыталась узнать, чего бог хочет от нее? Почему ему нужно, чтоб она от всего отказалась? Что он ей даст взамен? Какой он?

Мать отвечала:

— Бог на небесах. Он велик. Надо слушаться старших, надо быть скромной, почитать родителей. Тогда он пошлет тебе доброго мужа и спокойную старость. Он все может.

И девочка поняла: мать ничего не знает о боге, и никто ничего о нем не знает. Запреты и ограничения не вознаграждались ничем. В те годы ради самого лучшего мужа на свете Разият не отказалась бы даже от порции мороженого.

Вопреки желанию родителей она поступила в медицинский техникум, окончила его и стала работать. Отец старел, и первые деньги, внесенные Разият в дом, были приняты сдержанно, но благосклонно.

Старшие замужние сестры расспрашивали Разият о ее работе:

— Мужчинам пенициллин колоть будешь?

Разият — медсестра детской консультации — небрежно пожимала плечами:

— А почему нет?

Сестры хихикали.

Отец ворчал:

— Посватался бы за нее хоть хромой.

Мать отвечала:

— Да услышит тебя бог!

Но за Разият никто не сватался. А встречалась она с механиком с дизеля «Беларусь». Между ними еще не было никакой любви, но сестры делали такие догадки, о которых лучше не говорить. Когда у Разият на работе сделался приступ аппендицита, ее увезли в больницу и сразу сделали операцию. Десять дней никто из родных не поинтересовался, где она и что с ней. Сослуживцы приносили ей бульон и все, что надо.

После больницы отец не пустил ее домой. Он кричал: «Иди, грязная, откуда пришла. Иди к своему русскому!»

Наверное, не надо этого вспоминать, но, в общем, он ее избил так, что разошлись швы.

Женщина-врач, с которой Разият работала, сказала ей: «Что ты так мучаешься? Уходи из дома. Ведь ты ничего еще в жизни не видела. Посмотри, как люди живут. Вот хоть в Рустави поезжай, там медработники нужны. В два счета тебя на работу возьмут и даже комнату, может быть, предоставят». И письмо она написала в Рустави.

Разият достала из сумочки конверт.

— Вот оно. Но я насчет работы как-то не беспокоюсь. У меня и характеристика очень хорошая и благодарность в трудовой книжке. Я среди масс авторитет имела и никогда гонораров не брала ни за уколы, ни за что другое. Кроме того, у меня к детям подход есть. Я им плакать не даю.

— И уехали? — спросила Алла Ивановна.

— Тогда я еще серьезно не думала уезжать. Мне и родных жалко было и работу. Отец все-таки испугался, когда узнал про операцию. Мама тоже ничего, молчала. Сестры только смеялись, что я такая худая да еще узкое ношу.

Мне тогда в ателье этот костюмчик сшили. Он ведь ничего, правда?

— Очень хороший костюмчик,— одобрила Клавдия Сергеевна.

— Они не понимают. Шестиклинки в сборку шьют. Ну, стала я ходить на работу, только после болезни очень слабая сделалась. Как приду домой, так сразу лягу, и дремлю. Однажды открыла глаза, вижу: стоит надо мной мама и плачет. Даже слезы текут. Я сказала: «Не плачь, я уже здорова». А она мне отвечает...— Рая глубоко, прерывисто вздохнула.— Она говорит: «Почему ты не хочешь дать мне покой? Почему ты меня мучаешь?» Я спрашиваю: «Чем я тебя мучаю? Я тебе всегда только хорошего хочу». «Ты,— говорит,— беспокойная. От тебя одни неприятности». И стала мне все вспоминать: и кувшины для омовений я из дома выбросила, и обрезание племяннику не позволила сделать, и одеваюсь не так... «Уезжай,— говорит,— мне легче будет». Я даже не поверила сперва, говорю: «Я ведь твоя дочь, как же ты меня гонишь?» И тут она мне сказала: «Бывают дети любимые, а бывают нелюбимые. Ты у нас нелюбимая...»

Тогда я уже уехала...

Рая замолчала. Надо было что-то ей сказать, но никто не решался заговорить первым.

В дверь заглянула и тут же протиснулась в купе Христикина мамаша.

— Соседи, почему вы свет не зажигаете? А я отдыхала-отдыхала, не знаю теперь, что ночью делать буду.

— Спать будете,— пообещал майор,— дело пассажира такое — есть да спать.

— В Ереван едете?..— обратилась женщина к Клавдии Сергеевне.— В Тбилиси? Хороший город! А вас я знаю,— кивнула она Алле Ивановне,— вы на химическом работаете. Ваш муж — брат жены Рафика Талояна.

Не дожидаясь ответа, она удовлетворенно закивала.

— А где молодые ваши? — спросил майор.

— Ах, ах, Христик,— снисходительно-укоризненно заколыхалась женщина,— опять в ресторан ушел. Мужчина,— пояснила она.

— Погулять любит? — осведомилась Клавдия Сергеевна.

— Любит, любит. Товарищей много. Товарищи его тянут.

— Ну, здесь-то у него товарищей нет.

— Не говорите. У Христика везде товарищи. Он за друга жизнь отдаст.

Кто-то потянул створку двери.

— Студенты ваши,— кивнула Рае Клавдия Сергеевна,— так табуном и ходят.

Заглянула светловолосая голова.

— Разият, можно тебя на минутку?

— Ну, что? — не очень охотно спросила Рая.

— Пойдем!

— На что я вам? — голос звучал уже кокетливо.

— Чай пить,— сказал за дверью молодой баритон.

Другой голос добавил:

— Хором петь будем.

Рая засмеялась, натянула тапочки, запахнула халат и выскочила за дверь. Христикина мама проводила ее взглядом.

— Куда едет? Зачем едет? Бедная девушка! Клавдии Сергеевне не терпелось высказаться.

— Нет, чтоб мать была такая безжалостная к своему ребенку! Ну, иной раз обругаешь, не без этого, но ведь и пожалеешь. Сердце-то болит! А это не мать, нет!

— Бывает, все бывает,— вздохнула Христикина мамаша.

Она стала делиться с Клавдией Сергеевной хозяйственными заботами. Вот предстоит свадьба. Легкое ли дело! Одной родни полгорода да знакомых столько же. Одного кого-нибудь не позови — обида на всю жизнь.

— Ну уж и полгорода,— усомнился майор.

— А как ты думаешь? Сами мы коренные ереванские, живем в самом центре, всех знаем. Потому и за невестой в другой город поехали. У себя советчиков много. Про одну одно говорят, про другую — другое. Трудно выбрать.

— Вот оно что! — присвистнул майор.— А я думал, он и вправду влюбился, Христик ваш.

Женщина улыбнулась.

— Конечно, влюбился. Девушка молодая, красивая, он молодой, красивый. Почему не влюбиться?

— В самом деле, почему? — сердито сказал майор и, спрыгнув со своей полки, пошел курить, а потом, ощутив потребность в кружке пива, отправился в вагон-ресторан.

Там его восторженно приветствовал Христик и потащил за свой стол, где перед бутылкой боржоми сидел молодой человек в черном свитере с белыми рукавами.

— Малютка, графинчик коньяку,— приказал Христик.

Пожилая официантка с кружевным нимбом вокруг головы неторопливо пошла к буфету. Майор остановил ее:

— Не надо. Пива бутылочку.

— Ну что такое, никто со мной выпить не хочет! — огорчился Христик.

Юноша в черно-белом свитере выждал некоторое время и продолжил беседу, обращаясь к Христику и строго-холодно поглядывая на майора.

— Вам кажется, что вы из себя представляете образец вполне современного гармоничного человека?

— А нет? — спросил Христик.

Вытянутым пальцем молодой человек коснулся Христикиного живота.

— Сто пятьдесят раз присесть и подняться с вытянутыми руками — инфаркт обеспечен. Жир.

— Где жир? — завопил Христик, порываясь снять рубашку. Но молодой человек неожиданно поднялся и, бросив на стол мелочь, пошел к выходу — длинный и легкий, как балерина.

— Центральный защитник нашей команды,— удовлетворенно сообщил Христик,— мировой парень! Между прочим, рассказывал, как наших несправедливо судили, не дали команде в лидеры выйти, сволочи. Два часа рассказывал.

— Два часа сидишь, а невеста одна...

— Почему одна? Там подруга, мама. Пусть привыкает. Я, знаете, не уважаю все время около женщин находиться.

— А говорил, часу без нее прожить не можешь.

— Я много чего говорил.

— Врал, выходит?

— Не врал. Что полагается девушке говорить, то и говорил. Ну, сами посудите, товарищ майор, для чего мне с девушкой целый день сидеть? Что я такого могу от нее узнать? Вот с футболистом этим мы содержательно поговорили. Скажем, с вами мне тоже интересно беседовать...

— Странно рассуждаешь. Там у тебя чувство.

— Чувство имеет свое место. Мне не двадцать лет.

— Что же ты, выходит, обманываешь девушку?

— Как это обманываю? Именно... женюсь. Вы, может быть, думаете, у меня там какой-нибудь расчет? Я мог на дочери видного профессора жениться, а вы сами видите, как я Лилю беру. Даже без пальто. Я в этих делах расчет презираю.

— Черт тебя знает, не пойму я тебя!

— Почему? — удивился Христик.— Все ясно. Насчет любви я вам так скажу. Я не отрицаю, что любовь есть. Некоторые отрицают. А я нет. У меня любовь была. Я это главным образом заключаю из того, что около одной девушки я терялся. Непохоже на меня, правда? Как дурак терялся, слов не находил. Конечно, молодой был.

Христик примолк, и майор увидел, что он действительно не так уж молод. В курчавой шерстяной заросли у висков блестели белые волоски. Опускались отяжелевшие щеки.

— Исключительно порядочная девушка была,— вздохнул Христик,— благородная натура... Представьте, сама мне призналась, что у нее слабые легкие.

— Туберкулез?

— Не знаю, товарищ майор. Я в подробности не вдавался. Сразу отношения прекратил. Здоровую семью создать — вопрос серьезный. Я так считаю. Я не намерен сегодня жениться — завтра развестись. Лиля — девочка молодая, неопытная. Конечно, можно было еще подождать, но надо о детях подумать, чтоб хватило силы их окончательно на ноги поставить.

— Далеко загадываешь. Где они еще, дети...

— Будут,— твердо пообещал Христик.— Давайте не отказывайтесь, выпьем за наше счастье. Крошка! Маленький графинчик!

Подавая коньяк, официантка сказала сердито:

— Я вам в матери гожусь, молодой человек. Понимайте, как звать.

— Простите великодушно,— извинился Христик,— некоторые как раз обижаются, если мамашей назовешь.

А невеста Христика не скучала. Она сидела, подвернув под себя крепенькие ноги и полузакрыв широко расставленные, как у теленка, глаза, перебирала в памяти слова: «Я пронесу тебя по жизни на руках, как звезду». Каждое слово было драгоценным камнем. Все они принадлежали ей.

Бедная Раечка никогда этого не услышит. Христик про нее сказал: «Она сильно идейная. Мужчины таких не любят. В таких влюбляются мальчишки, которым еще рано жениться».

Лиля открыла глаза, чтоб посмотреть на подругу. Рая сидела рядом и слушала Христикину маму.

— Ты с родным отцом не хотела помириться. А как я мирилась? Семнадцати лет в чужую семью вошла. Свекровь надо мной хозяйка, старшие невестки — хозяйки, золовки — хозяйки. Всех слушаться надо, всем надо угождать.

— А вы любите мужа?

На этот вопрос женщина не ответила.

— Жила, как мышь. В доме смеются надо мной, думают, я не понимаю. А я все понимала. Сама им в угоду над собой смеялась.

— А муж за вас не заступался?

— Мой муж — настоящий мужчина был. В женские дела не входил. Я только подушке жаловалась. Потом соседка — упокой, господь, ее душу — научила. «Ты,— говорит,— детьми своими в доме укрепись». И вот год за годом росли в семье мои дети — и меня уже голой рукой не возьмешь. Мне уже почет другой. Дождалась я того дня, когда и невестки мне поклонились и золовки мне поклонились. Все, кто надо мной смеялся, кто меня притеснял, горько покаялись. Я в доме хозяйкой стала. Вот как надо жить. А сразу, нахрапом, ничего не возьмешь, ничего не переменишь.

— Это в старину так было,— запальчиво сказала Рая.

— Не очень в старину. Вам, молодым, все кажется, что мы при царе Николае жили. Нет. Старшему моему сыну, Рубену, тридцать два года всего. Вот считай. Ты думаешь, я не могла в один день сесть в поезд и уехать? У меня тоже родственники в Тбилиси были. А вот не уехала.

— Вы мужа сильно любили?

— Сколько надо, столько любила. В семье не это главное.

Лиля зевнула.

— Ну, а где Христик, наконец? Что это такое, в самом деле!

Рая обняла ее и спросила:

— А для чего вы укрепились в этой семье, если вы там никого не любили? Для чего?

— Вот ты не понимаешь,— покачала головой женщина,— оттого ты, как птица бездомная, летаешь по свету. Оттого все тебя жалеют.

— Меня жалеть не надо,— обиделась Рая,— и я не бездомная. Хочу поездить, посмотреть, как другие живут, что тут плохого? Я к себе на родину всегда могу вернуться. Что меня жалеть?

Лиле стало скучно.

— Пойдем,— потребовала она,— посмотрим, может, Христик в тамбуре.

Они вдвоем постояли и помолчали у открытого окна.

— Мало ли что может случиться,— вдруг сказала Раечка,— ты мой адрес запомни — он легкий: Рустави, главный почтамт, до востребования. В случае чего — сейчас же мне напиши. Не пропадем.

— В случае чего? — допытывалась Лиля.— Что может случиться, Раечка?

— Ах, мало ли что! Ты знай, всегда можешь мне написать. Ведь так легче, поняла?

Окончание см. стр. 25—26.

Ветер 7 баллов

В. ВИКТОРОВ

Фото Г. ВАЙДЛА, Э. СААРА, С. МИГДАЛЯ, И. ФЕДОРОВА, И. ТРАПИДО

Накануне первой гонки XIII Балтийской регаты ничто не предвещало штормовой погоды: в устье реки Пириты легкий ветерок ласково поглаживал поднятые паруса, а яхтсмены разгуливали в трусиках, забыв о непромоканцах и спасательных жилетах.

Но старые эстонские гонщики тревожно покачивали головами и советовали своим гостям, спортсменам из Финляндии, Польши, ГДР, США, тщательно готовить снаряжение. «К утру задует,— предупреждали они,— берегите мачты».

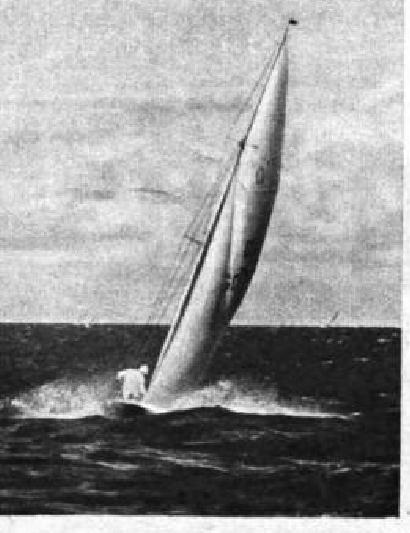

Тимира Пинегина никак нельзя назвать эстонским старожилом. Его родные места не здесь, на просторах таллинского залива, а в Москве, на Клязьминском водохранилище. Но олимпийский чемпион — прирожденный моряк, да и яхта его класса «Звездный» — «Торнадо» не раз бороздила воды Балтийского моря. «Проверьте мачту»,— советует Пинегин рулевому финского звездника Петеру Таллбергу.

→

Не ведала ничего о предстоящем ей испытании и команда яхты класса «Дракон» из ГДР — рулевой Петер Арендт, которого вы видите на корме, и два его матроса Ульрих Мензе и Вальтер Лоренс.

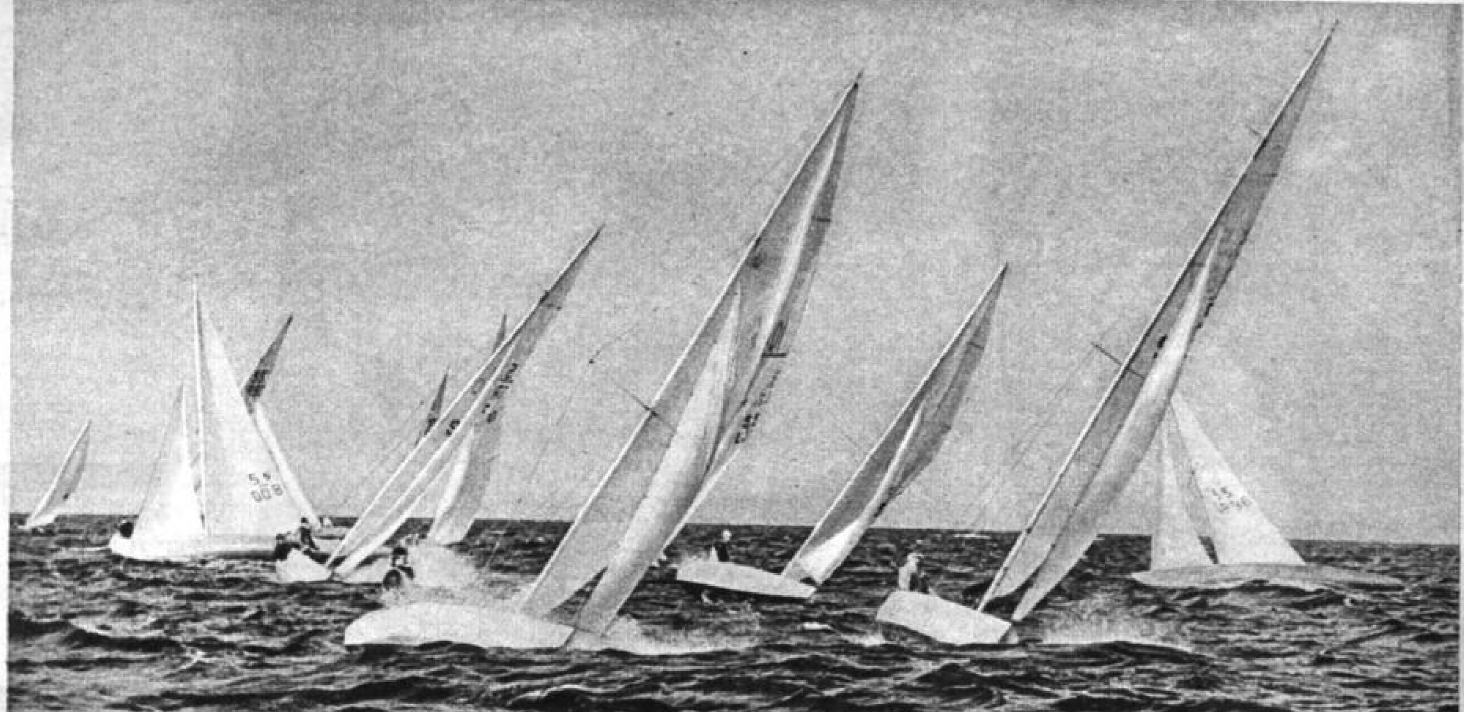
Наступил день первой гонки. Пронзительно заныл балтийский ветер в снастях, замелькали за молом белые гребешки, и когда Петер Арендт вывел своего «Мутафо» с уютного яхтклубного рейда в залив, он понял, что таллинские моряки не ошиблись: стремительно неслась его яхта под ударами семибалльного ветра.

→

Да что «Дракон»! Даже могучие «пятерки», как называют гонщики килевые яхты класса «5,5-R», летели, словно перепуганные птицы, под своими перегруженными ветром парусами.

Вот перед вами одна из таких «пятерок». На руле чемпион XV Олимпийских игр в Хельсинки американский яхтсмен, профессор биохимии Британик Чэнс. Да, у него нет оснований не любить Балтики. Ведь он уже однажды добился в этом суровом море большой победы. А теперь он готов снова к борьбе с ветром и своими сильными соперниками.

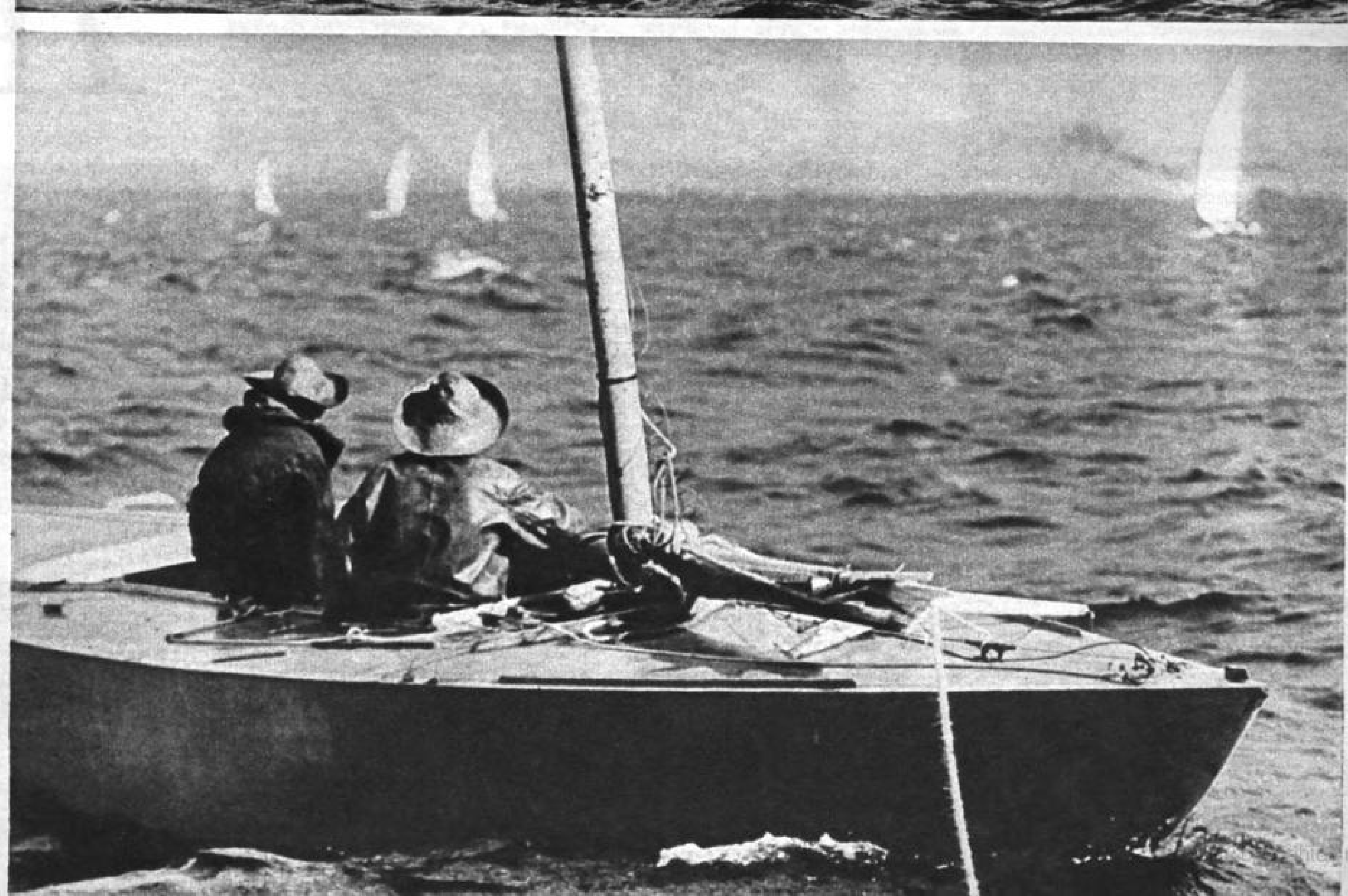

Остались за кормой восемь миль, и килевые яхты всех трех классов подошли к месту старта. Они готовы начать гонку по заранее отмеченному буями огромному треугольнику.

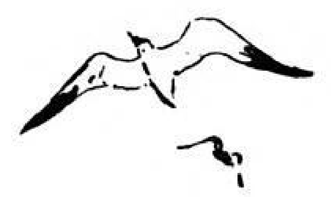
Наконец дан старт «пятеркам». Теперь все решают мастерство и смелость яхтсменов. Какой выбрать галс при лавировке? Как использовать щедрый ветер? Тут все решает вера в свою морскую интуицию и в свою яхту...

— Но, позвольте,— может быть, скажет читатель,— не перепутал ли автор подписи? Где же здесь борьба? Где морская пена и надутые паруса? Ведь вместо них мы видим на фотографии всего лишь две унылые фигуры.

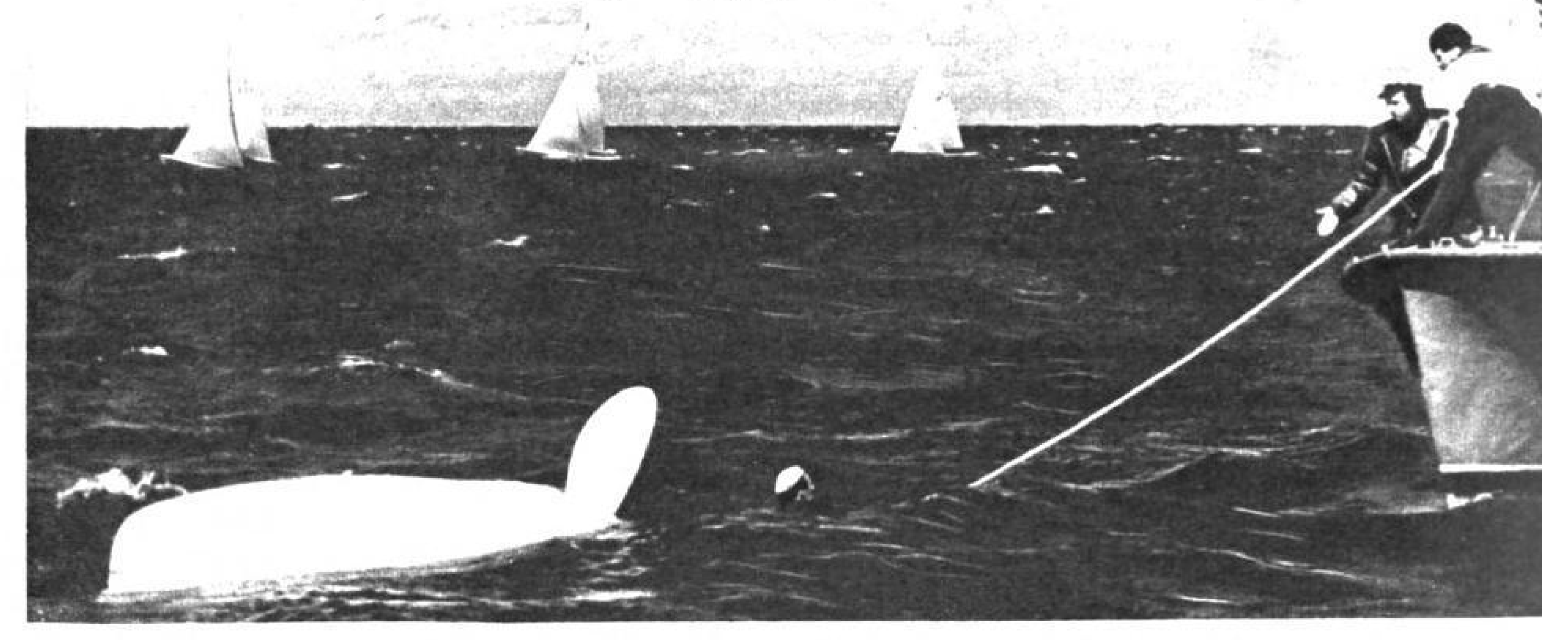
Нет, тут нет никакой ошибки. Всмотритесь внимательней — и вы поймете, что и этот на первый взгляд такой статичный снимок до предела насыщен азартом борьбы. Яхта класса «5,5-R» «Кондор» сошла с дистанции, потому что ее упругая мачта сломалась, как спичка, под ударом семибалльного ветра. «Кондор» потерял крылья, и его хозяевам осталось лишь одно — наблюдать, как стремительно удаляются от них счастливые соперники.

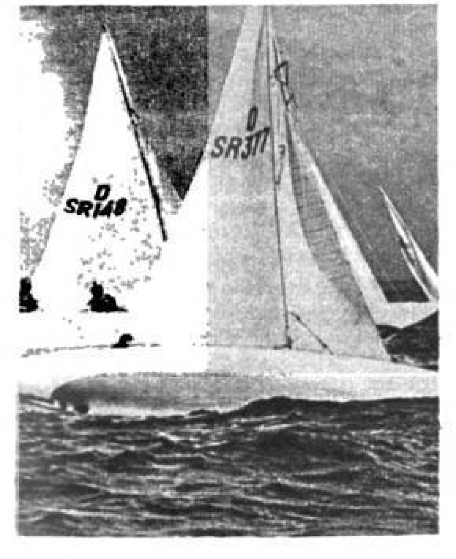

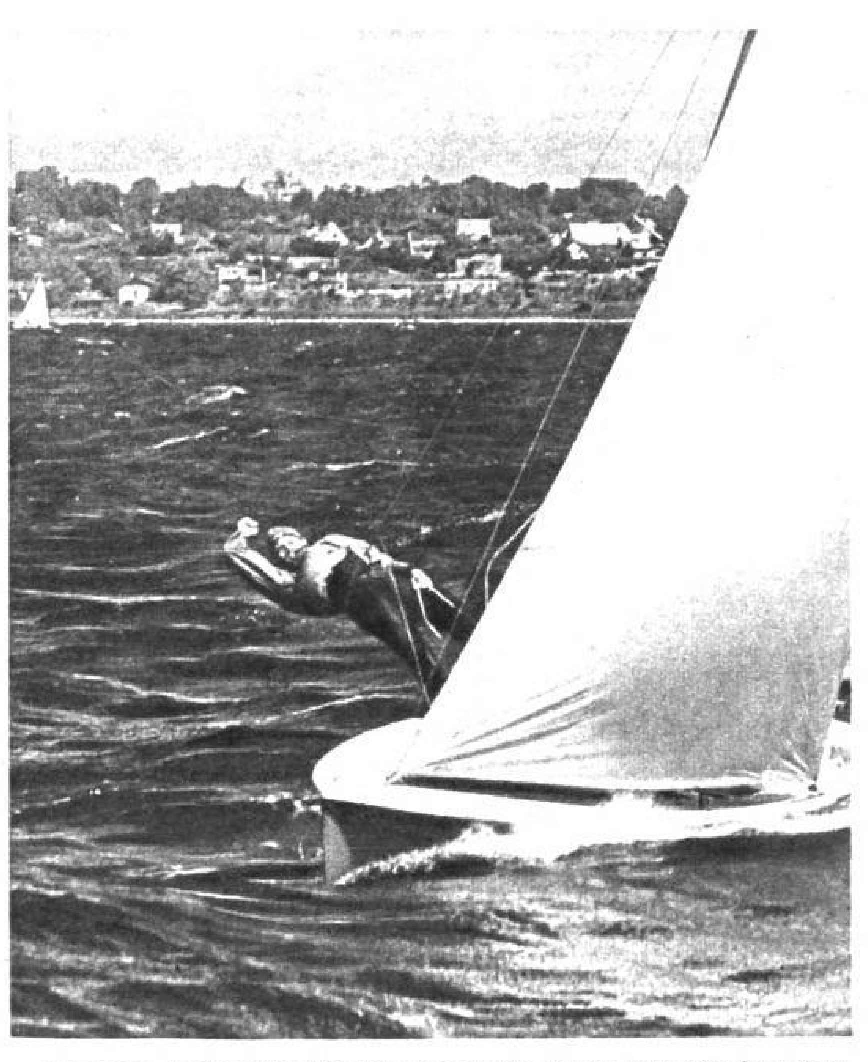
В первый же день регаты 11 мачт были срезаны лезвиями морского ветра. Но гонки продолжались, хотя этот ветер и не думал стихать, а волны становились все выше.

Трудно пришлось хозяевам килевых яхт. Но что же тогда можно сказать о швертботах — «Летучих голландцах» и «Финнах»? Они ведь тоже выходили в море. При таком ветре малейший просчет был равносилен катастрофе. Вот она, катастрофа: яхта перевернулась, а ее хозяин в воде.

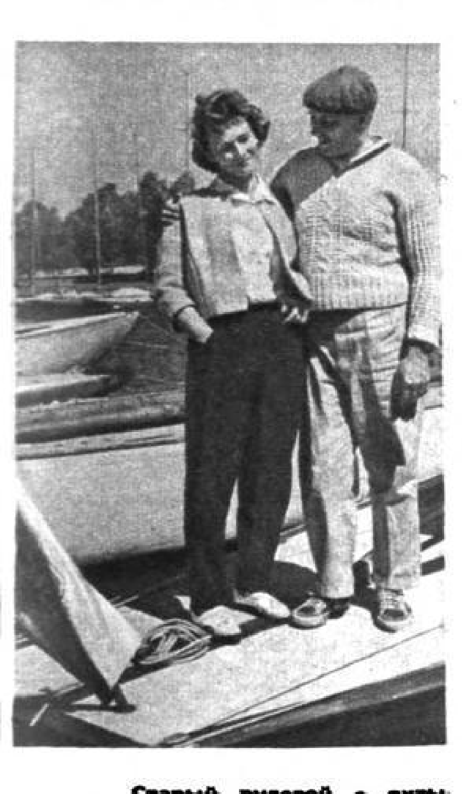
Особенно напряженная борьба разгорелась в классе «Дракон». Спор за первое место шел между знакомым нам немецким спортсменом Петером Арендтом и рижанином Евгением Канским.

Для того, чтобы благополучно закончить гонку при семибалльном ветре, яхтсменам с «Летучего голландца» приходилось превращаться в акробатов и буквально повисать в воздухе, чтобы выровнять крен своей яхты.

Да, в таких трудных, штормовых условиях, пожалуй, не проходила еще ни одна Балтийская регата. Но яхтсмены закончили ее с честью. Проведены последние гонки, и моряки разоружают свои крылатые суда.

Старый рулевой с яхты «Сириус» Евгений Канский — призер многих крупнейших состязаний. А рядом с ним стоит его жена — Зигрида Канская — рулевая с другой яхты класса «Дракон». Она тоже участвовала во всех гонках регаты, и на предыдущем снимке вы можете увидеть ее «Ориона». На парусе яхты цифра «148».

Заслуженная награда. Наравне с советскими спортсменами и рулевыми из ГДР получил свой приз и яхтсмен из США Б. Чэнс. В своем классе он занял первое место.

В торжественном строю застыли участники регаты — победители балтийского ветра.

К 17-й годовщине начала освобождения Польши от фашистских захватчиков

Командующий 1-й Армией Войска Польского генерал С. Поплавский и начальник штаба 1-й Армии генерал Стражевский во время наступательных боев в марте 1945 года.

Среди друзей и однополчан

Генерал армии
С. ПОПЛАВСКИЙ

Самолет летел в Варшаву. А в моей памяти вновь и вновь всплывали события прошлых лет...

В 1944 году по просьбе Временного правительства Польши я был направлен советским командованием для прохождения службы в Войске Польском. Мне пришлось недолгое время командовать 2-й Армией ВП, затем я принял командование 1-й Армией. Мой перевод совпал с предстоящим большим зимним наступлением Советских Вооруженных Сил в 1945 году.

1-я Армия входила в состав 1-го Белорусского фронта и наступала в рамках Висло-Одерской операции. Она принимала участие в освобождении Варшавы, а в дальнейшем в тесном взаимодействии с Советской Армией громила гитлеровцев в Померании и в самом Берлине.

Я видел Варшаву после ее освобождения, израненную и разрушенную фашистскими палачами. И вот я опять в бессмертной столице Польши. Какой же она стала красивой!

Я ходил по варшавским улицам, и хотелось сказать: да, друзья, ваша столица никогда не была еще такой прекрасной, как сейчас.

Министр национальной обороны Польши генерал Спыхальский, по приглашению которого я прибыл в Варшаву, предложил мне выехать в Щецин, праздновавший день своего освобождения от гитлеровских захватчиков. Я с удовольствием согласился.

Мы ехали по прекрасным дорогам мимо новых жилых корпусов. Поля с дружными всходами. Заводские трубы на горизонте. Пострадавшие от боевых действий города Пила, Валч и Мирославец сильно изменили свой внешний облик. Они так украсились новыми жилыми домами, промышленными предприятиями, школами, что их трудно узнать.

Впереди Щецин. После войны здесь уцелел лишь один мост, по которому шло железнодорожное и автомобильное сообщение. Теперь здесь построено три больших прекрасных моста. А как изменился щецинский порт! Сюда сейчас заходят сотни кораблей со всех концов света.

Мы направляемся к штабу дивизии, расквартированной в этом городе. Нас встречают командир дивизии генерал В. Ярузельский и офицеры штаба. Руководящий состав этой дивизии — бывшие мои подчиненные, мои друзья. Сколько вместе пройдено, сколько воспоминаний!

Вечером состоялось торжественное заседание Воеводской Рады Народовой, посвященное празднику освобождения Щецина от гитлеровских захватчиков. Овации и возгласы «нех жие» в честь великого Советского Союза и Советской Армии-освободительницы долго не смолкали под сводами огромного зала.

У обелиска воинам Советской Армии, погибшим в боях за освобождение Щецина, были возложены венки. Под звуки траурного марша зачитали фамилии погибших. Жители города свято чтят память тех, кто отдал свою жизнь за освобождение польской земли от гитлеровских варваров...

На следующий день мы выехали в город Цедыню. Вереница автомобилей движется по местам, где в 972 году Мешко I воевал с германскими захватчиками и где спустя почти тысячелетие части 1-й Армии Войска Польского плечом к плечу с Советской Армией наносили удары гитлеровцам.

Мы подъезжаем прямо к школе. Дети засыпают нас цветами, звучат их задорные голоса: «Нех жие Звензек Радзецки! Нех жие Армия Радзецка, наша вызволицелька! Нех жие Войско Польске!». Впереди, перед входом в школу, стоит отряд молодежи в пилотках и серых костюмах; это харцеры — члены молодежной организации, ровесники освобожденной земли. Руководитель группы юношеским, звонким голосом докладывает, что они клянутся хорошо учиться и трудиться, быть достойными своих отцов, боровшихся с фашистами за новую, социалистическую Польшу.

Продолжая путь, мы прибыли в Гоздовице. Здесь полки и дивизии 1-й Армии форсировали Одру и нанесли 16 апреля 1945 года совместно с Советской Армией сокрушительный удар по войскам гитлеровской Германии. В Гоздовицах на холме над Одрой у памятника саперам, погибшим при форсировании Одры, собрались тысячи жителей этого района. Среди них много бывших воинов 1-й и 2-й Армий Войска Польского.

В прошлом малоземельные и безземельные крестьяне, они поселились на этих землях, находившихся под пятой немецких захватчиков. Поселились, чтобы своим трудом возродить национальную экономику и культуру, чтобы установить здесь новые, демократические порядки, построить социализм.

Когда-то отсюда, с этого рубежа Гоздовице — Секерки, начался последний этап разгрома гитлеровских банд.

Запомнилась встреча с плютоновым (сержантом) запаса Никанором Шереметой, бывшим командиром расчета гаубицы, которая в 1945 году громила отсюда огневые точки гитлеровцев, прокладывая путь наступающей пехоте и танкам. И вот совпадение: он получил надел земли как раз там, где стояла его гаубица! С присущей артиллеристам аккуратностью он сохраняет старую боевую позицию. В разговоре со мной Никанор Шеремета сказал: «Я это делаю не потому, что хочу воевать. Нет, я, как и все трудящиеся земного шара, хочу мира. Но эта артиллерийская позиция напоминает мне, что здесь я сражался за жизнь Польши. Это исторический памятник».

Так пусть же Никанору Шеремете не придется снова вставать к орудию! Пусть будет всегда мир на польской земле, вернувшейся в руки ее исконных хозяев!

Бруно **САУЛИТИС**

Камень поет

Здесь бой гремел
И сосны скошены грозой.
Здесь много умерло,
Чтоб жизнь достойней стала.
Бойцы чуть свет ушли
Дорогой фронтовой.
Теперь изваянный солдат
Здесь встал на глыбу
пьедестала.

Колючей проволоки
Ржавая спираль...
Гранит безмолвствует,
Но тишина не значит,
Что камень мертв —
В глазах бойца порой
сквозит печаль,
Хоть слез не видно:
Победители не плачут.

Над ним простерт
Бескрайний синий свод,
А небо милой Родины
Далёко.
Вокруг другая речь,
Другой народ;
И катится молва,
что камень тот поет
В тиши глубокой.

Порой играет
В небе летний гром,
И жизни голоса
В лесу шумят ответно.
Но каменная песнь,
Творимая бойцом,
Слышна лишь сердцу
В час заветный.

Гранит поет.
То песнь живой мечты,
То песнь о жизни,
Прерванной до срока.
Пусть смолкнут все.
От песни той цветы
Вдруг распускаются
у каменной плиты
Средь проволоки
ржавой и жестокой.

Хотя б на миг
Пусть смолкнут все кругом —
Боец не любит
Скорби темной вздохи.
Он видит даль
В сиянье голубом,
Рассветы новые
И новые эпохи.

Перевел с латышского
Петр Семынин.

Н. Родионова и В. Родионов (Иваново). ПОСЛЕ СОБРАНИЯ.

А. Прокопенко (Куйбышев). БРИГАДА РАБОТАЕТ.

З. Иногамов (Ташкент) ПОЛИВ ХЛОПКА.

Выставка «Люди колхозной земли»

Поезд приходит ночью

Начало см. стр. 17—20.

— Хорошо. И ты наш адрес возьми. Христик очень хорошо к тебе относится.

Хлопнула дверь. Христик шел из ресторана.

— Беседуете? — спросил он.— Соскучилась?

Он тоже остановился у окна и притянул Лилю к себе.

— Мы говорили о том, как вы будете жить,— сказала Рая.

— Ничего, проживем. Комнатка в подвальном этаже на восемь квадратных метров. Чего еще надо? Верно?

Он подождал секунду, чтоб девушки полностью оценили это сообщение, и победно расхохотался.

— Как-нибудь, изолированная четырехкомнатная квартира со всеми удобствами! Через месяц газ проведу. Не бойся, кукла,— он ущипнул Лилю за щеку.

— Христик, пусть Раечка к нам приедет!

— Пожалуйста, пусть приедет,— согласился Христик,— твое желание — закон.

Рая повторила:

— Мы о вашей будущей жизни думали.

— Да,— опять засмеялся Христик,— она, знаешь, какая хитрая? Сидела, сидела у бабушки и устроила себе неплохую жизнь. Это уж поверь мне.

— Христик, а у вас большая семья?

— Дай бог. Старший брат с женой, сестра с мужем. Ну, младший братишка и сестренки пока не в счет. Они пока мелочь. Еще тетя, мамина сестра, с нами живет. Старушки — украшение дома.

— Христик, а если Лиля захочет отдельно жить?

— Это как отдельно?

— Ну, отдельно от всех ваших, только ты и она.

Христик, прищурившись, посмотрел на Раю, потом перевел большие черные глаза на Лилю и, заложив руки за спину, сказал, обращаясь только к невесте:

— Имей в виду, наша семья этого не знала и знать не будет. Понятно?

Лиля удивленно открыла глаза, а он точно вбивал в нее четкие слова:

— Я тебе рекомендовал бы навсегда забыть подобные проекты.

— Христик, я совсем ничего... Я и не думала...

— И не думай. Учти, так будет лучше.

Он только теперь посмотрел на Раю.

— Если человек мне друг — все отдам. Но кто со мной играет — с огнем играет.

— Христ, я спать хочу,— пожаловалась Лиля.

— Пойдем, дорогая. Приятных сновидений.

Майору не спалось. Он вернулся из ресторана раньше Христика и ворочался, сбивая пододеяльник и простыню. Нельзя было после пива пить коньяк да еще есть на ночь какую-то ресторанную стряпню.

Измучившись, майор вышел в тамбур на сквозняк и закурил. Поезд торопливо отсчитывал вехи своего пути. Встречные огни в тумане казались круглыми и матовыми, как фонари. В тамбуре майор был не один. У другого окна кто-то стоял и будто тихо пел. Прислушавшись, майор понял, что слышит не песню, а тоненький прерывистый плач. Свет фонаря упал на пестрый Раечкин шарфик.

Г. Песис (Ленинград). ВЕСНА ИДЕТ.
Выставка «Люди колхозной земли».

Докурив папиросу, майор сказал:

— Ведь если глубоко вдуматься, какие основания, чтоб горевать? Молодость есть. Здоровье есть. Специальность есть.

— Есть,— тихо подтвердила Рая.

— Опять же родственники завтра встретят.

— Они не родственники. Они так, просто знакомые.

— Ну и знакомые ничего. Не век с ними жить. А Рустави я знаю. Город молодой, растущий. Много молодежи. Ребята работящие, веселые, только больно быстро верить им не надо.

— Как же,— презрительно фыркнула Раечка,— верить им!..

— Ну и все. Отдыхать пора идти.

В вагоне все спали. Похрапывал Христик. Крепкий детский сон сморил Лилю. Уснула и Раечка. Что, в самом деле,— молодость есть, здоровье есть, специальность есть.

А майор опять долго не мог уснуть. Возраст, что ли? Приоткрыл окно, чтоб струйка воздуха била в лицо. И все возвращался к мысли: хорошо, что дома парни растут. С ними все-таки проще.

Потом его тоже одолел сон.

Утром за завтраком выяснилось, что никаких знакомых в Тбилиси у Раечки нет, а есть только адрес одной «бабушки-татарочки», которая не откажется приютить землячку.

— А если откажется?

— Что вы! — удивилась Раечка.— Как можно!

Было утро. Солнечное, ясное. Из соседнего вагона прибежал белоголовый студент.

— Разият, иди скорей, сейчас будет море.— Студенты называли ее Разият, так им больше нравилось.

Рая побежала с белоголовым встречать море.

Клавдия Сергеевна сокрушалась:

— Наверное, надо мне ее к себе пригласить. По-человечески. Поезд приходит ночью. Девчонка в незнакомом городе одна. Но комнатка у нас тут очень тесная, а муж у меня нелюдимый, стеснительный. Ума не приложу!

— Конечно, куда же в одну комнату постороннего человека,— соглашалась Алла Ивановна.

— И у дочери моей тесно. Ну никак я не могу.

От огорчения Клавдия Сергеевна легла спать.

А поезд уже мчался по самому берегу моря, и все, даже те, кто много раз видели море и жили на его берегах, стояли у окон и неотрывно смотрели на спокойный зеленый простор, на прибрежную синюю полосу, на берега, осыпанные серой галькой, на причудливые коряги, выброшенные морем, на волнорезы, с которых мальчишки и мужчины ловили рыбу.

Все окна были открыты, и теплый влажный воздух, пахнущий морем, травами и цветами, вытеснил все вагонные запахи.

Сюда еще не пришла осень. На пляжах купались отдыхающие, вызывая восторженную зависть у Раечки.

— Смотрите, смотрите, как далеко уплыл! Смотрите, прыгают в воду! Загорают... Счастливые!

Христик негромко пояснял Лиле:

— Это санаторий «Ласточка». Прямо над морем стоит. Здесь цитрусовый совхоз. Скоро будет Мацеста. Водолечебница. А, между прочим, самый лучший пляж не в Сочи, а в Хосте.

Наклоняясь к Лиле, он обещал:

— В будущем году привезу тебя сюда. Привезти?

Вдруг поезд остановился. Остановился не у вокзала, а возле самого моря, и те, кто были посмелее, поскакали из вагонов на насыпь, под которой бились маленькие ласковые волны.

Вероятно, впереди был неисправен путь, постоянно подмываемый морем, или ближайшая станция не принимала поезд, но по всему составу пронеслось сообщение: «Машинист пошел купаться!»

Из соседнего вагона друг за другом выпрыгнули студенты-практиканты, сбрасывая на ходу пиджаки и брюки.

Одной из первых в воде оказалась Раечка. Подымая тучу белых брызг, она тут же выскочила на берег и втащила в море Лилю. Взявшись за руки, девушки прыгали и барахтались у берега — худенькая смуглая Раечка в черных трусиках и бело-розовая, не рискнувшая сбросить комбинацию Лиля. Христик плавал, широко взмахивая руками. Когда паровоз дал гудок, он был еще в море, и его мамаша отчаянно кричала у окна вагона:

— Остался! Остался! Задержите поезд!

Лиля побежала в одной рубашке, придерживая рукой мокрые волосы, а Рая собрала разбросанные по гальке Лилино платье, Христикины вещи, дождалась, пока он выскочил на берег, и догнала поезд уже на ходу.

— Ах, как было хорошо! Просто чудно! — повторяла Рая, тряся черными кудряшками, от которых во все стороны отлетали брызги.— Это совсем не похоже на Волгу. Тут вода сама держит.

— Видишь, теперь наша Лиля из-за тебя простудится,— мягко укоряла Раю Христикина мама,— смотри, на ней все мокрое.

— Велика беда! Здесь тепло. Я тоже не переодеваюсь.

— Ты другое дело. А она нежная. Она не привыкла.

Женщина, недовольно ворча, увела Лилю в свое купе.

— Ладно,— поморщилась Раечка,— не простудится.

Она вытащила из чемодана бельишко, отделанное темным кружевом.

— Красивое, правда? — полюбовалась она, сощурив глаза.— Цвет сомон называется. К Первому мая две пары купила. Голубое сестре отдала.

Она убежала с бельем в соседнее купе, где Лиля в мокром, облепившем ее платье сидела на краешке дивана, виновато распустив пухлые губы.

Рая бросила ей на колени белье.

— Иди, переоденься.

— Нейлон? — деловито осведомился Христик, разворачивая комбинашку.

— Христ, как же я возьму? — беспомощно спросила Лиля.

— Что ж такого. Когда-нибудь встретитесь — отдашь.

— Где же мы встретимся?

— Неважно,— сказала Раечка,— это мой подарок тебе. И косынку возьми, а то у тебя волосы мокрые.

Клавдия Сергеевна на Раю рассердилась:

— С чего это вы вздумали вещи раздавать? Много их у вас, что ли?

— А, вещи! — Раечка отмахнулась.— Я с детства все раздавала. Мне говорили: вот начнешь сама зарабатывать, переменишься. А я все равно не переменилась.

— Все-таки вы до сих пор дома жили. А попробуйте-ка пожить одна. Каждая тряпочка пригодится.

Как раз дома-то все у Раи пропадало. Сестры бесцеремонно копались в ее вещах и уносили все, что им нравилось. Мать говорила: «Ничего, Разият себе еще купит».

А, да что об этом вспоминать! Лучше пойти смотреть на море.

Клавдия Сергеевна терзалась.

— Сами посудите: комната у нас шестнадцать метров, раскладушку я дочери отдала, на пол мне ее положить неудобно. Ну, не могу и не могу!

— Что ж поделаешь,— утешала ее Алла Ивановна.

— Из головы она у меня не выходит. Расстраиваюсь.

Поезд часто останавливался у вокзалов, похожих на яркие цветные открытки с зелеными пальмами, черными кипарисами и белыми колоннадами. Отдыхающие, покрытые различными оттенками загара, от багрово-красного до шоколадного, увозили с этих вокзалов на север глыбастые груши в ящиках с пробитыми дырочками.

— Нам фруктов не надо,— усмехалась Христикина мама,— у нас сейчас такой базар,— не знаешь, что брать! Персики на кило четыре штуки. А виноград! Это разве виноград?

Она брезгливо отодвигала купленный Раей кулечек с синими кистями.

По-прежнему на каждой остановке Христик выводил Лилю погулять. Душистые цветы магнолий и дыхание курортной жизни придавали магическим словам: «Я пронесу тебя по жизни, как звезду» — еще больший вес и реальность.

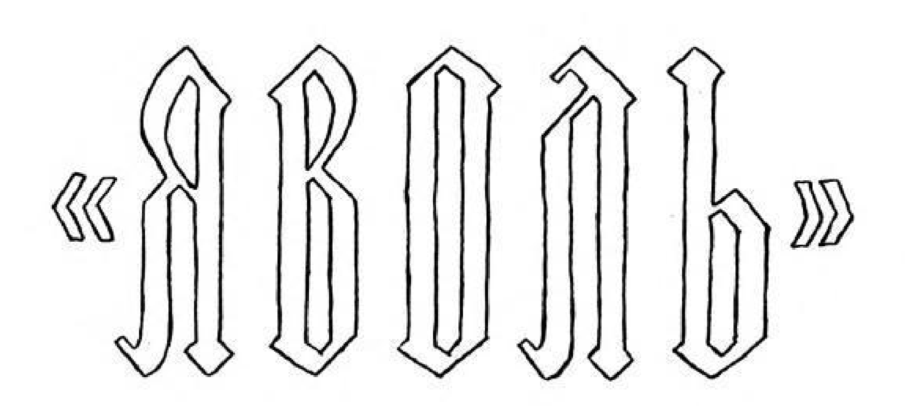
— Христ...
— Да, дорогая?
— Все-таки неудобно. Надо сделать бедной Раечке какой-нибудь подарок.
— Пожалуйста. Сделаем бедной Раечке подарок, если желаешь.
— Ну, купи что-нибудь.
Христик купил коробку конфет «Весна». На коробке Лиля написала: «На вечную память подруге Рае от Лили».
Рая приняла подарок с удовольствием и спрятала коробку в чемодан.
Радостное возбуждение этого дня, полного запахов моря и солнца, прошло.
На станции с звонким названием Зестафони высадились студенты. Рая проводила их до автобуса на привокзальной площади. Белоголовый Игорь подарил ей свою карточку. Он снимался для удостоверения. На белом уголке фотографии вывел мелкими буквами: «Помни о незабываемой встрече».
Алла Ивановна сказала лукаво:
— Кажется, мы одержали победу?
Нисколько не смущаясь, Рая подтвердила:
— Да. Я ему понравилась. Но это неважно.
— Почему неважно?
— Это ведь часто бывает. Понравишься или тебе кто-нибудь понравится. Это просто весело. А если любовь, то совсем по-другому.
— Как по-другому?
— Ну, будто вы сами не знаете. Тогда словно бестолковая делаешься. Все из рук валится. Ни о чем другом не думаешь.
— Вот какая философия! — засмеялась Алла.
— Это не философия. Это жизнь,— вздохнула Рая.
Она загрустила: ночью поезд прибывал в Тбилиси.
— Что ты будешь делать, если бабушка тебя не примет? — допытывалась Лиля.
— Как же она меня не примет? Я ей живой привет с родины везу.
— А вдруг она уехала?
— В гостиницу пойду.
— Ой, какая ты! — вздыхала Лиля.— Христик, пригласи Раечку. Если не устроится, пусть к нам приедет.
Христик наклонил курчавую голову.
— Прошу.
— А адрес?
— Ха! На что адрес? Сойдет с поезда, у первого человека спросит, где техник Христ живет. Всякий проводит.
— Нет, ты напиши адрес,— капризно потребовала Лиля.
Раечка достала из сумки записную книжку. Христик протянул ее Лиле.
— Напиши.
— Христ, ну я же не знаю,— плаксиво протянула девушка.
Христик похлопал ее книжечкой по носу.
— Дурочка. Своего адреса не знаешь. Ты дурочка, да?
Защищаясь, Лиля подняла руки. Красная записная книжечка упала на пол. Рая подняла ее и положила обратно в сумку.
К вечеру девушка совсем притихла. Она долго возилась у себя наверху, шуршала бумагой, перекладывала в чемодане вещи. Потом надела зеленый костюм, туфли на каблуках, намазала губы лиловой помадой. Уже совсем готовая, она встала у потемневшего окна, глядя, как вдали на небе желтеет зарево большого города.
К ней подошел Христик.
— Между прочим, я при Лильке не хотел говорить, она еще маленькая, но имей в виду, в чужом городе девушке надо быть осторожной.
Рая посмотрела на него.
— Неужели?
— Очень просто. Подойдет прилично одетый, спросит: кто? Откуда? Зачем? Предложит проводить. Это самое опасное. Я тебе советую: ни с кем в разговор не вступай.
— Так уж и ни с кем?
— Смеешься? Потом плакать будешь!..
— Ну что ты треплешься? — спросил за Раиной спиной майор.— Что ты ее пугаешь?
— Я, товарищ майор, не пугаю, а предупреждаю, она со всеми в откровенности пускается.,
— Ладно... Ты вот что,— майор впервые обратился к Рае на «ты»,— дам я тебе один адресок. Если ничего у тебя не выйдет, толкнись туда. Люди многосемейные, не хотелось их беспокоить, но сделать они все сделают.
— Не надо,— мотнула головой Рая,— я обойдусь.
— А все же на случай.
— Не надо. Меня сейчас и Клавдия Сергеевна к себе пригласила, я тоже отказалась. Не люблю людей беспокоить. А эта бабушка-татарочка очень скучает по своим. Для нее радость — земляков встретить.
Кутаясь в темный платок, подошла Лиля.
— Ты сойдешь, а я одна останусь...
Не отрываясь от окна, Рая молча погладила ее по плечу.
— Мы только завтра утром приедем. Скучно мне будет без тебя.
Удлиненные желто-карие глаза Лили смотрели беспомощно и тревожно.
— Ты только, если что, не укрепляйся,— горячо сказала Рая,— не очень старайся...
Лиля заплакала.
Поезд уже шел по пригороду. Большие и маленькие дома густо стояли у полотна железной дороги. Вот кто-то вышел на светлую веранду, женщина в окне сбросила платье: она ложится спать. Она здесь живет. Это ее дом. Уже промелькнула улица с трамваем, снова домики у дороги — и вдруг сразу в широкой, окруженной темными холмами долине открылся весь город.
Замигали, заиграли лучистые огни — белые шары уличных фонарей, яркие желтые точки в окнах домов. Высоко над городом вскинулась сияющая нить фуникулеров.
— Это чудный город, правда?
Раечка обернулась, ища подтверждения. Майор стоял в дверях купе. Она тронула его за рукав.
— Может, все-таки взять мне у вас адрес? Как вы думаете? Просто для спокойствия.
В вагоне зашумели, задвигались. Поезд прибывал на вокзал. Клавдия Сергеевна, совсем другая в пальто и шляпке, металась от окна к окну.
— Вот они! Сережа, Нина! Пришли! Боже мой, Ирочку с собой притащили! Посмотрите, вот она, Ирочка моя, кисанька, красавица...
Встречающие ворвались в вагон, целовались, на ходу знакомились, восхищались Ирочкой, которая охотно протягивала всем пухлую ручку.
Пристроившись к столику, майор торопливо дописывал последние строчки письма своему однополчанину. Сложив записку, он едва протиснулся к выходу. Нигде не было видно девушки в зеленом костюме. Он вышел на перрон. За его спиной кричала Лиля:
— Христик, а где Рая? Рая ушла!
Мимо в окружении родных прошла Клавдия Сергеевна.
— Ну, наконец-то я дома, наконец-то!
Она уже не замечала своего попутчика.
Майор заторопился к тоннелю, выходящему в город, потом кинулся обратно через пассажирский зал, мимо камеры хранения выбежал на городскую площадь.
Ярко освещенный, по-ночному тихий город лежал перед ним. Машины с зелеными огоньками одна за другой подплывали к вокзалу и увозили пассажиров. Небольшая очередь толпилась у стоянки такси. Раечки не было.
Она шла в это время по незнакомой улице, с тревожным любопытством оглядывая спящие дома. Она никого не спросила, куда идти. Было радостно открывать новую землю. Только выйдя с вокзала, вспомнила, что не взяла у майора письмо. Но это не имело никакого значения. На что оно ей?
Рая вышла на перекресток. Две улицы, ярко освещенные лампами дневного света, лежали перед ней. Куда идти? Направо? Налево? Прямо?
Она счастливо засмеялась и пошла наугад — прямо...

Из путевых записок

Лев ШЕЙНИН

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Утро встретило нас еще в ФРГ, на станции Ахен, у самой германо-бельгийской границы. Здесь наш вагон был отцеплен и стоял в ожидании скандинавского экспресса, который должен был доставить нас в Париж.

До прибытия экспресса оставалось около двух часов. Мы гуляли по широкому, выстланному дымчатой плиткой перрону, прикрытому огромной стеклянной крышей.

Широкая лестница вела в тоннель, светящийся витринами парикмахерской, табачной лавчонки, маленького кафе и кондитерской. Слева расположился под зонтом пункт обмена валюты, где немолодая, но ярко крашенная немка меняла доллары и франки на марки, а марки — на франки и доллары.

Вернувшись к своему вагону, мы заметили толстого, румяного человека в старомодном котелке и с зонтиком в руках, очень внимательно рассматривавшего наш вагон. Как только мы подошли, он обратился к нам по-немецки.

— Простите, господа,— сказал он,— вы, если я не ошибаюсь, пассажиры этого вагона?

— Да, вы не ошибаетесь.

— И вагон в самом деле идет прямо из Москвы?

— Да.

— И сами вы тоже едете прямо из Москвы?

— Совершенно верно.

— Дас ист прима!..— улыбнулся немец.— Это превосходно, я хочу сказать уже по-русски. Можно?

— Конечно, если вам так хочется.

— В том-то и дело! — горячо воскликнул он и действительно перешел на русский язык.

Говорил он с сильным акцентом, не совсем правильно, но довольно свободно, нередко, впрочем, вставляя немецкие слова. Было видно, что ему действительно хочется поговорить с советскими людьми.

— Итак, мои уважаемые господа,— продолжал он,— хочу прежде всего вам сообщить, что я, Ганс Штольц, есть владелец завода по производству вагонных букс, венн зи ес виссен воллен [1]. Поэтому меня так интересует вагон, в котором вы едете. Увидел по табличке, что этот вагон...— ви загт ман дас?.. [2] — построен в Восточной Германии, или, как теперь ее называют, в ГДР... Лично я живу в Западной Германии, то есть, как вы говорите и пишете, в боннской республике, или, как мы говорим и пишем, в стране экономического чуда, да... Так вот, мне, жителю страны экономического чуда и владельцу завода букс, натюрлих [3], важно посмотреть, какие вагоны и какие буксы делают там, где, как это ни странно, нет крупных частных, как они говорят, предприятий и где такие предприятия считаются почему-то народными... Лично я как раз всегда считал, что самое важное, чтобы предприятие или фирма были ч е с т н ы м и. Там, оказывается, считают самым важным, чтобы они не были ч а с т н ы м и. Разница, если вам угодно заметить, достопочтенные господа, всего в одной букве, но весьма существенная...

— Да, разница есть,— согласился я с нашим собеседником.— Необходимо, однако, подчеркнуть, господин Штольц, что то обстоятельство, что завод становится народным, а не частным, как раз и гарантирует, что он будет честным... Не так ли?

— Ах, я в этом далеко не убежден, господа! — вздохнул господин Штольц.— Честность и частность — я не уверен, что так можно сказать по-русски, но вы меня поймете, а это главное — вовсе не так уж противоречат одно другому. Впрочем, не станем спорить на эту тему: мы вряд ли тут сговоримся... Одним словом, если Ганс Штольц вам скажет, что на старости лет он твердо решил так и не вступать в этот... в комсомол, вы можете ему поверить, господа, без честного слова.

— Поверим,— согласились мы.

— Но я хочу говорить о другом. Да будет вам известно, господа, что Ганс Штольц в конце 1941 года, то есть почти двадцать лет тому назад, не дошел до Москвы всего несколько десятков километров, не сойти мне с этого места!.. Да, бывший обер-лейтенант Штольц п о ч т и дошел до Москвы, но, увы, так и не дошел... А вы, господа, дошли, как это ни грустно признать бывшему обер-лейтенанту Гансу Штольцу, дошли!.. Тем не менее как честный, хотя и частный, человек я должен прямо об этом сказать. Известно, что началом катастрофы считается Сталинград. Я имею в виду нашу катастрофу, уважаемые господа. Но Ганс Штольц полагает, что начало было гораздо раньше, под Москвой, в декабре 1941 года... Да, так я мыслю, господа...

— Вы недурно говорите по-русски, господин Штольц,— заметил один из нас.— Вы изучаете русский язык?

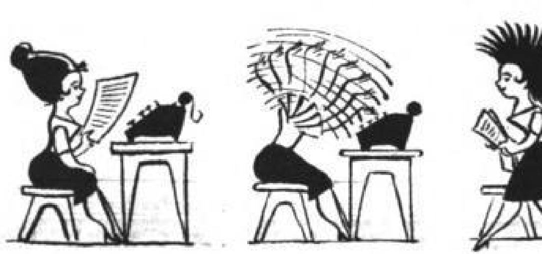
— Теперь нет,— ответил толстяк, обмахивая шляпой вспотевшую розовую лысину.— Но я довольно основательно изучил ваш язык, когда был в плену. Да, да, я был военнопленным несколько лет и работал в русском городе Осташкове. Это есть такой малый, такой милый город, и там я жил в лагере, и капитан Коптелов, начальник лагеря, говорил так: «Ганс

[1] ...если хотите знать.
[2] ...как бы это сказать?
[3] естественно

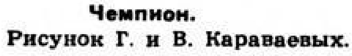
Зайцы.
Рисунок В. Сигачева.

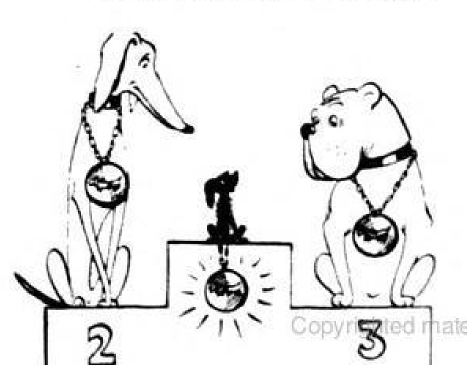

Рождение моды.
Рисунок А. Курицына.

Чемпион.
Рисунок Г. и В. Караваевых.

Штольц, ты башка, ты хорошо работаешь, Ганс Штольц, ты все лучше говоришь по-русски, ты уважаешь дисциплину, и я еще раз говорю, ты башка!» Да, так говорил капитан Коптелов, и благодаря ему я знаю, что такое есть башка...

— Что же, по-вашему, означает это слово?

— Всякий человек, натюрлих, имеет голову,— быстро ответил Штольц,— но далеко не всякая голова есть башка, майне геррен. Между тем в любом деле, и тем более в политике, важно иметь башку, а не просто голову. Так говорил капитан Коптелов, а он был строгий, но честный человек, ца, айн эрлихер мэнш[4], можете мне верить. И все пленные знали, что если герр капитан сказал «да», то это, безусловно, «да» и по-русски, и по-немецки, и на всех языках. А если он сказал «нет», то это тоже «нет» на всех языках и в любом переводе. Ах, господа, я уже давно вернулся нах хаймат[5], но еще и теперь мне снится иногда по ночам капитан Коптелов, и я отдаю ему честь, и даже щелкаю во сне каблуками, и говорю «так точно» по-русски, а затем повторяю «яволь» по-немецки. И знаете, почему я повторяю по-немецки? Потому что так крепче. И это тоже однажды сказал капитан Коптелов.

Я как-то ответил ему по-русски «так точно». Он тогда посмотрел на меня очень хитрым глазом и сказал: «Ганс Штольц, если отвечают «так точно» на чужом языке, то это редко бывает точным... Но беда в том, что кайзер и Гитлер приучили вас, немцев, слишком часто и без размышлений произносить слово «яволь». Я не хочу следовать их примеру, Ганс Штольц, и потому не настаиваю, чтобы вы повторяли мне по-немецки «яволь»...» Так сказал мне тогда капитан Коптелов, повернулся и ушел, и я — клянусь вам честью, господа! — долго глядел ему вслед, разинув рот... Да, я вдруг сразу понял, сколько бед, и крови, и трупов, и сирот принесло моему народу и многим другим народам это короткое и страшное слово «яволь»...

Итак, мы немного не дошли до Москвы, но вы дошли до Берлина. Теперь, когда этот факт уже принадлежит истории, и нам и вам есть над чем поразмыслить, натюрлих... Особенно нам, поскольку не дошли именно мы. Впрочем, я полагаю, что поразмыслить надо и тем, которые не дошли, и тем, которые дошли, извините меня за прямоту, милые собеседники... И знаете, о чем на вашем месте поразмыслил бы я?

— О чем, господин Штольц?

— О том, что мы все-таки чуть-чуть не дошли...

Штольц улыбнулся, потом указал на столики вокзального ресторана, вынесенные на французский манер из зала прямо на широкий перрон, и добавил:

— Может быть, вы окажете мне честь и выпьете со мной по кружке доброго немецкого пива? До прибытия скандинавского экспресса еще есть время...

Штольц так добродушно улыбался и время еще действительно было, что мы согласились и уселись за один из столиков. Наш собеседник заказал пиво и какие-то особые сосиски, о которых он отозвался очень ответственно: «Сосиски эти — гордость Германии!» Когда кружки были наполнены пивом, которое действительно оказалось хорошим, и когда мы отведали «гордость Германии», о которой тоже не скажешь плохо, Штольц улыбнулся.

— Мы с вами уже пожилые люди, господа, и видимся в первый и, вероятно, в последний раз. Кроме того, мне уже давно не приходилось встречать советских людей. Поэтому я хочу вам сказать откровенно, если вы не возражаете...

— Разумеется, нет, нам тоже давно не приходилось видеть западных немцев, господин Штольц, и нам очень интересно откровенно поговорить.

— О, их данке! — воскликнул Штольц.— Речь пойдет о наших немецких идиотах, молодых и старых. В молодости я немного увлекался игрою в карты. И мой покойный фатер мне сказал: «Ганс, человек гибнет не тогда, когда он проигрывает, а тогда, когда он пытается отыграться...». К сожалению, глубокоуважаемый доктор Конрад Аденауэр не был знаком с моим покойным отцом. Я весьма сожалею, что наш канцлер не скажет кое-кому то же самое, что когда-то так мудро сказал мне покойный отец... Когда я вижу, как некоторые молодые идиоты вопят у нас о реванше, о восточных границах и о многом другом, а другие идиоты, старые, прежде всего наши старые генералы, аплодируют этим молодым идиотам, я всегда начинаю беспокоиться, что вот-вот опять, в дыме и тумане, выскочит это страшное старое немецкое слово «яволь»... И еще я думаю о том, что наши идиоты, молодые и старые, напрасно не побывали там, в Осташкове, у капитана Коптелова. Может быть, тогда они уже не были бы такими идиотами... Может быть... Их мохте ес глаубен!..[6].

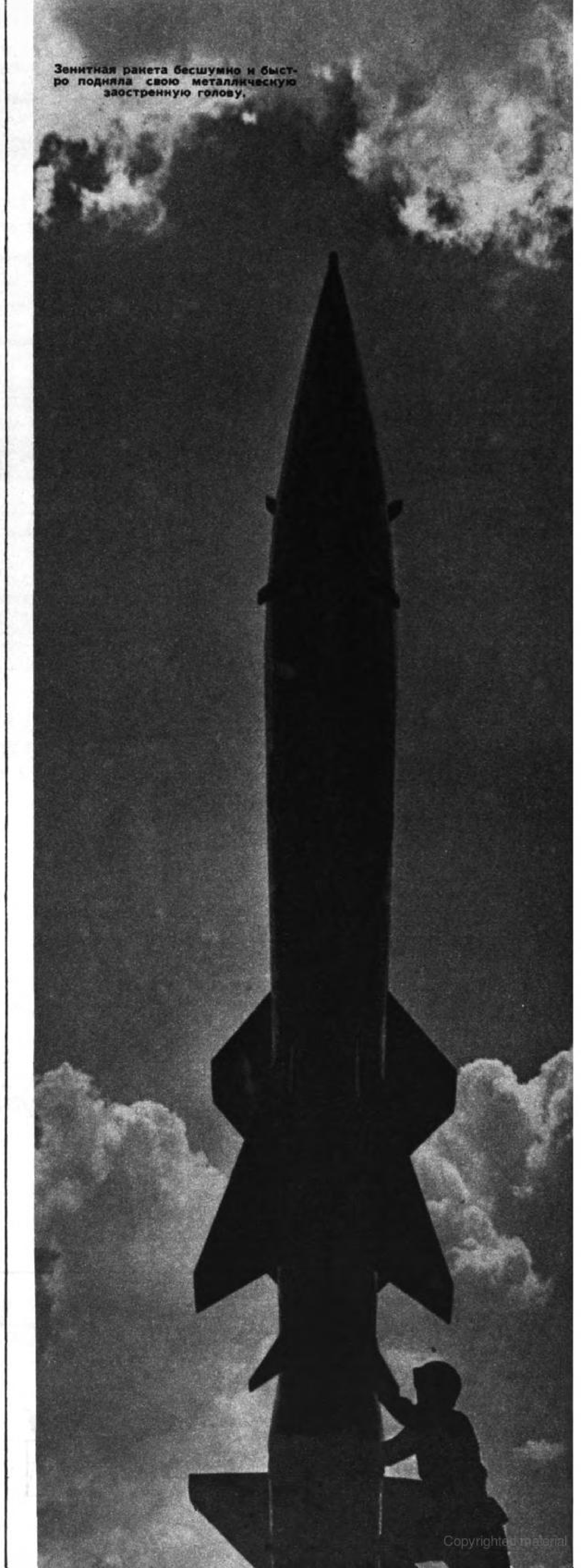
В репродукторе, висевшем почти над нашим столом, что-то вдруг ожило, щелкнуло, а затем звучный голос дежурного по станции очень торжественно объявил, что скандинавский экспресс, следующий в Париж, прибывает на станцию Ахен. Мы поднялись: надо было идти к своему вагону. Штольц провожал нас. Мы пожелали друг другу здоровья, личного счастья, успехов. Потом, когда наш вагон тихо тронулся, Штольц, размахивая шляпой, крикнул нам вслед:

— Гуте райзе, майне фройнде!..[7]. Бон вуаяж!.. А? Ви загт ман дас?! Да, да, счастливый путь!.. И если вам когда-нибудь встретится капитан Коптелов, передайте ему привет от Ганса Штольца!.. И передайте, что и теперь, через столько лет, Ганс Штольц считает, что капитан Коптелов — это башка!.. Бештимт![8].

...Экспресс, набирая все большую скорость, заворачивал влево, навстречу германо-бельгийской границе, а маленькую шарообразную фигуру Штольца с его зонтиком все круче относило в сторону, обволакивало паровозным дымом и утренней ноябрьской мглой, но он все еще упорно размахивал шляпой и продолжал кричать, что капитан Коптелов имел на своих плечах башку, а не просто голову... Бештимт!..

4 честный человек.
5 на родину.

6 Хотелось бы верить.
7 Приятного путешествия, друзья!..
8 Безусловно.

Зенитная ракета бесшумно и быстро подняла свою металлическую заостренную голову.

«Ракета к пуску готова!» — докладывает командир стартового расчета сержант Киряхно.

РАКЕТА НАСТИГАЕТ ЦЕЛЬ

Алексей ГОЛИКОВ,
Семен ФРИДЛЯНД

Специальные корреспонденты «Огонька»

Дорога ведет к широким воротам. Часовой, тщательно проверив документы, пропускает нас.

Командир ракетного подразделения войск ПВО офицер Богомолов, среднего роста, плотный, загорелый, с висками, тронутыми сединой, встретил нас радушно.

Потом по нашей просьбе повел на огневую позицию: уж очень не терпелось видеть ракеты — это грозное, самое современное оружие. Мы с недоумением смотрим на зеленый луг, возле которого в тени деревьев приютилось небольшое строение.

— А где же ракеты?

— Да вот они, перед вами!

Ракеты, прикрытые брезентом, мало заметны и имеют совсем мирный, даже какой-то домашний вид.

Стартовый расчет под командой сержанта Киряхно снимает брезент, и мы замираем, пораженные:

— Ого! Да она большая!

Но дело не только в размерах. Узкая, длинная, с заостренным носом и косо отброшенным назад хвостовым оперением, она словно появилась здесь из иного мира — мира огромных, неземных скоростей.

Оружие покорно умелым солдатским рукам. Ракета горизонтально ложится на станину, и мы имеем возможность ее подробно осмотреть. Делаем это с почтительным трепетом, удивляясь совершенству отечественной техники. Потом идем в холодок, под деревья, и слушаем рассказ офицера Богомолова о зенитных управляемых ракетах.

Богомолов — старый артиллерист, в Отечественную войну командовал зенитной батареей, все время был на фронте и с полным знанием дела говорит о безмерных преимуществах зенитных ракет перед ствольной артиллерией.

— Во время войны на один сбитый самолет нами в среднем расходовались сотни, а то и тысячи снарядов, — вспоминает Богомолов. — Правда, на станции Западная Варшава нашей батарее удалось с первого залпа сбить «Ю-88», но это была редкая удача. А ведь после войны средства воздушного нападения значительно усовершенствовались. Теперь самолеты летают на высотах более двадцати тысяч метров, со скоростью две и более тысяч километров в час. Зенитная артиллерия им не страшна. Поэтому самое надежное средство ПВО — зенитные управляемые ракеты.

— А сколько их нужно, чтобы сбить самолет?

— Ракета сама ищет цель и настигает ее. Это проверено не только на полигоне. Ведь самолет Пауэрса уничтожила именно одна ракета.

— А сколько потребуется времени, чтобы после выстрела перезарядить установку и выпустить следующую ракету?

— Очень немного. Сейчас увидите сами. Расчет сержанта Киряхно как раз тренируется по заряжанию установки. Пойдемте.

Занятиями руководит командир взвода офицер Уткин. Он подает команду и засекает время. Шофер рядовой Шуст подводит заряжающую машину. Солдаты Скитыба, Крикун, Брагинец и другие мгновенно занимают свои места. Звучит команда, и ракета, словно огромная серебристая сигара, скользит на пусковую установку, доходит до упоров и замирает. Рядовой Шуст отводит автомашину в сторону, и зенитная ракета бесшумно и быстро поднимает свою металлическую заостренную голову.

— Ракета к пуску готова! — докладывает сержант.

Перезаряжание произошло в считанные секунды. Солдаты, рослые, ладные, двигались удивительно четко. Чувствовалось, что каждое движение у них отработано безукоризненно.

— У нас солдаты отличные, — в ответ на нашу похвалу говорит офицер. — Большинство имеют среднее образование. Командир расчета Киряхно до тонкостей знает свое дело, заботится о подчиненных, требователен. За это его все любят и уважают. Да и солдаты служат, как говорится, не за страх, а за совесть. Вот, например, рядовой Скитыба до армии работал трактористом в бригаде коммунистического труда. Став солдатом, он вместе с другими своими товарищами обратился к членам бригад и коллективов коммунистического труда, ныне воинам-ракетчикам, с призывом: «...девиз учиться работать и жить по-коммунистически должен быть и здесь, в рядах армии, нерушимым принципом нашей службы...»

— А откуда же ведется управление ракетами? — спрашиваем мы.

— Сейчас покажем, — говорит офицер.

Переходим в помещение, залитое ровным сиянием ламп дневного света. За пультами управления сидят операторы, перед ними на доске масса различных приборов. Здесь используются самые последние достижения науки и техники: радиоэлектроника, автоматика, счетно-решающие устройства...

— Ракетчики должны много знать и много уметь, — словно прочитав наши мысли, говорит Богомолов и с огневой позиции ведет в учебные классы. Классы хорошо оборудованы. Занятия проводят опытные офицеры с высшим инженерным образованием.

Время, подчиненное точному военному распорядку, течет быстро. Красный шар солнца опускается к зубчатой стене синеющего на горизонте леса. Наступил час, который в армии называется личным временем. С берега реки доносятся звуки аккордеона, на открытой эстраде киномеханики натягивают экран. А в ленинской палатке солдаты сидят за учебниками.

— Это будущие студенты, — говорит офицер.

— Скоро кончают службу, вот и готовятся к поступлению в вузы. Воронин, например, — в строительный институт, а Васильченко — в высшую военную школу.

Вдруг тишину летнего вечера нарушает звук сирены: боевая тревога. Мгновенно все приходит в движение. Солдаты и офицеры стремглав бросаются на свои боевые посты. Мы едва успеваем за офицером, который занимает место на командном пункте возле индикатора наведения.

— С северо-востока идет одиночная цель, — получает он приказ.

— Это самолет-мишень, — объясняют нам.

— Подразделение, к бою! — командует офицер и почти одновременно получает доклады о готовности к боевой работе.

Словно по волшебству, слетают брезентовые чехлы, и над землей видны грозные силуэты зенитных ракет.

Вспыхивают сигнальные лампочки, зажигаются мерцающим светом экраны индикаторов, оживают стрелки многочисленных приборов.

На огневой позиции все замирает. Командир подразделения внимательно всматривается в экран индикатора. Вот на нем появляется маленькая светящаяся отметка — это цель!

На доске вспыхивает лампочка: «Цель сопровождается». Теперь в нее намертво вцепились невидимые лучи локатора. Самолет «противника» попал во власть умной электронной аппаратуры, и счетные машины с большой точностью измеряют его координаты. И вот наступает момент пуска. Багровое пламя до половины окутывает длинное тело ракеты, могучий гул сотрясает воздух. Ракета мгновенно отделяется от установки и с огромной скоростью устремляется вверх.

На экране индикатора она возникает новой отметкой. Эта отметка неотвратимо сближается с целью. Вдруг направление движения цели изменяется. Самолет-мишень маневрирует, стараясь избежать гибели.

Но все усилия тщетны. Нет силы, которая могла бы помешать встрече ракеты с целью. И вот в потемневшем небе полыхает зарница разрыва: зенитная управляемая ракета настигла и поразила цель.

БОЛЬШОЕ ИСКУССТВО — ДЕТЯМ

СЫН И ЕГО СВЕРСТНИКИ

Игорь ИЛЬИНСКИЙ,
народный артист СССР

Те, которые начали читать эти строки в надежде найти рецепты по вопросам воспитания, пусть не теряют зря времени, а возьмут лучше журнал «Семья и школа» или «Доклады Академии педагогических наук». Я же убежден, что рецептов в этих вопросах нет и быть не может; и самый лучший опыт одного человека, механически перенесенный в другую семью, может вызвать совершенно обратный результат. Кроме того, судить о том, хорошо или плохо воспитывали ребенка, мне думается, можно только в прошедшем времени.

Я с интересом слежу за разговором об эстетическом воспитании, который поднят в «Огоньке». Только мне думается, что эстетическое воспитание неотделимо от всего воспитания в целом. Я вспоминаю, как в юности мы небольшой группой во главе с репетитором — впоследствии известным театральным критиком и литературоведом С. Н. Дурылиным — отправились в археологическую экспедицию в Олонецкую губернию. Мы ходили пешком по тридцать километров в день, мы плыли на лодке. Мы впервые увидели во всей красоте северную русскую природу: студеное море, розовые закаты, прозрачные озера, густые леса, знаменитый водопад Кивач, острова Кижи с замечательными памятниками древнего деревянного зодчества. Мы увидели, восприняли, полюбили все это, и увиденное вошло в нашу жизнь навсегда.

Мне вообще кажется, что впечатления детства непременно сыграют роль в формировании вкуса, в определении круга интересов, пристрастий, в зарождении творческого начала да и во всем становлении характера и всего человеческого облика. Как будут впоследствии определяться и куда развиваться все линии характера и склонности, определит последующее бытие человека, но, употребляя терминологию Станиславского, основное «зерно» складывается в первые годы жизни. Я очень хорошо помню свое детство и сейчас очень ясно представляю, какие занятия, игры, игрушки, развлечения, жизненные события, разговоры и впечатления не только повлияли на выбор профессии, но и определили творческий путь во всей его противоречивости. Хотя мои родители меньше всего желали видеть меня актером, особенно отец — скромный зубной врач, он и слышать не хотел о том, чтобы я поступил в театральную студию,— и все же именно он с его любовью к литературе и театру, с его великолепным невоплощенным актерским даром, с острым чувством юмора, с его наблюдательностью и пристальным вниманием к людям сыграл в выборе моего пути решающую роль.

И так определилась не только моя жизнь. Читаю ли я мемуары актеров или беседую со своими коллегами, — ясно вижу, что любовь к искусству — не стремление к профессионализму, а именно влечение — началась, как правило, в детстве. Причем реже это — наследие профессии, чаще — наследие призвания. Почти все наши певцы могут вспомнить либо песни родного села, либо пение матери в поле, отца или брата по вечерам... Звуки рояля в таинственном окошке неподалеку, далекий баян на улице... Любовь к искусству у ребенка рождается там, где взрослые любят искусство. Еще раз повторяю — не там, где знают искусство, а там, где его **любят**.

Есть такое поверье в народе, что женщина, когда она беременна, должна обязательно смотреть на красивое, тогда и ребенок будет красивым. Вряд ли можно к этому отнестись серьезно, но бесспорна мысль: чуть ли не в утробе матери и буквально с пеленок красота должна окружать ребенка. Только вот какая красота?.. Ведь то, что пленит воображение в детские годы, западет в душу, долго потом еще будет служить идеалом. Стало быть, от нас зависят будущие идеалы наших детей. И будет ли это мишура и бирюльки или красота настоящая, красота в высоком смысле слова, определяем мы сами, сейчас.

Порой родители говорят, что не могут дать «хорошее воспитание» детям из-за ограниченности времени, средств, возможностей... Мне думается, это не так!

Я вспоминаю напечатанный недавно в «Огоньке» очерк об одной работнице, жительнице маленького городка, которая устроила у себя дома детский театр. Мать троих детей, вряд ли она имеет свободные деньги, свободное время. Но она любит искусство и, сознавая его благотворное влияние на ребенка, стремится передать эту свою любовь детям.

Страшная опасность не отсутствие чего-то, а, напротив, пресыщение чем-то. Пресыщение — самый страшный враг движения вперед, враг прогресса. Начинают пичкать ребенка развлечениями — и для ребенка посещение кино, театра перестает быть праздником, событием и не оставляет следа в его душе. Наряжают его, как куклу,— и у него это либо превращается в самоцель, либо человек становится небережливым, неаккуратным... Пичкают насильно — и у него появляется отвращение к еде. Заставляют в угоду моде заниматься музыкой, фигурным катанием, ритмикой, плаванием, иностранным языком, — ребенок, если у него нет к этому призвания, переутомляется; в нем остывает даже свойственная детям страсть познания, стремление к движению, к спорту.

Я благодарен своим родителям за то, что они ничему меня не учили насильно, в угоду родительскому тщеславию, а очень мудро и искусно расставляли «манки» на моем пути. И я попадался в силки, думая, что выбрал сам, то есть проявил самостоятельность — главное, что всегда движет поступками ребят, а выбрав, уже отдавался этому безмерно.

Очень правильно говорит об этом в своей статье писательница З. Александрова. Самое основное — внимательно присматриваясь к ребенку, понять, что составляет его главное увлечение. Это, конечно, нелегко: ребенок ведь разбрасывается и увлекается очень многим. Но именно поэтому так важно среди всего многообразия детских увлечений понять, в чем основное призвание ребенка, и именно это в нем развивать. И поверьте: для выявления этого главного не надо быть педагогом, надо просто быть очень внимательным.

Я знаю одну маму, которая, заметив бесспорную музыкальность сына, стала водить его на уроки ритмики. Уроки проходили в музыкальном училище; в соседнем классе репетировал детский симфонический оркестр. Ребенок, к полному удивлению и огорчению родителей, не делал в занятиях никаких успехов, был на уроках рассеянным, безразличным, но как только наступала перемена, бежал к двери соседнего класса, откуда неслись звуки оркестра. Он простаивал там не только время перерыва, но иногда и весь следующий урок. Стоило ли заставлять ребенка продолжать занятия ритмикой? Я думаю, что нет. Это не развивало музыкальные данные ребенка, а отвращало его от музыки.

Меня музыке не учили, и хотя, став взрослым, я ощущал этот пробел, все же, мне думается, правильно делали. Я любил спорт и чтение, и вот эти стороны поддерживали во мне и развивали. Они определили мои дальнейшие склонности и увлечения. И, вероятно, вольно или невольно пристрастия свои я передал сыну.

Мой отец очень хорошо читал вслух и, несмотря на то, что я сам читал много, продолжал мне читать вслух, даже когда мне было уже лет 14—15. Я обожал эти чтения, особенно когда отец читал смешное. Так юмор с самого раннего детства вошел в мою жизнь.

И вот появился у меня Володюшка. Я, конечно, стал читать ему, стал рассказывать — преимущественно сказки собственного сочинения. Любимцами его стали «Рассеянный» и другие веселые, смешные персонажи. Он без конца просил рассказывать о них, потом стал рисовать любимых своих героев, теперь увлекается карикатурами. Творчество Чаплина, Кукрыниксов, Тарапуньки и Штепселя, Олега Попова для него сейчас значит, может, даже больше, чем музыка Чайковского, Глинки.

Наверное, многие с возмущением прочтут эти строки: «Какое однобокое воспитание!»

Я и не претендую на бесспорные истины, я не педагог, а родитель, и как родитель поступаю так. Думаю, что прав.

Я вспоминаю, как в детстве меня повели в Большой театр слушать оперу «Фра Дьяволо». Это было первое посещение театра. И я его запомнил на всю жизнь с мельчайшими удивительными подробностями — они, правда, больше касаются антрактов, чем действия,— все пленило и потрясло меня, кроме... музыки. Из спектакля мне понравились только разбойничьи сцены — их я ждал, их запомнил.

Вспоминая это посещение театра, я думаю опять о моем сыне и его сверстниках. Ведь и они, посмотрев многие фильмы, демонстрацию которых не сопровождает анонс «Дети до 16 лет не допускаются», выносят из них только «разбойничьи сцены».

Задумываетесь ли вы над этим, друзья мои кинематографисты?

Ведь, кроме мультипликационных фильмов, большинство картин, которые смотрят дети, либо про войну, либо про шпионов. Конечно, это не комиксы, в них нет смакования ужасов, но и воспитанию они не способствуют!.. Сценаристам и режиссерам, вероятно, кажется, что ребята сделают именно те выводы, которые заложены в идее фильма... Но если бы дети уже умели сами все верно анализировать и делать правильные выводы, обобщения, тогда, собственно, о каком еще воспитании могла идти речь?! Ведь именно к этому мы и должны их подготовить! А то чего бы проще: поделился с ребенком накопленными жизненными наблюдениями, опытом, передал ему все это, как эстафету, а он сделал верный вывод и понес эстафету дальше. В жизни так не бывает.

Много в своей жизни человек совершит ошибок, много будет у него исканий, метаний, ненужных

увлечений, пока найдет он свой путь, научится делать правильные выводы. Облегчить ему этот процесс, не ограждая от трудностей, не советуя обходить их, а подготовить к преодолению их — наша родительская задача.

Помогаем ли мы, работники театра и кино, родителям? Почти нет. «Почти» относится к деятельности театра, «нет» — к кинематографу. Насмотревшись фильмов, ребята после этого играют в шпионов, в бандитов, устраивают борьбу, схватки, рукопашные бои, атаки, убивают врагов, нимало не отдавая себе отчета, каких «врагов» и из-за чего «битва». Мне думается, пользы от этого никакой.

А где подлинная романтика приключений, рассказы о пионерской жизни, о путешествиях? Где современные товарищи героев Гайдара? Кого ребятам идеализировать, с кого брать пример?

Присмотритесь к маленьким детям. Спросите их, кем они хотят быть. Почти никто не ответит: художником, музыкантом, артистом, ну, разве что клоуном; единицы скажут — инженером, значительно больше — пожарником или летчиком, еще больше — шофером, и чуть ли не каждый — экскаваторщиком, трактористом... С каким любопытством и уважением следят малыши в городе за работой подъемного крана, экскаватора, за умными строительными машинами, а в селе смотрят на трактор или комбайн! Они боготворят людей, которые управляют такими машинами. Любимые игрушки — машины, и любимая игра — в завод, в строительство. В этом проявляется чудесное увлечение трудом, стремление к созиданию. Но станут ребята постарше, и... часто это увлечение уходит. Почему? Потому что ни мы, родители, ни школа, ни искусство, ни литература не сумели **романтику** труда поддержать в детворе, направить ее в нужное русло. Это очень большой наш просчет...

Раз уж я заговорил о роли и задачах искусства в воспитании детей, мне хочется сказать еще о некоторых своих наблюдениях. Я всегда думал, что хорошо знаю детскую аудиторию. Я играл когда-то в детском театре, много читаю детских стихов, много занимаюсь с сыном. Надо сказать, что дети — это термометр правды в искусстве. Малейшая фальшь, сюсюканье, украшательство, заискивание — и вы разоблачены. Дети этого не терпят, кстати, не только в искусстве, но и в жизни. И всегда «садятся на голову» тому, кто говорит с ними неуверенно, заискивая. Они любят сильных, веселых, решительных людей.

Это, конечно, сказано несколько прямолинейно... Но работаю ли я над новой ролью, дописываю ли свои мемуары, ставлю ли новый спектакль, я всегда думаю о том, что даст это моему сыну и его товарищам, тысячам его сверстников или их старшим братьям — нашей молодежи, нашей смене.

И я считаю, что задумываться об этом почаще — и в своей работе и в своей личной жизни — обязательно следует всем. Почаще задумываться и не забывать, что очень многое в наших детях — в нашем будущем — зависит от нас, от нашего внимания, терпения, желания.

«Пришел, увидел, победил»

К. ЗИЛЛИАКУС

ТЕМ, кто считает, что в нашей стране живут сдержанные, холодные, не склонные выставлять свои чувства напоказ люди, нужно было бы побывать у нас, когда Англию посетил Юрий Гагарин. Вслед за Юлием Цезарем он мог бы сказать: «Пришел, увидел, победил».

Работники Манчестерского аэропорта, как эхо, повторили слова руководителя Лондонского аэропорта, что за все время существования аэропорта они никогда не видели подобных встреч.

Правительство с запозданием поняло, что значил этот визит для народа. Оно послало всего лишь постоянного заместителя министра авиации для того, чтобы официально приветствовать гостя. Ричард Димблби, ведущий репортер Би-Би-Си, обычно приберегаемый для передач о королевской семье, заявил по радио, что, по его личному мнению, это был недостойный способ встречи такого выдающегося гостя.

«Дейли мейл» на своей первой полосе напечатала открытое письмо под заголовком: «Дорогой Юрий, извини наш протокол, но мы никогда не встречали до этого человека из космоса».

Если бы, объясняла «Дейли мейл», речь шла о приеме премьер-министра, или посла, или даже третьего секретаря, Уайтхолл знал бы, что делать. Но справочник по этикету не содержал ничего о том, как принимать космонавта. Письмо кончалось просьбой к Юрию Алексеевичу не обижаться, если его встретит постоянный заместитель министра вместо премьер-министра, который должен бы это сделать.

«Дейли миррор», газета с самым крупным в нашей стране тиражом, писала:

«Протокол? Его захлестнула волна дружеских чувств к улыбающемуся, скромно выглядевшему молодому парню из России.

Рука Радости была протянута Юрию из толп, машущих и аплодирующих, выстроившихся на четырнадцатимильном пути в русское посольство.

Рука Радости была протянута принцессой Мэргэрет, которая махала проезжающему Юрию из сада Кенсингтонского дворца, где она живет.

Рука Радости была предложена Юрию Букингемским дворцом вместе с приглашением от королевы пожаловать на завтрак с герцогом Эдинбургским и с ней самой».

В острой передовой газета комментировала события:

«Вчера лондонцы оказали майору Юрию Гагарину, всемирному герою космоса, великолепный прием. Теплый, яркий, прямо от сердца. Они выступали от имени всего народа Англии.

Премьер-министр решил, что его достоинство позволит ему в конце концов принять Юрия завтра — у себя, в палате общин. Это глупый жест. Юрий должен быть приглашен на обед как почетный гость всем кабинетом. Любой английский министр должен бы гордиться тем, что присутствовал там.

Каждый гражданин Великобритании, имеющий искру воображения, с восхищением узнает, что королева проявила инициативу там, где премьер-министр плетется позади, и пригласила Юрия на завтрак в Букингемский дворец. Каждый гражданин Великобритании будет восхищен, если теперь королева сделает шаг дальше — И ПОЧТИТ ЮРИЯ РЫЦАРСКИМ ЗВАНИЕМ.

...Кто не будет радостно восклицать, если королева по обычаю скажет:

«ВСТАНЬТЕ, СЭР ЮРИЙ!»

Все газеты с массовыми тиражами освещали визит пространно и дружески, и их примеру, соблюдая приличие, последовали «солидные» газеты — «Таймс», «Гардиан», «Дейли телеграф».

В приеме Гагарина было безграничное восхищение достижением, которое считается принадлежащим всему человечеству, и это бросало новый отблеск славы на страну и людей, которые первыми сделали и запустили космический корабль и первыми послали человека в космическое путешествие.

Всех приводили в восторг человеческие качества самого Юрия Гагарина. Сквозь все газетные отчеты и во всех личных впечатлениях звучат отзывы о цельности его натуры, о его искренности, полном отсутствии сознания собственной важности или тщеславия. Ольга Франклин, ведущая корреспондентка «Дейли мейл», очень точно подметила это:

«...Мы, женщины, знаем, что ищем, и если нам нравится, как выглядит мужчина, то это не потому, что у него правильные черты лица или вздернутый нос. Безусловно, Юрий Гагарин воплощает тот образ, который живет в сердце женщины, образ, каким должен быть герой... и как он должен выглядеть.

В Юрии есть нечто, о чем так хорошо писал Толстой в «Войне и мире»,— отсутствие эгоизма... Подвиг Гагарина произошел в то время, когда мы все были немножко разочарованы. Мы хотим обожать и любить что-нибудь. А если оглядеться, этого вокруг нас немного».

Одна из корреспонденток «Дейли миррор» дала яркое описание того, что она назвала своими «10 сверхзвуковыми и электрическими секундами», когда на приеме в советском посольстве она пожала Гагарину руку.

«Вокруг меня толпились всякие важные люди, начиная от служащих министерства иностранных дел и кончая самыми крупными бизнесменами. Они говорили друг другу: «Юрий — чудесный парень...», «Ну и парень, этот Юрий, не правда ли?..», «Я должен сказать, Юрий мне нравится...»

На следующий день «Дейли миррор» на первой полосе напечатала фотографию девушки, которая вместе с другими охотниками за автографами простояла у советского посольства под дождем два часа и когда Гагарин вышел — она, бросившись к нему, обняла его и поцеловала от всего сердца. «Я буду это помнить всегда»,— сказала девушка репортерам. «Я считаю, что Юрий — восхитительный: я обожаю его за его достижения, за его застенчивость и нежность. Он — мой идеал».

Объединенный профсоюз литейщиков, который возник 150 лет назад, преподнес Гагарину в Манчестере золотую медаль и сделал его почетным членом. После этого Гагарин отправился на завод компании «Метро-Виккерс», где 26 тысяч рабочих прекратили работу.

«В рабочих халатах машиностроители, мужчины, женщины и подростки-ученики,— писал корреспондент «Дейли уоркер» с места события,— бросились вперед, чтобы похлопать его по плечу, пожать ему руку, взять у него автограф, и на всем его пути по огромному заводу выкрикивали приветствия. Он ходил в окружении рабочих, которые пользовались каждой возможностью, чтобы высказать ему свое искреннее восхищение, радостно крича и звоня по традиции маленькими колокольчиками, что значило прекращение всякой работы. Выйдя из ворот фабрики, он забрался на заводской грузовик, чтобы выступить перед огромной толпой (сообщалось, что там было десять тысяч человек), которая внимательно слушала каждое его слово и приветствовала каждую фразу».

В речах, которые произнес Гагарин на этих встречах, он сказал, что он рабочий, приехавший из страны социализма, что он рад встретить своих товарищей рабочих, что у них общее стремление сделать мир лучше и не позволить начаться войне. А рабочие назвали Юрия «братом» — так называют друг друга в Англии члены профсоюза.

И, может быть, это было самым важным в безграничной теплоте людского приема этого отважного представителя советской молодежи, которую воспитало новое общество. Для английского народа была возможность продемонстрировать, как сильно он хочет быть другом и жить в мире с народом Советского Союза. Он использовал эту возможность.

Лондон.

Юрий Гагарин приехал на Советскую выставку в Лондоне.

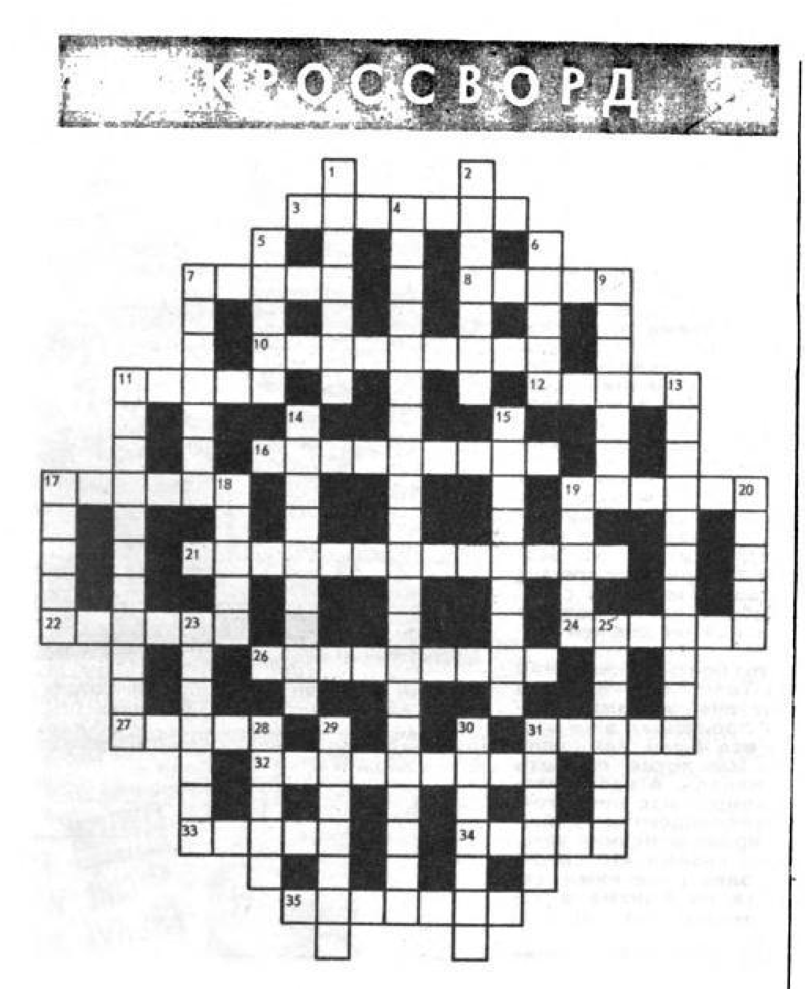

На первой полосе «Дейли мейл» — фотография Ю. Гагарина и премьер-министра Англии Макмиллана. «Дейли миррор»: «Рады Вас видеть». Сенсация дня: «девушка, которая поцеловала Юрия». «Фантастически!» — написала на полосе газета «Дейли экспресс» латинскими буквами. «Сделайте его сэром Юрием!» — предлагала английская печать.

Последнее рукопожатие перед отлетом в Москву.
Фото ЮПИ.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Красящее вещество. 7. Один из народов, населяющих Балканский полуостров. 8. Артист Московского Художественного театра. 10. Созвездие северного неба. 11. Город в Италии. 12. Крыша на опорах. 16. Французский ученый, открывший явление радиоактивности. 17. Шелковая ткань. 19. Летняя шляпа. 21. Повествовательная художественная литература. 22. Минерал, сырье для изготовления фосфатных удобрений. 24. Потолок, украшенный живописью или лепкой. 26. Государство в Латинской Америке. 27. Изобретатель первого в мире практического электродвигателя. 31. Парусное судно. 32. Растение с желтыми цветками. 33. Горная область в Эфиопии. 34. Пьеса В. Гусева. 35. Английский поэт XVII века.

По вертикали:

1. Основная деталь поршневых машин. 2. Специалист с высшим техническим образованием. 4. Миниатюрный мотор. 5. Приток Камы. 6. Севанская форель. 7. Занавес. 9. Опера П. И. Чайковского. 11. Наука о горных породах. 13. Слой атмосферы. 14. Конечный итог. 15. Персонаж комедии Н. В. Гоголя «Ревизор». 17. Басня И. А. Крылова. 18. Объединение производственных предприятий. 19. Автомобиль с грузо-пассажирским кузовом. 20. Газ. 23. Специальность ученого. 25. Весхвостое земноводное. 28. Советский физик, академик. 29. Один из Курильских островов. 30. Часть земельной площади. 31. Сильный внезапный порыв ветра.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 29

По горизонтали:

4. Никитин. 7. Прямоугольник. 10. Верди. 11. Нарын. 12. Кайра. 13. Родригес. 16. Максвелл. 18. Слог. 19. Такса. 20. План. 21. Гримзель. 24. Астрагал. 28. Связь. 29. Клише. 30. «Вадим». 31. Хлебосольство. 32. Пилотаж.

По вертикали:

1. Пирожное. 2. Ниагара. 3. Гирлянда. 5. Шредер. 6. Минаев. 8. Чебоксарова. 9. Пролонгация. 14. Иргиз. 15. Сталь. 16. Масса. 17. Сапер. 22. Мозель. 23. Лакколит. 25. Стельмах. 26. Арагва. 27. Филолог.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.
Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05256. Подписано к печати 19/VII 1961 г.
Формат бум. 70 × 108¹/₈. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 1423. Заказ 1797.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Мастер гротескных масок

Маски для спектакля «Дамоклов меч», выполненные Н. Г. Шалимовым.

Придворный парикмахер из кинофильма «Марионетки» (роль исполнял Мартинсон).

Угрюм-Бурчеев.

Органчик,

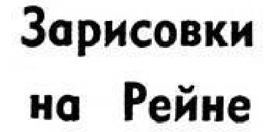
Поджигатель войны.

В Московском литературном музее и в частных собраниях хранится ряд интересных работ скульптора Николая Георгиевича Шалимова. Особенно любопытна галерея масок, созданных по произведениям Салтыкова-Щедрина, Чехова, Маяковского, Сервантеса. Здесь истукан с челюстью гориллы и оловянными глазами — Угрюм-Бурчеев, и губернатор Органчик с «особливым устройством» в пустом черепе (так и слышишь: «Не потерплю! Раззорю!»), и майор Прыщ с его фаршированной головой. Удачны и своеобразны по исполнению портреты унтера Пришибеева, ученого Тупицы, Дон-Кихота, Победоносикова.

В 1920 году на площадях Ташкента и Ашхабада, в красноармейских казармах, в госпиталях и на полустанках часто появлялся и давал представления кукольный театр Н. Г. Шалимова. Пьеса «Стенька Разин», одноактные веселые сценки и злободневные сатирические импровизации нравились зрителям. Молодой художник не только создавал куклы-персонажи, но был и сценаристом, режиссером, актером. А через несколько лет в Москве на фестивале кукольных театров он выставил свыше пятидесяти работ. Любители кино помнят старую комедию «Марионетки» в постановке Я. Протазанова. Фильм начинается веселым парадом кукол, имеющих портретное сходство с актерами — Ктоновым, Мартинсоном, Климовым и другими. Кроме того, Шалимов выполнил множество разнообразных работ — от карнавальных масок до фантастических чудовищ — для кинокартин «Гибель сенсации», «Лампа Алладина».

А. РЯПИН

Зарисовки на Рейне

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Рейн в лучах заката. Виноградники вдоль красивых берегов, готические контуры живописных городков вдали. Все как в старинной немецкой песне о Лорелее... И вдруг тишину разрывает грохот тяжелых тягачей, везущих огромные орудия. Американские соединения отправляются со своей базы на ночные учения. Аромат цветущих лоз вытесняется запахом войны...

Бульвар в Дюссельдорфе. Старичок в грустной задумчивости оперся подбородком на трость. Его воспоминания — нескончаемая вереница горьких утрат и разочарований. Две мировые войны... Не слишком ли много для одного поколения?

Но есть люди старшего поколения, которые думают иначе. Они опять внушают молодежи преступные идеи. По их воле снова маршируют солдаты.

Маленькие старинные городки на Рейне кажутся симпатичней и опрятней больших. В них нет копоти военных заводов, нет казарм. Здесь можно найти спокойное место для стоянки машины около какой-нибудь огромной липы, под которой, по преданию, пивал молодое рейнское вино Генрих Гейне.

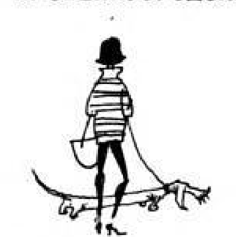
Вечером, при свете уличного фонаря, над затихшими машинами кружат ночные бабочки... Коварное сходство! На рисунке не ночные бабочки, а христовы невесты. Они заняты важным делом: вербуют избирателей для партии Аденауэра.

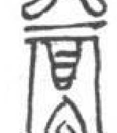
Жители маленьких рейнских городов любят чистоту и уют. Можно пройти целый километр и не заметить на мостовой ни одного окурка. Вдоль тротуаров аккуратные газончики, на подоконниках ящички и горшочки с цветами. И тем более непонятно: как такие любители чистоты мирятся с грязными свастиками на стенах домов и заборах?

Западные немцы весьма скрупулезны в финансовых расчетах. Два отставных офицера в кителях сидят за шахматами. У одного из них кончились сигареты. Испросив разрешения, он берет сигарету из пачки партнера и тут же кладет на стол мелкую монету. В баре молодой немец заказал себе и своей невесте по кружке пива и сразу же достал из кармана заветную записную книжку, чтобы отметить расход.

Можно не сомневаться, что и отставные вояки и молодой парень не израсходуют зря ни одного пфеннига. Но как же тогда с военными расходами Бонна? Ведь тут счет идет на миллиарды марок! Почему же в этом случае так легко бросают на ветер немецкие деньги? И, вообще, уж если быть скрупулезным, не худо бы заранее подсчитать, во что обойдется западным немцам новая война, которую хотят им навязать.

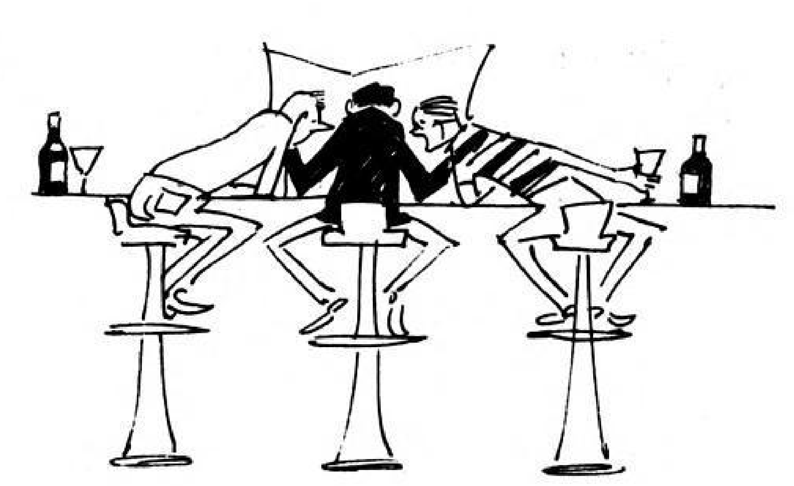
Л. ЗВЕНИГОРОДСКИЙ

— Удивительно! Почему им, а не нам удалось взлететь в космос?

Новые детали в рейнском пейзаже.

Не много ли двух мировых войн для одного поколения?

Любят чистоту и уют.

Голосуйте за партию Аденауэра!

Кончились сигареты.

Цена номера 30 коп.

